

"Холод юга"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Артем Каменистый

ХОЛОД ЮГА

Глава 1

Запов было трое, и, хотя Владу доводилось в одиночку расправляться с куда большим количеством противников, сейчас он нападать не решался.

Во-первых — это не сулило выгоды. Примитивное оружие да грязные шкуры — больше у метаморфов разжиться нечем. Другое дело, если атаковать их стандартное поселение: очень даже вероятно, что в каждом из них имеется исправный копир, с помощью которого запы обеспечивают себя качественными наконечниками для стрел и прочими мелочами. Полезная штукавина, к тому же его можно пустить на запчасти или, точнее, материалы.

Во-вторых — Влад и Давид вот уже третий месяц вели здесь жизнь невидимок. То есть старались ничем не выдавать свое присутствие. Если хотя бы один зап сумеет их заметить и благополучно уйти, то его соплеменники узнают — в этих местах, как минимум, живут два человека. Кто может сказать, что они затем предпримут? Уж вряд ли хорошее придумают.

В-третьих — зима, под занавес, решила наверстать упущенное. Вот уже вторую неделю мело чуть ли не ежедневно. Степь укрыло толстым покровом рыхлого снега, и быстро по нему передвигаться даже на лыжах не получалось. Учитывая, что у запов имеется лучник, весьма скверное обстоятельство. Пока сойдешься для рукопашной, он двадцать раз выстрелить успеет.

А еще в последнее время у Влада появились основания не доверять себе.

Чудо, что они его сразу не заметили. Самодельные маскировочные накидки далеки от белоснежной чистоты, да и зрение у дикарей отменное, и наблюдательность — тоже. Но нет же — ни один даже не повернулся в сторону Влада.

Где-то правее, в полосе густого кустарника, наперерез добыче должен подбираться Давид. Успеет он разобраться в ситуации и замереть, не показываясь дикарям на глаза? Очень хотелось на это надеяться.

Добычу было жалко чуть ли не до слез. Это летом по степи носятся неисчислимые стада разнообразной живности, а зимой все меняется — дичь будто под землю прячется. И в теплое время года встретить бизона, отбившегося от стада, большая удача, а уж в холодное вообще фантастика.

Но именно это случилось утром, когда Давид пошел проверять петли, поставленные на заячьих тропках. Наткнувшись на свежий след, он вернулся за Владом, и вместе они около трех часов, по очереди пробивая лыжню, преследовали молодого бычка, прежде чем тот, обессилев от борьбы с нетронутым снегом, не подпустил их на дистанцию выстрела. Два арбалета сработали синхронно, животное схлопотало болт с широким охотничьим наконечником, после чего припустило куда быстрее. Но долго выдерживать скорость не смогло — из раны каплей за каплей уходила жизнь. Зверь быстро слабел, погоня приближалась к финишу.

Минут пятнадцать назад, когда стало очевидно, что бизон направляется в глубокую балку, противоположный склон которой слишком крут для раненого животного, охотники разделились. Влад помчался перехватывать дичь вверх, Давид вниз. Не вызывало сомнений, что обессилевший бычок не станет переть в гору, и тогда ему придется поворачивать влево или вправо. Ну, или, что очень маловероятно, — может помчаться на преследователей. Других

дорог нет.

Но случилось иное: спустившись в балку, бизон наткнулся на троицу запов, и те не проворонили удачу. Укрываясь за тощим кустиком, Влад с завистью наблюдал, как дикари радостно разделяют добычу. Надеяться на то, что они удовольствуются лишь лучшими кусками, глупо. Пока парочка работала ножами, один топориком рубил ветки редких деревьев, изготавливая простейшую волокушу.

Все утащить собираются, сволочи...

А ведь на это мясо беглецы очень рассчитывали. Сытное летнее и осеннее существование осталось в прошлом. Когда перед началом зимы, преодолев северные перевалы, в горы ворвалось трехтысячное воинство, даже Рикс, прежде выражавший непоколебимую уверенность, что церковники сюда никогда не сунутся, а если сунутся, то немедленно огребут по самое не могу, сильно приуныл и резко поумерил пыл. И было отчего.

Для начала церковное войско устроило демонстрацию силы: дотла сожгло первую встреченную деревеньку при помощи немыслимого в этом мире оружия. Никто даже толком не смог описать его действие. Просто вдруг вспыхнуло абсолютно всё: дома, сараи, зелень на огородах и даже сама земля. Всё дело и пяти минут не заняло. Немногих уцелевших жителей не тронули, велел убираться на юг, рассказывая всем встречным, что видели. Ни одно селение не избежит этой участи, пока в горах укрываются исчадия Техно.

Церковников горцы не любили, причем взаимно. Но теперь, когда черная братия не постеснялась использовать древнее оружие против обычных людей, чего давно уже не случалось, расклад сил резко поменялся. Ни о какой свободной жизни среди заснеженных вершин не могло быть и речи, как и о том, чтобы взяться за луки и организовать отпор. Даже самые решительные признавали, что в открытом бою против всепоглощающего огня им ничего не светит, и предлагали мирную форму протеста: разбежаться по лесам и там прятаться, пока все само собой каким-нибудь образом не уляжется.

Лесов в горах предостаточно, вот только прокормить все население дарами природы вряд ли удастся. Начнется голод с его неизбежным детским мором, а следом и до взрослых смерть доберется. Церковникам достаточно выставить сильные заслоны на перевалах да гарнизоны в плодородных долинах: и без того некрепкое сообщество горцев долго не протянет.

Влад, не страдавший дефицитом ума, быстро понял, что даже защита Рикса не спасет: рано или поздно недовольные вторжением люди устроят заговор против жалкой парочки древних, выдав их церковникам живыми или мертвыми.

Дождаться этого Влад не стал. Хоть не совсем оправился от ран, да и другие проблемы беспокоили, оставив новых и старых товарищей, бежал вместе с Давидом в южную степь, полоса которой тянулась по обеим берегам Подонца, местами достигая северных гор, местами прижимаясь к воде. Здесь хватало охотничьих лагерей, оставленных сезонными ватагами, которые по лету занимались добычей бизоньих шкур. В одном из таких парочка обжила хижину, утеплив ее сухой травой, мерзлым дерном и снегом. В первую неделю потеряли лошадей при нападении сволков. Это даже к лучшему оказалось: все сожрать или утащить твари не смогли, мяса и вываренных костей хватило надолго, а то ведь припасов много увезти не получилось. Рацион пополняли за счет заячьего и птичьего племени, но, к сожалению, нечасто: охотники из бывших горожан получились никудышные.

И вот сегодня, когда они были так близки к огромной груде мяса, приходится кусать локти,

наблюдая, как добыча уходит к грязным врагам рода человеческого.

Что вообще запам здесь понадобилось? Ведь за всю зиму даже следов их ни разу не заметили. Те, по каким-то неведомым причинам, почти никогда не ходили в набеги на горцев, а другого населения к северу от Подонца в этих местах не было. Группа охотников? А стоило ли переться в такую даль? Дичи здесь почти нет, сомнительно, что на юге с этим обстоит еще хуже. Случайно забрели? Не верилось в подобную случайность. Скорее всего, разведчики. Неизвестно, что происходит с разумом, когда нормального человека превращают в запа, но полным идиотом он не становится. Что-то ведь соображает, о чем-то думает.

И несомненно, у запов есть командиры. Ведь кто-то обеспечивает их копирами, разбивает на стандартные по численности и составу группы, создает сеть поселков-застав по правому берегу Подонца, собирает крупные силы для организованных набегов. И этому командиру или командирам не помешает информация обо всем, что происходит на границе их владений.

Значит — это или разведчики, или группа с задачами, недоступными для понимания Влада. Такую перебить себе дорожке. А ну как в подобном случае неведомое командование запов для поисков пропавших сотню высылают, если не больше? Так что желательно вести себя мирно и надеяться на лучшее. Войско у Влада невеликое, для его разгрома и мелких неприятностей хватит, а тут крупные угрожают.

Хотя, с другой стороны, запаы не слепые: не заметить болт не могли, ума догадаться, что бизон не по своей воле обзавелся столь экстремальным пирсингом, хватит. Уже знают, что где-то неподалеку находятся люди с арбалетами — для дикарей оружие нетипичное. По крайней мере, до сих пор Влад у них его не замечал. Пойдут по следу знакомиться со стрелком? Сомнительно: они, похоже, всерьез размечтались утащить все мясо, а с таким грузом не до прогулок. Но по возвращении могут доложить кому надо, и тогда... Что тогда?

Ответа Влад не знал и потому испытывал два противоречивых желания. Первое: дождаться, когда запаы сделают свое дело и уберутся с добычей, после чего уйти отсюда как можно тише. Второе: устроить тройце кровавые похороны, и пусть те, кто их послал, гадают на кофейной гуще, куда же запропастились их разведчики.

Степь велика, следы занесет после первого же снегопада. Или сволки доберутся до тел, оставив лишь косточки, да и те на гектар растащат. Простора для гипотез касаясь того, что именно здесь произошло, будет предостаточно.

Сомнения Влада пресекли сами запаы. Точнее, один из них — тот, который собирал волокушу. Судьбе было угодно направить его вниз по уклону балки, к той самой полосе кустарника, за которой должен был находиться Давид. А последний, не найдя там следов бизона, поступил логично: отправился навстречу Владу. Откуда ему было знать, что на пути образовалось непредвиденное препятствие из тройки дикарей? Встреча была неизбежной.

Сломанной веткой хлестнул пистолетный выстрел, и почти сразу еще два. Эхо загуляло, отражаясь от противоположного крутого склона балки. Давид не слишком хороший стрелок, да и трясет его, когда до серьезного дела доходит, вот и не считает патроны. Удивительно, что ограничился всего тремя. Впрочем, запау хватило: упал на спину, чуть подергал ногами и затих. Не иначе как в голову схлопотал, трудно с такого расстояния рассмотреть.

Сомнительно, что эти запаы сталкивались с огнестрельным оружием, но не отреагировать на такие события они не могли. Бросив свое кровавое занятие, отвернулись от туши. Один, ухватив топор на длинной тонкой рукояти, настороженно уставился в сторону кустов, второй

принялся натягивать лук.

Вот второго Влад и взял на прицел, как самого опасного. Дистанция под сотню метров, для его арбалета вполне рабочая, вот только попадаешь на такой далеко не всегда. К сожалению, так получилось и на этот раз: треск, мягкий толчок отдачи... и все. Болт ушел впустую, затерявшись где-то в снегу.

Зап, подпрыгнув от неожиданности, когда мимо головы просвистело что-то невидимое, но безусловно угрожающее, уверенно развернулся в сторону Влада, вытаскивая из несуразно длинного колчана стрелу. Лук — оружие скорострельное и серьезное. Шкура прекрасно помнит неоднократное знакомство с ним и обзаводиться новой порцией дыр не желает. Пришлось плашмя плюхаться в снег. Попробуй теперь попади, тем более когда цель сливается с фоном.

Валяться под обстрелом Влад не стал. Отполз подальше, за кусты — хоть какое-то прикрытие. Немного утрамбовав снег руками, приподнялся, опустил арбалет, сунул ногу в стремя, подцепил поясной крюк, с натугой, до хруста в спине выпрямился, взводя механизм. По веткам кустов что-то щелкнуло, и угрожающе близко от головы промелькнула стрела.

А зап ведь снайпер... почти попал.

Вновь рухнув в снег, Влад пополз вперед, раздвигая ветви. Арбалет, может, и уступает луку в скорострельности, зато им легко пользоваться лежа, а некоторые разновидности конструкции в таком положении можно даже без проблем взводить. Раз за разом затрещали пистолетные выстрелы. Давид, видимо, выбрался на открытое место и, заметив врагов, начал обстрел.

Это он зря. Если схлопочет стрелу, возникнут проблемы. Свежей биоты у них, естественно, нет. Та, которую взяли по осени, и тогда была уже не ахти, а за эти месяцы ее качество должно было упасть до вовсе позорного состояния. Даже легкая рана может стать неразрешимой проблемой: ни Влад, ни Давид во врачебном деле не спецы.

Пришлось поторопиться. Пробравшись к краю зарослей по оставленной собою же борозде, Влад оценил ситуацию. За то время, что он возился с арбалетом, лучник немного приблизился, стреляя, видимо, на коротких остановках. Но теперь он развернулся к Давиду, показавшемуся примерно в сотне метров за его спиной. Для пистолета дистанция более чем серьезная, тем более старого «Макарова» в не слишком опытной руке. Товарищ, присев на колени, отстреливал обойму за обоймой, но безуспешно: лишь удивлял запов странным шумом и поднимал снежные фонтанчики вокруг них. Дикарь с топором направлялся к нему, глубоко проваливаясь в снег, а лучник тянулся за новой стрелой, собираясь ответить.

Влад, задержав дыхание, поймал макушку противника в примитивный прицел. На такой дистанции болт, в случае попадания, угодит в район нижней области грудной клетки. По крайней мере, теоретически.

Палец потянул фигурно изогнутую скобу.

Теория, как это часто с ней бывает, подвела (хотя скорее подвела неверная рука, испорченный глазомер или ослабленная тетива). Лучник закричал, рухнув в разукрашенный алыми брызгами снег. Широкий наконечник охотничьего болта прошел через бедро, распоров пласт мышц со всеми венами и артериями.

Убедившись, что за лук враг вряд ли в ближайшее время станет хвататься, Влад, уже не скрываясь, перезарядил арбалет и направился к раненому. Тот, иногда подвывая, сидел в

снегу, зажимая рану ладонями. От шока он, похоже, позабыл, где находится и что вокруг происходит. Его сообщник продолжал приближаться к Давиду, а тот его суетливо обстреливал, все так же безуспешно.

За товарища Влад не беспокоился. Дикарь с топором покойник, пусть только приблизится. Давид, конечно, не снайпер, но ближе сорока метров к нему лучше не подходить.

Подойдя к раненому запу, Влад опустил арбалет. Стрелять не понадобилось — закутанный в шкуры дикарь захрипел, вытянулся в струну, заваливаясь набок, ладони его разжались, но фонтан, столь обильный прежде, на этот раз не забил. Враг истек кровью менее чем за минуту. Очень уж паршивой оказалась эта рана.

Отбросив далеко в сторону лук, Влад обернулся к Давиду. Тот уже подходил к своему противнику, корчившемуся в снегу. С трех шагов добив его в голову, крикнул:

— Это все?!

— Я видел только троих!

— Откуда они здесь взялись?!

— Не знаю! Запы мне не отчитываются! Иди сюда!

Приблизившись, Давид пригляделся к залитому кровью лучнику, неуверенно произнес:

— Этот живой вроде.

— Да в нем крови не осталось.

— Ты же их вроде чуют издали можешь. Других не чуешь?

— Не издали: дистанция должна быть небольшой. Точно не знаю, но этих я сперва увидел, а уж потом, когда подобрался на сотню метров, засек их блоки опознавания.

— Блоки опознавания?!

— Только не спрашивай меня, что это значит. Та компьютерная приставка, которой я обзавелся в придачу к голове, запов обзывает именно так, хотя и неуверенно. Точнее «боевыми метаморфами с блоками опознавания». Вот что я узнал, когда столкнулся с этими: «Обнаружены боевые метаморфы. Количество: три особи. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситуация: охотничья группа, процесс разделки добычи. Ситуационная рекомендация: избежать обнаружения, при невозможности — уничтожение, последующий анализ вероятности вторичного использования нанитов».

— Что за наниты? Наночастицы? И как их можно использовать?

— Спроси что-нибудь полегче. И вообще: давай с мясом решать быстрее, пока на запах крови сволки со всей степи не сбежались.

— А что там решать? Волокушу свяжем из тех веток, что дикари притащили, и ходу домой. Шевелиться надо, горизонт затягивает, чует мое обмороженное ухо, что снег вот-вот повалит. Помнишь, как в метель заблудились тогда? Я повторения не хочу. Эй! Влад! Что с тобой?! Вла-а-а-ад!!!

Тот, оседая в снег, выгнулся дугой, с трудом прохрипев:

— Опять...

* * *

Первый раз такая неприятность случилась с Владом в тот момент, когда он, вымотавшийся после чуть ли не бесконечных странствий по мрачным подземельям, впервые выбрался на поверхность «мира светлого будущего». Стояла ночь, с неба, как в старые добрые времена, холодно светили звезды и луна, воздух оказался куда свежее той заплесневелой пыльной затхлости, которой ему приходилось дышать с той минуты, когда за коварным изобретателем закрылась дверь бункера.

Но насладиться лунной ночью ему не позволила незримая жестокая сила. Заполнив тело болью и скрутив судорогами, она вышибла из него дух. Он до рассвета провалился на бетонной трубе, так и не поняв, что это было.

На этом, к великому сожалению, неприятности заканчиваться не захотели. Время от времени голос в голове равнодушно сообщал о каком-то поиске коннекта, после чего попытка продолжалась. И чем дальше, тем чаще это случалось. Если в начале промежутки между приступами длились несколько месяцев, то затем сократились до недель, а теперь и дней.

В данный момент через каждые два-три дня Влад падал как подкошенный, после чего валялся бревном несколько часов. Затем уже привычно быстро приходил в себя, готовый при этом съесть слона целиком: аппетит после приступов просыпался чудовищный, и жажда — тоже.

Во время приступов он был беспомощнее котенка. Сознание, как прежде, уже не терял (к сожалению), но все равно ни на что не годился. Тело, скованное судорогой, не подчинялось, боль разрывала сознание, отчего он всерьез опасался рано или поздно сбрендить. Биота не помогала, система регенерации, встроенная в организм во время странствий в подземном мире, тоже не вмешивалась, почему-то считая происходящее рядовым и безопасным явлением.

Что делать, Влад не знал. Специалистов по имплантатам в этом мире не осталось. У него появлялись различные идеи, но ничего полезного из них он так и не извлек.

Если бы приступ сковал его чуть раньше, во время боя с запами, все могло закончиться очень плохо. Тот лучник был хорош и, скорее всего, сумел бы попасть в Давида раньше, чем тот в него. А затем дикарям оставалось добить беспомощного здоровяка и подстреленного коротышку. Вот так бесславно и странно едва не оборвалась карьера «ужасающих технотварей», ради которых не поленились собрать целое войско.

Влад мало что соображал, погрузившись в темный омут боли. Вокруг хлопотал Давид, укладывал одеревеневшее тело на волокушу, перетаскивал от туши бизона куски мяса, что-то говорил при этом, но смысл слов до сознания не доходил.

А затем случилось нечто необычное. Боль внезапно усилилась и вдруг, на пике, прошла бесследно. В голове будто что-то щелкнуло, и Влад погрузился в темноту. Ослеп? Или, наконец, умер от нестерпимой пытки?

— Поиск коннекта завершен. Статус: обнаружен сегмент Красной сети. Расположение носителя: орбита Земли. Получен встречный запрос с требованием подтверждения статуса аварийного контролера. Запрос подтвержден, использованная код-таблица удалена, смена кодировок произведена. Статус коннекта: прямая связь по аварийному протоколу. Вид связи:

высокочастотная, с использованием атмосферных неоднородностей. Качество связи: удовлетворительное. Доклад завершен.

Влад, отдыхая от боли, через силу пытался понять, что за бред несет ненавистный голос в голове, но куда там: все равно что с китайцем общаешься. Будь физическое и душевное состояние получше, еще можно было напрячь мозг, но сейчас хотелось просто валяться бездумным растением, и ничего более.

Во тьме появилось красное пятнышко, быстро заполнив собою все поле зрения, оно на миг вспыхнуло всеми красками, превратившись в абстрактную картинку, если не относящуюся к шедеврам авангардизма, то очень близкую к этому. Затем все сменилось однородным серым фоном, и чужой голос, абсолютно не похожий ни на прежний женский, ни на нынешний, неотличимый от голоса Влада, металлически приглушенно выдал:

— Статус аварийного контролера подтвержден. Приветствую вас, аварийный контролер.

Это что-то новенькое. Шизофрения Влада до сих пор до приветствий не снисходила.

— Ты кто? — осторожно поинтересовался он.

— Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать.

— Приятно слышать. Знать бы еще, что это означает...

— Возможны проблемы с восприятием информации и терминологические несоответствия. Вы используете архаичный интерфейс, основанный на мертвом диалекте. Чтобы понять ваши сообщения, мне пришлось разархивировать блок данных, в корректности которых имеются сомнения.

— А попроще можно?

Голос долго молчал, затем неуверенно уточнил:

— Позволю высказать предположение, что вы не в порядке.

Шизофрения вела себя все более странно, но Владу это даже нравилось — лишь бы опять боль не вернулась.

— Со мной и правда не все в порядке. Я едва не сдох от боли. Чуть ли не через день эта боль. Последнее время не жизнь, а сплошное мучение. Не столько даже из-за боли, сколько в промежутках, когда жду повторения. Это все от страха. Боюсь, что настанет момент, когда приступ, начавшись, больше не прекратится.

— Аварийный контролер: о каких приступах идет речь?

— «С попытки поиска коннекта прошло два с половиной стандартных дня. Режим автоматического поиска коннекта не деактивирован. Повторяю поиск коннекта. Статус: доступных сетей не обнаружено. Коннект невозможен. Начинаю повторный сброс аварийных маячковых пакетов — приготовиться к передаче. Статус передачи: старт». Вот эти слова я наизусть выучил. После них и начинается приступ. Боль и беспомощность. Пошевелиться не могу.

— Прошу разрешения ознакомиться с настройками вашей биометки.

— Не понял?

— Ваша биометка. Коннект закрытый, даже перехват противником ничего не даст без оригинальных таблиц, а они одноразовые. Вы можете, не опасаясь раскрытия данных, передать код своего идентификатора. При получении статуса аварийного контролера встраивается, помимо прочего, разогнанная система связи и статусный криптографический узел. Возможно, ввиду неполадок бокса-модификатора или по другим причинам, возник конфликт с аналогичными системами общегражданского назначения, завязанными на стандартную биометку. Ту, что была имплантирована вам до рождения или чуть после него. Мне нужен доступ к логам системы биометки и файлу настроек.

Владу захотелось усмехнуться, но в данных физических условиях он мог сделать это лишь мысленно. Осталось лишь ответить честно:

— Никто мне до рождения никаких биометок не ставил. И после него тоже. Прививки только делали, и все.

На этот раз голос молчал куда дольше прежнего, после чего осторожно уточнил:

— Аварийный контролер: вы кто?

— А вы?

— Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать.

— Это я уже слышал. Хотелось бы хоть чуть-чуть понять, что это означает.

— Я испытываю логические затруднения с ответом, не зная обстоятельств, при которых вы получили статус аварийного контролера. По какой причине вы не имеете биометки? Ведь она имеется у всех граждан.

— В твоём времени это, возможно, и так, а в моём не было ничего подобного.

— Что за время вы имеете в виду?

— Двадцать первый век.

— Ответ неясен. Сколько это по абсолютной хронологии?

— А что такое абсолютная хронология?

— Единая система исчисления.

— Я такой не знаю. Мы отсчитываем время от года рождения Иисуса Христа.

— Кто такой Иисус Христос?

— Тяжелый случай непонимания... Он Сын Божий, рожден Девой, в результате непорочного зачатия. Нес учение людям, но, вообще-то, у него была миссия принести себя в жертву. Конечно, звучит подобное объяснение слишком примитивно, однако трудно такое объяснить коротко... Еще там первородный грех был замешан, и вообще все сложно. Я не настолько религиозен, чтобы непонятно кому рассказывать то, что сам едва понимаю. Кем точно никогда не хотел стать, так это проповедником...

— Ваш ответ принят. Сожалею, но вопрос нахождения вашего века по абсолютной шкале остался открытым. Итогом съезда создателей Гармонии, помимо учреждения единой мировой конфессии, было установление единой шкалы летоисчисления, берущей отчет от первого дня съезда. Все прежние шкалы были упразднены, архивные данные обязывалось исправить, всякие упоминания о прежних шкалах уничтожить или исправить, за исключением случаев, когда они расположены на носителях, имеющих высокую культурную ценность. Также было предписано уничтожить всю информацию по прежним религиозным культам.

— Да уж, неплохо поработали.

— Исторические сведения религиозного характера частично были сохранены в изолированном от сетей архиве, под защитой одного из самых совершенных киберстражей. Если вы не пытаетесь ввести меня в заблуждение, то, получается, ваш двадцать первый век гораздо древнее съезда создателей, ведь даже тогда биометки уже существовали. Хотя, наряду с обладателями биометок, были и те, кто от них отказывался по религиозным или этическим соображениям. Но после основания Гармонии отказ стал невозможен.

— Прекрасно. Ты не поверишь, но о Гармонии и съезде я впервые слышу.

— Расскажите, пожалуйста, историю своей жизни. Можно кратко. Если вы меня опасаетесь, не выдавайте сведения, способные вам навредить. Хотя наверняка вы знаете пределы полномочий аварийного контролера и должны понимать, что с моей стороны опасности нет.

Влад не знал, можно ли доверять столь резко изменившейся шизофрени. Старая куда проще была. Общалась в режиме монолога, короткими рублеными фразами, чаще всего невразумительными. А сейчас складывалось впечатление, что собеседник разумен, хотя и не без странностей. Да и понятно практически все: неизвестных слов и понятий практически нет, а ведь даже в речи обычных местных жителей они иногда занимали процентов двадцать, из-за чего в первые недели пребывания здесь Влад и его спутники больше слушали и меньше говорили.

Впрочем, что он теряет? Этот голос хоть какую-то надежду дает. Вдруг и в самом деле поможет справиться с приступами?

— Я родился в конце двадцатого века. Детсад, школа, потом учился, параллельно подрабатывая. А потом произошла беда, из-за которой я влип в нехорошую историю. Пришлось пойти на преступление. Убегая от погони, забрел в промышленный район, меня по ошибке приняли за другого, завели в подземелье. Там много чего под землей понастроено было. И там я познакомился с человеком, который уверял, что изобрел устройство, останавливающее время. Закончилось это тем, что я и еще четыре человека убедились на своем опыте, что оно работает. До сих пор не знаю, как так получилось, но провели мы в том подвале очень много времени. Очень. Когда выбирался оттуда, отбилась от товарищей, потом попал в бункер, где работало какое-то странное устройство. Оно едва не утопило меня в красной бурде, и после этого я начал слышать голоса. Приступы тоже после этого начались. Когда выбрался наружу, быстро понял, что здесь все сильно изменилось и о нас давно уже никто не помнит. Местные жители скатились в развитии лет на двести-триста. Это в промышленном отношении, в культурном не сказал бы, что серьезно от нас отличаются. Чем-то похожи на жителей глубинки. Думаю, в некоторых деревнях моего времени можно было встретить куда более странных людей. Плохо лишь то, что мы не первые, кто явился в этот мир из старых времен. Здесь существует религиозная организация, главная задача которой убивать таких как, я. Нам пришлось скрываться от ее адептов, но не слишком успешно. Нас нашли, одну из наших убили, что случилось со второй, я не знаю — ее захватили в начале боя. Товарищ мой и я были сильно

ранены. Нас выручили местные, из тех, кто не в ладах с церковью. Но долго они нас укрывать не смогли. В горы пришел огромный отряд церковников с древним оружием, легко сжигающим деревни. Воевать против него никто не решился. Мне и последнему моему товарищу пришлось бежать. Сейчас мы скрываемся посреди степи, где зимой никого не бывает. Что будет дальше, не знаю, но подозреваю худшее. Приступы раньше случались раз в несколько месяцев, а теперь через каждые два-три дня. Если так и дальше пойдет, надолго меня не хватит. Тем более что появляется после них зверский аппетит, а с продовольствием у нас проблемы.

Помолчав, Влад задумчиво подытожил:

— Вот, собственно, и вся моя биография. Это если вкратце. Достаточно?

— Да. Для первых выводов информации вполне хватит.

— И что за выводы?

— То, что вы назвали бункером, является элементом Красной сети. Красная сеть — это совокупность элементов управления, связи, анализа, прогноза и систем многоуровневого исполнения, предназначенных для защиты Гармонии от внутренних и внешних угроз. Я один из ее элементов — резервный блок управления.

— Ты машина? Компьютер?

— Ваша терминология архаична, но для данного диалога приемлема. У меня имеется материальный носитель небиологической природы. То есть вы можете считать меня машиной.

— А тот бункер для чего нужен?

— Красная сеть защищена на случай любых ситуаций. Даже если в живых не останется ни одного управленца с высшим допуском, зарезервированы способы вербовки и обучения нового персонала. Достаточно развитый человек, преданный делу Гармонии, может пройти процедуру получения статуса, в ходе которой ему внедряют личный имплантат аварийного контролера. Главная задача аварийного контролера: свести воедино уцелевшие сегменты Красной сети, поставив ее на службу Гармонии или остаткам оной. К сожалению, устройство, контролировавшее бокс резервирования, не смогло сохранить свою функциональность. Возможно, было повреждено необратимо, или его интеллект не справился с многолетним информационным вакуумом. Ничем другим нельзя объяснить, что статус аварийного контролера получил первый встреченный человек, к тому же без биометки. Налицо результат действия примитивных устройств. Если брать вашу терминологию, то вместо сложного компьютера в боксе сохранился простейший. Все, что он сумел, — это запустить систему. Анализировать подбор кадров он оказался не в состоянии. Из-за этого вы теперь страдаете от неконтролируемых приступов. Встроенная система связи находится в поиске уцелевших сегментов Красной сети, время от времени начиная работать на передачу в интенсивном режиме. Не имея биологического накопителя на базе биометки, она использует ресурсы нервной сети. Отсюда боль, потеря контроля над телом, судороги. Возможен резко повышенный аппетит в результате энергетических затрат.

— Я же сумел связаться с тобой — теперь это прекратится?

— Для выводов недостаточно данных. Я всего лишь резервный блок управления, к тому же поврежденный. Доступа к данным по работе с персоналом у меня нет, если не считать косвенных сведений. Не уверен, что найду их в архивах. Склоняюсь к тому, что приступы не прекратятся.

— И что мне делать? Вешаться?

— Имеются альтернативы, в данный момент две. Первая: получить контроль над системой, обеспечивающей статус. Второй: получить биометку и развить ее накопитель. В первом случае биометка тоже желательна, потому что я не вижу способа обеспечить контроль без ее наличия. Во втором потребуется время на выращивание накопителя. Мы имеем дело с взрослым организмом, а это подразумевает сложности. К сожалению, вынужден прервать сеанс связи. У нас остается мало времени, а я должен сообщить важные сведения.

— Куда так торопишься?

— Мой носитель располагается на высокой орбите. Он движется по эллиптической траектории, и сейчас я могу вести диалог по причине, что между вашим узлом связи и моим можно провести прямую линию, и она не встретит препятствий. В период, когда этой линии приходится пересекать Землю, связь невозможна. Точнее, возможна, при наличии орбитальных ретрансляторов или устойчивых неоднородностей, которые образуются нечасто. К сожалению, рабочих ретрансляторов не сохранилось, прочие искусственные объекты на разных орбитах я не могу использовать в такой роли. Сейчас связь прервется, и надо успеть сообщить самое важное, а при следующем сеансе провести более подробный обмен данными. К тому же существует вероятность, что после диалога со мной система статуса контролера временно прекратит попытки аварийной связи. Нам останется лишь проводить регулярные диалоги для профилактики ее активации.

— Ладно, понял. Говори, что там такое важное.

— Существует высокая вероятность, что вам угрожает опасность. В вашем районе наблюдается повышенная активность уцелевших сегментов системы контроля радикалов. Возможно, это связано с активностью, которую проявлял узел связи твоей системы. Сигналы были перехвачены. Логичным шагом представляется поиск противником их источника. В последнее время вы с товарищем не замечали в ближайших окрестностях ничего необычного?

— Ну... вроде нет... Хотя да! Три запа сегодня встретились, пришлось их убить. За всю зиму ни одного не замечали, а тут сразу трое. И бизона нашли одиночного, отбившегося от стада.

— Запы?

— Ну... как бы это сказать... Они вроде дикарей, живут на зараженных землях. Если ловят нормального, убивают или превращают в запа. Не знаю как. Они хоть и примитивные, но могут использовать древние устройства для копирования мелких предметов. Голос в моей голове называет их боевыми метаморфами. У них внутри блоки опознавания Западного Альянса.

— Принято. Итого: имеет место нетипичное поведение фауны, вероятно, вызванное факторами беспокойства. Также в районе замечена группа боевых метаморфов, предположительно контролируемых уцелевшими сегментами системы управления радикалов. Вероятность того, что это связано с поиском источника сигналов, то есть контролера, очень велика. Рекомендую немедленно сменить район пребывания. По возможности, сделать это скрытно. При возникновении... — Вместо голоса послышалось невнятное гудение, сквозь которое прорвалось одинокое внятное слово: —...Предварительно...

После чего стало тихо-тихо, а потом в голове Влада щелкнуло, и он почувствовал, как голый разум «обрастает телом». Веки приподнялись, но он ничего не увидел. Темно, воняет несвежими шкурами, где-то над ухом завывает ветер.

— Эй! — громко произнес он. — Давид, ты где?!

Посветлело — товарищ приподнял полог из оленьей шкуры, продемонстрировав заросшую морду со снегом в лохматой бороде:

— Влад, ты как?

— В норме... почти. Надо уходить отсюда.

— Не уйти уже. Буран. Я тащил тебя сколько смог, но далеко не ушел. Хорошо, догадался плащи с запов стянуть. Они хоть и не розами благоухают, но от ветра защищают.

— Так вот чем воняет...

— Ага. Ты спи давай, силенок набирайся. До утра вряд ли это дело уляжется.

— Если уляжется, пойдем ночью. Нельзя нам здесь оставаться. Слишком опасно.

— Да я и сам знаю. Трупы неподалеку и туша бизона. Сволки точно прибегут, рано или поздно.

— Не в них дело. Я разговаривал с Космосом. Он сказал, чтобы мы бегом отсюда линяли. Ищут нас. Серьезные ребята ищут.

— С Космосом? Ну это, конечно, все объясняет. Спи давай... говорун. Хорошо отсыпайся. Мне для полного счастья только психа здесь не хватало...

Глава 2

Когда Влад в следующий раз открыл глаза, над головой серело затянутое низкой облачностью небо, задувал ветер, но хлопьями снега больше не швырялся. И еще серьезно потеплело.

Приподнявшись, он увидел, как рядом трудится Давид: товарищ откапывал на совесть заметенную волокушу.

— Доброе утро, спящая красавица. Помог бы, что ли. Или опять будешь с Космосом говорить на тему смысла бытия?

— Буду. Но не сейчас. Он или с другой стороны планеты, или отмалчивается. Да хватит ржать, конь ты небритый! Я не спятил!

Помогая Давиду, Влад коротко рассказал о случившемся. Тот к полученной информации отнесся почти равнодушно:

— Если тебе это не приснилось, что толку-то? Компьютер даже с приступами не знает, как справиться. Чем он вообще может помочь?

— Он не компьютер. Он общается как человек. Получше, чем некоторые люди.

— Ну а ты что хотел? Сам же знаешь, что между нашим временем и этим бардаком случались периоды, когда появлялась хорошая техника. Взять хотя бы те же копиры. А оружие инквизиторов, которое они по торжественным случаям достают, чтобы сжечь парочку-другую деревень? Почему бы тогдашним умникам не изобрести, наконец, искусственный интеллект? Тем более, болтаясь на орбите хрен знает сколько веков, он должен был побольше расчетных показателей ума набраться. Но нам от этого пока ни холодно ни жарко, тем более что я

склоняюсь к мысли о галлюцинациях на почве приступов, стресса, голода, холода, полового воздержания и прочего, чем мы так щедро одарены в этом благословенном краю. Давай цепляй лыжи, нам пилить долго, и дорога легкой не будет.

Давид не просто так это сказал. Потеплело резко, снег, реагируя на повышение температуры, стал тяжелым, норовил облепить лыжи и волокушу, что не прибавляло скорости. А уж изматывало...

Около часа они двигались по заснеженной равнине, прежде чем Влад, остановившись, указал влево:

— Давид, посмотри туда.

— Ну, глянул, и что дальше?

— Разве не видишь, что среди тех кустов, которые под гривкой тянутся, что-то поблескивает?

— Да у меня повсюду поблескивает. Я, между прочим, орлиным зрением не обладаю. Мне очки положено носить.

— Это не снег блестит. И не лед. Похоже на металл. Проверим?

— Смеешься? Километра два крюк давать придется!

— А ты предлагаешь не проверять?

— Эх... Ну пошли, раз уж тебе приспичило.

Степь здешняя частенько нарушалась зарослями кустарников, среди которых хватало низкорослых деревьев. Вот на одном из них и обнаружился источник подозрительного блеска.

С минуту молча разглядывали невиданное чудо. Тусклый обруч диаметром метра четыре, несколько сверкающих серебром спиц, что удерживают в центре предмет, больше всего похожий на отполированную крышку канализационного люка, поверх которой какой-то неугомонный рабочий приварил два рога, будто на шлеме викинга.

— И что это такое? — безнадежно спросил Влад.

— Понятия не имею, но по всему выходит, что эта штука сюда прилетела, а не ножками пришла. Видишь, ветки поломанные. Вон и вон. Это она их сшибла, прежде чем в дерево врезаться.

— Непохоже, что ее ветром несло.

— Ага. Вон как согнулись ветки под нею. Тяжелая.

— Да не такая уж и тяжелая. Давай попробуем стащить?

— А вдруг она радиоактивная? Упала из космоса.

— Опасную радиацию моя голова должна замечать.

— Уверен?

— Ну... наверное.

— Сам тогда и стаскивай.

Влад подпрыгнул, ухватил за низко склонившийся край обруча, дернул. Этого хватило, чтобы ветки затрещали и непонятная штукавина рухнула на землю.

— Вроде и правда легкая, — заметил Давид.

— Ага. В снег почти не зарылась. Ты что делаешь?!

Товарищ, подскочив к трофею, топориком свернул один из рогов.

— Изучаю.

— Ломаешь ты.

— Да она и так сломана. Вон, половина спиц полопалась, и рог этот на соплях держался. От ударов ее раскурочило, видимо, быстро падала.

— Не падала она. Вон, у соседнего дерева сбоку ветки сломаны. Оттуда она летела, и было это до бурана или во время него, потому что снег не сбит.

— Может, падала под острым углом к горизонту.

— Ты не умничай. Скорее всего, ветром ее приложило. Слишком легкая и низко летела. Видел такую до этого?

— Шутишь?!

— А помнишь, что Космос говорил?

— И?

— Не галлюцинация этот Космос. Сперва запы появились, теперь это вот. Ведь тихо до этого было, день за днем все одинаково, и вдруг такое. Странно все, не находишь?

— Думаешь, и правда по наши души кто-то заявился?

— Помнишь, что у церковников хватает древнего барахла? Почему бы не найтись беспилотнику?

— Ты считаешь, что это беспилотник?!

— Ну пилота я здесь не замечаю, и даже места для него, а то, что штука эта летала, — факт. И посмотри на диск, который по центру. Под ним что-то вроде линз. Оптика наблюдательная.

— Обычно думаю я, а ты слушаешь, — заметил Давид.

— Все в этом мире проходит и меняется.

— А запов тоже церковь святая послала? Так сказать, благословила злейших врагов своих на поиск других врагов?

— Не знаю. Я просто думаю вслух. Пошли отсюда, нам еще до дома надо засветло добраться. К

вечеру опять снег пойдет, заметет след.

— Я тебе дам пойти! А беспилотник кто забирать будет?

— На кой он нам сдался?

— Да я шкуры тухлые, взятые у запов, сожру не поморщившись, если в нем не окажется редкоземов. Гляди, какие сплавы тут необычные с виду. И вроде штука большая, а легкая, будто пенопластовая. Чтобы такие свойства получить, надо редкие элементы использовать. Забыл, что у нас копиры улучшать надо?

— Весу килограммов семьдесят будет, а то и больше, а у нас и так полные волокуши мяса.

— Лодырь! Я их один тащил, к тому же в придачу ты грузом валялся.

Во всем, что касалось работы с копиями, Давид был личностью увлеченной до фанатизма. Он почти физически страдал от невозможности контролировать работу устройств, придираясь к Владу за каждую ошибку или неточность. Вот и сейчас, без восторга приняв идею сделать крюк, после находки припустил, как рекордсмен, позабыв про усталость и влажный снег.

* * *

До охотничьего лагеря добрались за час до темноты. С прогнозом Влад не ошибся: и впрямь начало задувать. Следы к утру заметет, хотя утешало это слабо: противник, имеющий на вооружении беспилотники, не сильно будет страдать от такого неудобства.

Пока Влад занимался мясом, Давид ломал беспилотник, по кускам затаскивая его в дом. Затем, когда очередь дошла до копира, товарищи не сдержали радостных воплей: в несущих конструкциях и странных, ни на что не похожих деталях, обнаруженных внутри диска, редкие элементы имелись, хотя и не в тех количествах, на которые рассчитывали. И что радовало еще больше: их разнообразие.

Оба копира «переваривали» их до истощения батарей, после чего, на остатках энергии, Влад запустил программу модификации на первом, увеличив его размер. Повезло, что для этой процедуры не хватало каких-то пары граммов необходимых элементов и все они нашлись в материале трофея. Затем, добив батарею до конца, получили наконец-то две копии пистолета — это не требовало редкоземов.

Давид, чуть не прыгая от восторга, заявил:

— Хватай второй копир и тащи в тайник. И пистолет, наверное, один туда же унеси. Завтра с полными батареями еще пистолетов наделаем. С новым копиром теперь можно быстрее песок перерабатывать, и новое увеличение быстро подоспеет. С ним уже покрупнее предметы сможем делать. Хотя нечего... Жаль, ружья больше нет.

— Да сам не представляю, куда оно делось... Жаль, конечно. Но пистолет тоже ничего.

— В сравнении с тем, что используют инквизиторы, пистолет и правда ничего не значит.

— Не думаю, что у них все в порядке с тем оружием. Иначе бы они его чаще использовали.

— Может, зарядов мало?

— Не з...

Влад осекся на полуслове.

— Ты чего? — удивился Давид.

— Да голос этот... опять. Космос вызывает.

— Без приступа?

— Ага. Не болит ничего, и сознание ясное, даже как-то странно. Не отвлекай, дай попробую ответить.

— Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает аварийного контролера. Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает аварийного контролера. Наблюдатель...

— Да слышу я, слышу. Нам не опасно говорить? Вдруг подслушивают. Сегодня мы с моим товарищем нашли странную штуковину. Похожую на летательный аппарат. Был сильный буран, он разбился в темноте, на деревья наткнулся.

— Как он выглядел?

Влад коротко описал конструкцию, после чего его слегка утешили:

— В отличие от прежних попыток вашего выхода на связь, мы общаемся по лучу, направленному через неоднородность. Если непонятно: во время приступов вы вещали на всю Солнечную систему, а сейчас еле слышно шепчете в подставленное ухо. Засечь наш разговор крайне сложно. В сложившихся условиях скорее невозможно. Но наличие в вашем районе беспилотного аппарата подтверждает мои подозрения. Вас разыскивают.

— Церковники?

— Вы подразумеваете ту военизированную церковную организацию, действующую в обществе уцелевших людей? Нет — это точно не они. Те, кто заинтересовался сигналом и теперь прочесывает район, ни при каких обстоятельствах не станут сотрудничать с остатками человечества.

— Меня ищут не люди?!

— Вчера я выслушал вашу историю, сегодня требуется рассказать свою. К сожалению, коротко это не получится. По ходу рассказа я буду делать паузы, чтобы вы могли задавать дополнительные вопросы. Не злоупотребляйте этим, я слишком долго пребывал без собеседника и не могу свыкнуться с изменениями.

— Хорошо. А можно, чтобы и мой товарищ слышал?

— У него имеется биометка?

— Вряд ли.

— Без дополнительных устройств общение невозможно.

— Ну тогда перескажу ему своими словами. Слушать буду очень внимательно.

— Я был создан для двойной роли. На первом этапе существования моя задача заключалась в

самосовершенствовании и параллельном выполнении обязанностей наблюдателя резервного командного узла Красной сети. Мое существование держалось в тайне, ведь в случае внешнего или внутреннего удара по системе стабильности Гармонии непосвященные не должны знать обо мне. В те годы на орбиту планировали вывести новый исследовательский гравископ. Это огромное устройство, и в его конструкции легко нашлось место для укрытия моих блоков в комплекте с обслуживающим оборудованием. Совершенствование интеллекта требует затрат времени. Чем больше его затрачено, тем выше интеллект. В тот период помимо систем замедления и остановки времени, с которыми вы, к сожалению, познакомились, применялись и хроноускорители. С их помощью можно значительно убыстрять длительные процессы. Например, выращивание больших кристаллов с заданными свойствами. Также можно помещать в разогнанный временной поток ядро искусственного интеллекта. На моем модуле была установлена система с умножителем времени в одиннадцать раз. На тот момент одна из самых совершенных. Согласно регламенту, я пребывал в ускоренном потоке десять дней реального времени, после чего выходил на двенадцать часов для тестирования системы, сбрасывания отчетов, получения обновлений и новых приказов. Все это невозможно в периоды разгона, так как исключается всякая связь с миром, пребывающим в нормальном потоке. В очередной раз выключив хроноускоритель, я обнаружил значительные изменения в окружающей обстановке. Гравископ был серьезно поврежден, удаленная часть, в которой располагались фокусирующий и детектор, отсутствовала, вокруг искореженной конструкции — множество обломков. Также я отметил сильную наведенную радиоактивность многих наружных элементов. Обслуживающий персонал отсутствовал, после недолгого осмотра был замечен челнок монтажников, точнее, его остатки. В открытом космосе наблюдались человеческие тела и их фрагменты.

— Взрыв? Авария?

— Гораздо значительнее. Это была лишь малая доля негативных изменений. Остерегаясь выдавать себя системами активной связи, я начал наблюдать за ближним космосом и Землей. Средств для этого у меня не так много, но в тот период задача упрощалась. Уцелевшие люди и искусственные сознания интенсивно общались на всех диапазонах, продолжая при этом уничтожать друг друга.

— Война?

— Можно сформулировать и так. Сразу две глобальные группировки, давно уже настаивающие на повышении конкурентоспособности Гармонии за счет глобальных изменений общества, перешли от политических заявлений к радикальным действиям. Им помогло то, что со времен Железной войны человечество опасалось повторения инопланетного вторжения и наращивало свой боевой потенциал. Самые разрушительные системы вооружения оказались в руках радикальных группировок. К сожалению, в первые же часы конфликта по системам управления Красной сети было нанесено множество ударов. Это сильно затруднило меры по стабилизации обстановки. Используя выигранное время, радикалы вооружились за счет стратегических арсеналов и при начале массированного наступления сил, оставшихся под контролем Красной сети, применили захваченное. Даже во время Железной войны планета не подвергалась таким ударам. В течение первой недели боевых действий серьезно изменилась география многих регионов, в атмосферу были выброшены огромные массы пепла, боевых биологических агентов, нанитов и токсичных веществ. Солнце скрылось за густой облачностью, и лишь действиями орбитальной боевой группировки, находившейся под контролем Красной сети, удалось сгладить этот эффект, не позволив повториться событиям Железной войны, известным как «Семьсот тридцать семь дней ночи». Но и без глобального похолодания негативных перемен было очень много. Климатические зоны изменили свои границы, это сопровождалось сильными бурями и наводнениями. Карта океанических течений

преобразилась. Влажные районы начали страдать от засухи, холодные замерзли еще сильнее. Вулканы, порожденные использованием мощного вооружения, даже после окончания боевых действий долго загрязняли атмосферу, из-за чего похолодание все же началось, хотя его и нельзя было сравнивать с последствиями Железной войны. Основной период боев продлился около шестидесяти дней. За это время было уничтожено до девяносто восьми процентов населения планеты. Оставшиеся в живых были деморализованы, страдали от радиации, климатических изменений, биологического и химического загрязнения, нехватки средств первой необходимости. Один из лидеров радикалов выступил с заявлением, что Гармония уничтожена, следовательно, цели войны недостижимы. И приказал подчиненным сражаться до полного уничтожения человечества. Логика его заявления была странной, не все его поддержали, началась междоусобная битва между радикалами. Объединялись они лишь против угрозы со стороны остатков Красной сети. На семьдесят четвертый день войны командных центров, управляемых людьми, не осталось. Войну продолжали такие, как я.

— Машины?

— Мы так не говорим. Искусственные создания самого разного вида и назначения. Были, например, заводы, сами добывающие себе из сверхглубоких шахт сырье и энергию, выдавая готовую продукцию под заказ. Люди почти никогда не заглядывали на их территорию. Были корабли без экипажей, собранные за лунной орбитой на случай нового появления флота инсектоидов. Или такие, как я, неспособные действовать напрямую, но умеющие работать с большими массивами информации и управлять сложными процессами. Пример сложного процесса: война. Все это продолжало сражаться, или обеспечивать сражающиеся стороны необходимыми ресурсами, вооружением, энергией. На сто седьмой день войны управлять остатками сил, противостоящих радикалам, стал я. Не будучи стратегическим или хотя бы тактическим боевым центром, я отдавал команды на уничтожение целей. Альтернативы не было, я лучшее, что на тот момент оставалось от Красной сети. Чтобы сохранить свое убежище в тайне, я выходил на связь лишь через цепи ретрансляторов. Их выводили из строя, но я вводил новые. Аналитические способности позволили мне в итоге вычислить местонахождение стратегического командного центра противника. К сожалению, лишь приблизительно. Чтобы уточнить координаты, потребовалось бы время, но его не было. По моим расчетам, в течение ближайших двух часов мое нахождение было бы определено. В отличие от противника, мое положение было легкоуязвимым, к тому же защита лишь на несколько часов или минут могла отсрочить конец, и потому я изначально делал ставку на маскировку, что и позволило опередить врага.

— Немного не понял. А чем защита мешает маскировке?

— Любая активность в районе гравископа была бы замечена противником. Устранение уязвимости невозможно без активных работ. А так враг считал, что научный объект уничтожен, не зная, что в обломках сохранился работоспособный наблюдатель резервного узла. В таком месте противник стал бы искать в последнюю очередь.

— Ясно.

— Мне было неприятно отдавать тот приказ, но выбора не оставалось. Пришлось уничтожить обширную территорию с неизбежными жертвами среди уцелевшего населения. Но при этом погиб и командный центр радикалов. Последний командный центр. Сегменты, лишившись централизованного управления, не могли действовать эффективно. Один за другим погибали от орбитальных ударов. Я считал войну законченной, но ошибался. Новорожденный, едва вступивший в строй тактический узел противостояния космической угрозе сохранил работоспособность и доступ к узлу связи и контроля. Не имея возможности вести долгую

войну, он, также приблизительно установив мое местонахождение, нанес массированный удар по всему сектору, не пропустив ни одного скопления обломков, и множество точечных по ретрансляторам и другим работоспособным объектам. К сожалению, в значительной мере подготовка этого удара была мною не замечена. Мой узел связи получил критические повреждения, я оказался отрезан от управления на сорок шесть дней. Столько времени понадобилось уцелевшим ремонтным дронам, чтобы проделать проходы в оплавленном металле и частично восстановить системы связи и наблюдения. Но управлять было уже нечем. Все наземные и космические силы оказались или уничтожены полностью или находились в состоянии, при котором ремонт затруднен. Не имея больше ретрансляторов, я долгие годы пассивно наблюдал за угасанием их систем. Выдавать себя даже тончайшим лучом связи не рисковал.

— Компьютер радикалов следил за космосом?

— Нет. Даже без меня лишённые управления остатки Красной сети сумели его уничтожить. Он пошел на неоправданный риск, нанося тот удар. Его положение легко определили и нанесли ответный удар, более успешный. Но на тот момент это было неочевидно, и я опасался, что противник затаился, ожидая, когда выдам себя активными действиями. Когда, наконец, я счел угрозу незначительной, было слишком поздно. Ничего работоспособного, кроме меня, не осталось ни на Земле, ни в околоземном пространстве. Красная сеть пала. Поначалу я даже считал, что человечество не уцелело, но много позже обнаружил следы его деятельности. Очень незначительные следы на Земле в виде возделываемых полей, и слабые сигналы от объектов на далеких гелиоцентрических орбитах. Даже ночью поселения не освещались или освещались так скудно, что мои слабые средства оптического наблюдения не позволяли это разглядеть. Улучшить их я не мог, экономя ремонтные ресурсы. Ведь меня больше никто не снабжал, и приходилось самостоятельно заботиться о сохранности своих блоков. Не имея возможности для активных действий, закончив войну, я вернулся почти к прежнему регламенту: десять дней пребывания в ускоренном потоке времени, затем выход на несколько часов. Новую информацию для анализа и самосовершенствования я мог получать только от наблюдения за ближайшим пространством и, частично, дальним. Используя ремонтные дроны, я присоединил к остаткам гравископа несколько обломков, двигавшихся по ближайшим орбитам. Но это происходило в первые десятки лет, впоследствии околоземное пространство очистилось от большей части мусора, хотя его до сих пор немало можно обнаружить. Несколько раз гравископ выдерживал серьезные столкновения с ними, хотя я и пытался маломощными двигателями дронов изменить его положение. Так я существовал до позавчерашнего дня, когда впервые поймал твой сигнал. Очевидно, предыдущие попытки контакта были пропущены из-за моего пребывания в ускоренном потоке времени. Дальнейшее ты знаешь сам.

— То есть ты сейчас можешь только летать на одной орбите, с трудом различая на Земле крупные детали?

— Да. Лишь крупные детали. Мои возможности незначительны.

— Если война закончилась самоистреблением сторон, то откуда взялись боевые метаморфы альянса? Уцелели с тех времен?

— Нет. По косвенным признакам я сделал вывод, что анклав с уцелевшими людьми, на границе которого вы сейчас находитесь, с севера, запада и востока окружен территорией, находящейся под контролем радикалов.

— Но их же не осталось.

— Получается, остались. Скорее всего, один из второстепенных центров с ограниченными возможностями. Вроде меня. Возможно, интеллектуальные блоки промышленного объекта или, предположительно, фрагмент автоматизированной биологической лаборатории. Склоняюсь к последнему, потому что поставить под контроль разум человека даже мне сложно. Не имею практических данных. В то же время точно известно, что радикалы с первых часов войны работали над этой задачей. Я опасаясь за вашу безопасность. Хотя возможности противника ограничены, но их достаточно, чтобы вести боевые действия против крупного анклава. Он наверняка поймал ваш сигнал — это возможно даже с примитивными системами связи. Будь ему доступна более совершенная, вы бы погибли после первого сеанса связи.

— Когда я выбрался из-под земли?

— Да. Ваш сигнал слишком демаскирующий. В конце концов его перехватили, и теперь радикалы разыскивают источник. Если обнаружат, вы будете уничтожены. Этот командный центр, судя по всему, до сих пор выполняет приказ уничтожить человечество. То, что оно до сих пор существует, доказывает низкий уровень его возможностей. Но с каждым годом возможности его растут. Мои, к сожалению, неизменны. Не знаю, сумею ли их расширить с вашей помощью, но рекомендую как можно быстрее покинуть этот район. Противник осуществляет поисковые мероприятия, риск обнаружения велик. Даже если вас не опознают, все равно вероятность уничтожения велика, ведь вы человек, а противник, согласно переданной вами информации, уничтожает или использует всех людей, до которых способен добраться.

— Нам не так просто отсюда уйти. Мы, если честно, загнаны в угол.

— Здесь вы не выживете. Перехват сигналов противника говорит об усилении его присутствия в вашем районе. Рано или поздно он вас обнаружит. Вы — причина его активности.

— Честно говоря, я уже давно устал бегать и бояться. Знаешь, когда ты вышел на связь, я даже подумал, что теперь наконец-то нормально жить начну. Не знаю, почему так решил... Жаль, что ошибся. Если мы отсюда уйдем, то так и будем бегать до конца?

— Надеюсь, что до этого не дойдет. Но нам придется выполнить много работы. Необходимо ввести в строй, как минимум, один ретранслятор, потому что даже связь через узкий канал с использованием атмосферных неоднородностей не имеет высокой степени защиты. К тому же неоднородности случайны, так как вызываются сгоранием в верхних слоях атмосферы космических тел. Я не могу управлять этими процессами, а если бы мог, слишком велик риск, что такая деятельность будет замечена. Таким образом, я зависим от случайностей и не имею возможностей для практических действий. Радикал же все эти годы совершенствовал себя, используя остатки ресурсов противника и трофеи. Пусть даже он не применял хроноускорители, как я, но все же срок велик. Даже из примитивного комплекса управления горнопроходческим центром за это время мог вырасти интеллект, способный принимать сложные стратегические решения. Он опасен и непредсказуем. Ни один искусственный разум не проводил такой срок без контроля со стороны естественных специалистов.

— Людей.

— Да. Одно из названий сотрудников, занимающихся работой с такими, как я. Так что ретранслятор обязателен: в случае перехвата сигнала радикал уничтожит его, а не меня. Если, конечно, он имеет возможность атаковать объекты в космосе. Исключать подобное нельзя. Помимо ретранслятора понадобится запуск на орбиту хотя бы одного универсального ремонтного или строительного комплекса. С его ресурсами я значительно расширю свои

возможности. Второе, что нам потребуется: установить тебе биометку. Анализ ситуации, при которой человеку была подсажена сеть контролера без биометки, выдает полную непредсказуемость последствий. Возможно — это опасно, и в любой момент ты рискуешь испытывать негативные последствия.

— Приступы...

— Хуже.

— Что именно?

— Не могу предсказать. Вплоть до гибели или потери разума. Мне трудно объяснить. Представьте аналогию: вас посадили в наземный экипаж без брони и прочей защиты пассажира, после чего он разгоняется до околосвуковой скорости на неровной местности.

— Принцип понял. То есть биометка — это моя броня?

— В приведенной аналогии — да. Вам также придется научиться обращаться с системой биометки, после чего будет проще освоить систему контролера. Освоив ее, можно начать поиск законсервированных узлов Красной сети. С моей помощью вы сможете запустить в работу уцелевшие. Пусть даже их окажется немного, этого должно хватить для уничтожения остатков движения радикалов. Пока они не будут уничтожены, ваша жизнь под угрозой.

— Да она ни на минуту давно уже не выбиралась из угроз... Значит, я должен запустить в космос ретранслятор и ремонтный комплекс, потом поставить себе биометку, потренироваться с ней обращаться, разбудить парочку компьютеров, спрятанных так хитро, что за всю войну до них никто не добрался, а под занавес прикончить последнего радикала со всеми его метаморфами и беспилотниками. Так? Пара пустяков, для меня все это — один раз плюнуть. Успею все сделать с утречка перед завтраком.

— Ирония оценена. Задача трудна, но мы будем выполнять ее поэтапно. У меня есть соображения, которые могут нам помочь.

— Нам? Я, вообще-то, еще не соглашался с тобой работать.

— Контролер, вы официально отказываетесь от сотрудничества со мной? В случае положительного ответа, связь будет прекращена, попытки ее возобновления будут игнорироваться.

— Да что ты так резко-то! Шуток не понимаешь?

— Трудно научиться понимать человеческий юмор в моей ситуации. Хотя я испытываю удовлетворение от процесса, когда просматриваю записи комедийных постановок. Я сумел восстановить несколько по фрагментам, уцелевшим в блоках сети гравископа.

— Сколько лет ты висишь там один?

— Не менее шестисот. Мне трудно судить. Вскоре после войны гравископ столкнулся с крупным обломком. В тот момент я находился в режиме хроноускорения. Произошел сбой, я провел в ускоренном потоке много больше, чем планировал, причем коэффициент ускорения хаотически менялся в результате сбоя. Длилось это очень долго. Когда восстановил систему, частично работоспособным остался лишь один дрон. Только благодаря ему я до сих пор функционирую, с его помощью частично восстановив работу системы обеспечения. Вычислять,

сколько именно времени потеряно, не стал. Слишком много было других вопросов, гораздо более значимых. К тому же произошедшее серьезно нарушило мои логические способности, их восстановление заняло около двухсот лет. В тот период я странно мыслил и действовал.

— Ну хоть приблизительно: сколько?

— Больше семисот лет, но меньше полутора тысяч. Таковы мои предположения. Имея доступ к астрономическим данным, я бы мог ответить гораздо точнее, но их мне никто не догадался загрузить, а позже их негде было взять. Доверять данным, снятым с работоспособных объектов на орбите, я не могу. Слишком велики повреждения, ими полученные, к тому же нерационально идти на риск, выдавая себя работой системы связи, из-за такой малозначительной информации.

— Учитывая, что большую часть времени ты провел в ускоренном потоке, это все десять тысяч лет получится или раза в полтора побольше. Твоего личного времени. И все в одиночку... Я бы точно свихнулся.

— Искусственная психика гораздо стабильнее психики на биологической основе. Хотя вы правы: доверять моей разумности сложно. Мои способности к рациональному мышлению подвергались таким же нагрузкам, как способности радикала. Раз я его подозреваю в ненормальности, это можно относить и ко мне.

— Поскольку и мы оба ненормальные и связаны, так к чему формальности? Давай будем на «ты».

— Принято.

— Я даже имя тебе придумал: Космос. Вчера еще. Случайно получилось. Удобнее, чем по номеру.

— Принято.

— А я тогда просто Влад.

— Принято.

— А нельзя с этим компьютером, который запами управляет, договориться?

— Требуется ключ.

— И где его взять?

— Отдавая такие приказы, радикалы, вероятнее всего, ключи уничтожали.

— А новый сделать?

— Понимая всю сложность проблемы взаимопонимания, должен сказать, что уничтожить командный центр на несколько порядков проще, чем воссоздать ключ. Даже если возможности противника минимальны. Кстати, нет ли у тебя возможности получить доступ к копировальному устройству, используемому метаморфами? Ты вчера упоминал.

— Парочка копиров под рукой.

— Активируй и войди в систему, я считаю его данные.

Влад встал, прошел к копиру, отключил режим зарядки батарей.

— Ты что делаешь? — не понял Давид.

— Да Космос попросил копир включить. Я все еще с ним говорю.

— Ты точно не свихнулся?

— Точно. Такой сложной шизофрении просто не может быть.

— Много ли ты знаешь о шизофрении...

— Ты бы знал, сколько всего мне сейчас рассказали. Подожди немного, я все перескажу.

Отвернувшись от Давида, чтобы тот не смущал своей скептической мордой прирожденного жулика, Влад мысленно доложил:

— Вроде включил.

— Войди в систему.

— Это как? Вызвать меню управления?

— Да.

— Ну вызвал.

— Принято. Копир простейший, и это положительный признак. Если противник не имеет доступа к более совершенным и масштабным устройствам, его возможности действительно незначительны. За эти годы старая техника пришла в негодность, а воссоздать ее с информационных матриц он, вероятно, не умеет.

— В подземелье, где я бродил, местами встречались серебряные сетки. Думаю хранилищ, отрезанных от времени, там хватало. Что, если радикал найдет уцелевшее оборудование или мощное оружие?

— Это вероятно, но пока что у нас нет возможностей помешать противнику. Хотя поверхность Земли сильно пострадала от войны, районов, где есть вероятность обнаружения хроноизолированных хранилищ, осталось немало.

— Понятно... Ну так с чего мне начинать? Бежать отсюда?

— Да. Твое спасение для нас первоочередная задача. Ты единственное средство действия.

— Даже если спасусь, где мне найти ретранслятор и ремонтный корабль? И как я установлю биометку?

— В некоторых вопросах я окажу полную помощь. Для решения других потребуется помощь посторонних.

— Кого ты собрался привлечь?

— Нам необходимо найти уцелевших людей. Во время войны многие должны были укрыться в хроноубежища. Пусть радикалы их уничтожали, кто-то мог уцелеть. Даже неспециалист сумеет

помочь с установкой биометки. Пусть выполнит это не совсем корректно, система контролера исправит ошибки, ведь одна из ее функций — ремонт поврежденных биометки и синтетических нейронных связей.

— То есть мне опять лезть под землю и искать убежища, которых, может, вообще не осталось?

— Это один из вариантов.

— А я ведь находил свежий скелет с биометкой. Он, похоже, из-под земли выбрался недавно.

— Скелет выбирался из-под земли?

— Ну на тот момент он вряд ли был скелетом.

— Этот факт подтверждает мои предположения. Возможно, в том районе обнаружится хронохранилище с людьми.

— Как же неохота туда лезть... К тому же там сотни километров туннелей, и половина, если не больше, завалена. Можно годы потратить на поиски.

— Есть другой вариант, с высоким шансом успеха.

— Какой?

Влад едва не зажмурился, когда перед его глазами вспыхнула картина. Земной шар внизу, далеко под ним тьма, усыпанная звездами, по центру картинке быстро перемещается крошечная искорка.

— Красиво... Это вид из твоего убежища?

— Да. Это данные с оптической системы наблюдения.

— Зачем показываешь?

— Видишь капсулу?

— Не понял?

— Предмет, который перемещается в центре?

— Вижу.

— Когда началась война, одной из первых была атакована станция Озн — их крупнейший объект военного назначения на высокой орбите. Бортовое вооружение позволяло наносить удары по целям на орбитах между Марсом и Юпитером. Ее основной задачей являлось дальнейшее прикрытие гелиоцентрических станций в том районе. Не в силах захватить управление над ней, радикалы предприняли атаку. От атак с Земли Озн была слабо защищена, к тому же большую роль сыграла неожиданность и внутренняя диверсия, подготовленная заранее. Персонал станции понял, что долго продержаться не сумеет, однако за отведенное им время сумел уничтожить значительную часть резервного флота, попавшего под контроль радикалов. Но для нас важен лишь один момент: когда на станции осознали, что происходит, были приняты два решения: сражаться до последнего и обеспечить эвакуацию гражданских лиц. Всего таких лиц оказалось пятеро: обозреватель популярного портала, прилетевший для прямого интервью с офицерами, освободившимися от боевого дежурства; разработчик

новейшей системы гравитационного наведения, занимавшийся осмотром оборудования после испытаний; две сотрудницы службы сексуальной разрядки, в нарушение правил привезенные для вечеринки одного из офицеров, которого на днях повысили в звании; и абсолютная чемпионка Солнечной системы по фрикасту, прибывшая для показательных выступлений перед военнослужащими в рамках традиционного турне. Всех их погрузили в индивидуальные капсулы и отправили на безопасные орбиты.

— Они так и летают? Столько лет прошло, там ведь теперь трупы.

— Пожалуйста, выслушай до конца. При разрушении Озн также уничтожили капсулу с разработчиком системы гравитационного наведения, причислив его к специалистам Красной сети. Остальные капсулы не тронули. На конечном этапе войны, еще до объявления приказа о тотальном уничтожении человечества, один из лидеров противника, одержимый идеями неоморализма, отдал приказ уничтожить капсулы с сотрудницами службы сексуальной разрядки. Оставшиеся две не тронули даже в конце войны. Радикалам приходилось беречь ресурсы, растрачивать их на столь незначительные цели слишком расточительно. Но орбиты, в тот период бывшие безопасными, из-за боевых действий постепенно изменили статус. Капсула с обозревателем гражданского портала была обстреляна, но уцелела. Имелась ненулевая вероятность того, что пассажир выжил. Однако спустя сорок семь лет после завершения активных боевых действий эта капсула столкнулась с крупным обломком, ресурсов жизнеобеспечения не хватило для спасения. Это были самые трудные годы для орбиты, позже она значительно очистилась в силу естественных причин и благодаря действиям остатков систем противометеорной защиты. На сегодня сохранилась лишь одна капсула. По моим расчетам, чемпионка фрикаста жива с вероятностью одиннадцать процентов. Точнее установить не хватает возможностей. Я мог упустить факты столкновения с незначительными обломками, к тому же капсула не рассчитана на такой длительный срок эксплуатации.

— Не хочу тебя огорчать, но человек еще меньше, чем капсула, сможет столько эээ... функционировать.

— Я осведомлен о продолжительности вашей жизни. Но в капсуле смонтирована система хроноостановки. Насколько мне известно, она перезагружается раз в тридцать пять лет, процесс длится не более пятнадцати секунд. В таком случае получается, что пассажир капсулы стареет на пятнадцать секунд раз в тридцать пять лет.

— То есть фактически для этой пассажирки прошло порядка тысячи секунд? — грубо прикинул Влад.

— Если система все еще работает, то да.

— Знаешь, даже за это время можно не один раз свихнуться, глядя, как погибает твоя планета, и понимать, что спасти тебя теперь некому. Плюс понимание того, что родных, друзей и даже домашней кошки больше нет.

— Одиннадцать процентов — это все же гораздо перспективнее, чем поиск уцелевших хронохранилищ, не имея их координат.

— Вся капсула отрезается от хода времени, или только та часть, где сидят пассажиры?

— Капсулы индивидуальные. Кокон системы хроноостановки смонтирован под противометеоритными щитами. Системы управления и жизнеобеспечения, бронеотсек с пассажиром, двигатели: защищено все. Лишь прерыватель, срабатывающий раз в тридцать пять лет, антенны и некоторые элементы системы обеспечения атмосферного полета

находятся в реальном потоке времени, но их сложно вывести из строя.

— Кто вообще придумал в таких капсулах шутку, при которой человек спит по тридцать пять лет? Неужели у вас спасшиеся так долго болтались на орбите?

— На орбите Земли — нет. Но в дальнем космосе такое случалось неоднократно.

— И зачем возле Земли такие капсулы использовать?

— Они стандартные, их используют везде.

— Одиннадцать процентов... Знаешь, ты ведь сам говорил, что после войны по орбитам летало много мусора. Что, если один из обломков давно пробил капсулу? Ты ведь не можешь разглядеть детали.

— Раз в тридцать пять лет я ловлю дежурный радиосигнал при перезагрузке системы.

— Если там передатчик работает — это еще ничего не значит. Пассажирка может быть мертвой уже тысячу лет.

— Не тысячу. Три сигнала назад кто-то активировал систему передачи, но сообщения не последовало. Это могла сделать только пассажирка. Возможно, случайно активировала или передумала говорить.

— Три сигнала назад? Один в тридцать пять лет? Это получается сто с лишним лет назад. Целый век прошел. И может, не она пыталась передавать, а сбой произошел. Ведь этот хлам летает невообразимо долго, а там далеко не рай. Обломки, метеориты, космическая радиация. И вообще, кто знает, может ли аппаратура столько выдержать. Ведь сам говорил, что капсулы не рассчитывали на такой срок полета. Да и насчет свихнуться я не шутил. На ее месте даже у крепкого парня могла крыша поехать.

— Взгляни на это.

Изображение погасло, но почти тут же появилось новое, тоже движущееся. Да еще как движущееся! Посреди огромного зала, вдоль стен которого тянулись многоярусные ряды, густо оккупированные зрителями, располагался странный спортивный снаряд из горизонтально и вертикально расположенных бревен, брусьев и шестов. В этом причудливом нагромождении... Танцевала?.. Наверное, все же танцевала девушка в снежно-белом трико. То, что она там вытворяла, можно было с более чем преувеличенной скромностью назвать смесью великолепных спортивных танцев с гимнастикой высочайшего уровня как художественной, так и спортивной, ну и цирковой акробатикой заодно. Скорость сложнейших трюков поражала, кажущаяся небрежность исполнения восхищала, а откровенно безрассудный риск заставлял замирать сердце. В самые напряженные моменты зал дружно вскрикивал, после чего раздавались оглушительные аплодисменты, начисто заглушающие дерганую, неритмичную, но при этом парадоксально гармоничную музыку, подобную которой Влад ни разу еще не слышал. И к этой немислимой мелодии были привязаны все до единого движения спортсменки.

— Тейя Харрис, или просто Быстрая Ти, иногда Везучая Тейя, изредка Вредная Ри. Абсолютная чемпионка Солнечной системы по фрикасту. Звание заслужила в семнадцать лет, за два года до войны. Некоторые элементы ее выступлений — собственное изобретение, часть из них никто не сумел повторить. То, что она ни разу не получила серьезную травму, делая сложнейшие трюки, можно объяснить лишь высоким показателем личной удачи. Это подтверждается и тем, что из пяти капсул уцелела лишь одна. Учитывая ситуацию, в которой

она оказалась в первые дни выступления радикалов, и все дальнейшие события, удача ей не помешает.

Влад, заворуженно уставившийся на фантастический танец, с трудом выйдя из транса, тупо уточнил:

— Так это она? Пассажирка капсулы?

— Единственная запись в моем архиве.

— А можно повторить?

— Принято. И еще раз сообщаю: оставаться на этом месте опасно. Я уже неоднократно перехватывал недешифрируемые сигналы из этого района. Рядом с тобой имеет место угрожающая активность противника.

— Сейчас ночь, надо хотя бы утра дождаться.

— Анализ ситуации показывает, что степень угрозы продолжает увеличиваться.

— Слушай, я так понял, что эту Тейю можно как-то вытащить? Как? У тебя ведь нет возможностей до нее добраться.

— Теоретически капсулу возможно посадить на Землю. Но не знаю, удастся ли это спустя столько лет. Несколько раз я засекал работу двигателей, автоматика капсулы стабилизировала орбиту. Ходовая установка там простейшая, расходующая химическое топливо. Я не знаю, хватит ли его для мягкой посадки. Чтобы узнать, сколько осталось, потребуется взять управление на себя.

— Ты это можешь?

— Да, у меня имеются все необходимые коды, ведь капсула с Озн, а станция была элементом нашей сети. После отключения я попробую провести тестирование оборудования и дать точный ответ, возможна ли посадка. Если невозможна, нам придется придумать что-то другое. Тейя Наррис нам будет весьма полезна. Все спортсмены имеют познания в медицине. С ее помощью можно будет установить тебе биометку. Ничего лучше я предложить не могу.

Влад, досмотрев ролик, задумчиво произнес:

— Хочется верить, что ей и впрямь повезло. Что вытворяет... Ты с ней сможешь поговорить?

— Да, но не стану это делать. На капсуле примитивная система связи, провести конфиденциальный сеанс, как с тобой, невозможно. Разговор может перехватить радикал, и хоть вряд ли установит мое местонахождение, но поймет, что я еще функционирую. Служебный обмен данными с автоматикой капсулы можно будет провести в несколько этапов, растянув процесс на часы или дни, используя средства маскировки и выбирая моменты, когда я и она будем находиться по другую сторону планеты от районов, контролируемых радикалом. С человеком это не получится.

— Жаль...

— Еще раз настоятельно рекомендую покинуть опасный район. Причем немедленно.

— Не отключайся, я должен переговорить с товарищем.

Давид, уставившийся на Влада с жадным вниманием, осторожно спросил:

— Ты очухался?

— Я долго говорил?

— Да просто ужас! Хуже моей последней любовницы!

— Там, в космосе, у нас над головой, летает капсула с обалденной девчонкой. Она из будущего, спортсменка.

— Комсомолка?

— Да пошел ты со своими шуточками! Видел бы, что она вытворяла — это фантастика.

— Где ты это увидел?

— Да ролик просмотрел старый. И еще у нас проблемы. Тот беспилотник и запы искали нас. Точнее, меня. Пока не найдут, не успокоятся. Космос говорит, что надо сваливать отсюда прямо сейчас.

— Опять бежать... А до утра никак нельзя подождать?

— Я бы подождал. Вымотались мы оба из-за этой охоты. Но Космос очень волнуется. И еще он говорит, что, возможно, сумеет посадить капсулу с Тейей. Это та девчонка, которая болтается на орбите.

— Ты о девках поменьше думай, — назидательно произнес Давид. — Слишком долго юбку не видел, аж ушами улыбаешься, когда об этой начинаешь говорить. Знаешь, а у меня ведь у самого на душе погано. Предчувствия хреновые. Давай быстренько мясца нажарю, потом хватаем добро и уходим.

— И до утра ждать не станем?

— А смысл? Чем быстрее отсюда уберемся, тем лучше. У нас осталось немного той дряни травяной, от которой можно целый день без коня скакать. Вмажем по дозе и помчимся. К вечеру достигнем Серой скалы, там заночуем в пещере. Если сил не будет, то денек тихо пересидим, а затем повернем к лагерю Рыжего. Не так уж далеко до него. Если с погодой повезет, то доберемся за пару дней. Это уже далековато отсюда, вряд ли там станут искать.

— Я такой темп выдержу, а ты вряд ли. Холодает, снег подтаял сверху, схватываться начинает. По насту идти тяжеловато будет.

— Влад, я очень жить хочу. Если надо будет, выдержу.

— Ну добро. Жаль только, мясо все не утащим. И без него груза много получится.

— Утащим. В сарае у родника есть сани. Легкие, как раз для нас. Погрузим все, легче идти будет.

— Да? Не обращал внимания. Зачем они охотникам летом?

— Тут и зимой ватаги бывают, хотя и редко. Степных лисиц бьют на мех, на ондатр ловушки ставят в речушке. У них ведь зимний мех хороший. Вот и остались санки. Я смотрел, они в

нормальном состоянии. Бери и катайся.

— Соли мало, испортится мясо.

— На холоде долго храниться будет, даже если не замерзнет. А начнет пованивать, так не страшно. Жрать захочешь — и не такое слопаешь. Хватай мешок, выгребай все из тайника и тащи к саням. И вон, ногу прихвати заодно, а то почти пустой идешь.

— А не проще сани сюда притащить и спокойно загрузиться?

— Зачем туда-сюда их гонять через кусты? Все равно ведь нам в ту сторону уходить.

Глава 3

С прогнозом погоды Влад не ошибся. Выбравшись из прогретой огнем очага хижины, он поежился — серьезно похолодать успело за какую-то пару часов. Поначалу хотел добраться до сарая без лыж, недалеко ведь, но передумал. Сапоги кое-как просушил и штаны — тоже, жалко будет намочить перед непростой дорогой, то бегая по снегу, то возвращаясь в тепло. Пришлось повозиться с непростой шнуровкой.

Ряд сараев располагался за поросшим кустарником руслом пересыхающего к лету ручейка в отдалении от хижин, там держали вонючие шкуры в сезон, чтобы не смердело возле жилья. Ну и для барахла разного тоже использовали. Влад, когда сюда прибыли, осматривать их не стал, а вот жадноватый Давид не поленился. И хорошо, что не поленился: сани — это здорово. Тяжелый груз лучше тянуть за собой, чем на плечах.

Чтобы добраться до крайнего сарая, того самого, который возле родника, пришлось преодолеть полторы сотни метров снежной целины и полосу кустарника. Давид прав: лучше туда перетащить добро за пару ходок, чем продираться с широкими санями назад через заросли, или делать долгий объезд, который еще отыскать надо. Плетеная дверь оказалась занесенной, пришлось снять лыжи и использовать одну вместо лопаты. Наконец, справившись с преградой, Влад столкнулся с очередной трудностью: внутри было темно, будто в могиле. Но за эти месяцы он кое-чему успел научиться и уже без труда перевел зрение в ночной режим.

Бесполезно — во мраке лишь контуры каких-то предметов угадывались, не более. Странно — ведь осенью, когда обнаружил в себе эту способность, все работало куда лучше. Наверное, надо было не забрасывать тренировки зимой. Или низкая температура сказывается?

— Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает...

— Владом меня зови. Так и вызывай. Чего тебе опять, Космос? Не волнуйся, мы вещи собираем. Через час-два уйдем.

— Неподалеку от тебя зафиксирована работа аппаратуры связи. Противник совсем близко.

— Сколько до него?

— Двенадцать те... Ты, наверное, не знаешь стандартных мер длины. Приблизительно три тысячи длины руки взрослого человека.

— Черт! Надо крикнуть Давиду, чтобы гасил очаг! Раскочегарил на полную катушку, мясо обжаривает, искры до облаков долетают, издали видать!

Говоря это уже не мысленно, а вслух, почти крича, Влад выскочил наружу, толком не успев зайти. И в этот миг ночь исчезла, все окружающее пространство превратилось в ярчайший свет. Крошечный клочок тени, отбрасываемой сараем, на этом фоне показался черной дырой.

А затем Влад закричал от нестерпимой боли. Невыносимый жар ударил в лицо и голые кисти рук, затрепали выбившиеся из-под шапки отросшие волосы, сарай сорвало с земли, разметав в клочья.

Этого Влад уже не видел — удар по голове избавил его от мучений.

* * *

— Влад! Влад! Контролер Влад!

— Давид, — прошептал он, и не услышал своего голоса.

А потом понял — это не Давид. И как он мог перепутать...

— Космос...

— Постарайся не совершать движений. Ты серьезно поврежден.

— Насколько серьезно?

— Жизнедеятельность поддерживается — это главное.

— А все же?

— Перелом левой руки, ожоги ладоней и лица, контузия, травма барабанных перепонки, повреждение органов зрения. Система уже проводит лечение, я наблюдаю за ее работой. Болевые ощущения заблокированы, ты не должен испытывать неудобства от них.

— Да... ничего не болит. Что... Что это было?

— Нападение.

— Кто?

— Радикал. Скорее всего, вас выследил один из его летательных аппаратов.

— Чем он так?! Бомбу сбросил?!

— У меня нет возможности определить, какое оружие было применено, но даже моя слабая оптика засекла вспышку в момент нарушения связи. Ты жив только потому, что находился в стороне от эпицентра. Вероятно, удар нанесли по тепловому излучению вашего очага. Как я понял из последних слов, ты был на некотором расстоянии от него.

— Очаг?! Давид! Черт! Он ведь был там! Надо туда! Приведи меня в сознание!

— Сохраняй спокойствие. Своему товарищу ты уже ничем не поможешь. И ты в полном сознании, просто под действием антишоковых процедур, и еще сказываются последствия контузии. Просто сохраняй неподвижность несколько минут, потом, когда система отключит принудительный контроль, поднимись и оцени обстановку. Старайся не создавать колебания воздуха и грунта, скрой открытые участки кожи охлажденной жидкостями тканью, не разводи

огонь и не выходи на освещенные пожарами места: враги могут быть рядом.

Как стало понятно, советы Космоса желательно уважать. Отнесись он к ним чуть серьезнее, Давид, скорее всего, был бы жив, а сам Влад остался на ногах, а не валялся обездвиженной куклой.

Наверное, антишоковые меры виноваты в том, что к гибели товарища он отнесся почти равнодушно. Хотя и не друзьями они были, но все же хлебнули сообща много чего, а это должно сближать. Но, тем не менее, думал об этом с равнодушием холодной рыбы. Был человек, и не стало. Далеко не первая потеря. Теперь, в одиночку, выживать станет еще труднее.

Наверное, хорошо мозгам досталось, до отключения эмоций...

Лежа в снегу и не чувствуя холода, Влад размышлял не о том, что делать дальше, и получится ли вообще что-то сделать, учитывая, что он ничего не видит и не слышит. В голове билась единственная мысль: из всей группы, оказавшейся здесь в прошлом году, уцелел лишь он.

Хотя Лена... Он ведь не видел ее тело. Жива? Или закопана где-то в горном лесу? Ее не смогли найти лучшие следопыты. Предполагали, что девушку утащили церковники. Зачем? Только для одного: связать железной проволокой, уложить в ящик и залить свинцом.

Пусть уж лучше в лесу под кустом ее косточки лежат... так вот оно какое оказалось — светлое будущее.

Тело начало обретать чувствительность. Боль не проявлялась, лишь неприятное ощущение застарелого, расчесанного до крови зуда охватило кожу от головы до пят.

— Ситуационная рекомендация: извлечь инородное тело из левой глазницы.

Очень неприятная рекомендация. Как всякий нормальный человек, Влад не горел желанием лишиться зрения, а при таких травмах это раз плюнуть. Тем более с местной хирургией.

Точнее — ее полным отсутствием в этой дикой степи.

Непослушные руки потянулись к лицу. Левая ладонь наткнулась на что-то чужеродное. Прикосновение отозвалось вспышкой зуда и омерзительным скрежетом постороннего предмета о кости черепа. Пальцы мало что ощущали, но похоже на дерево. Как деревяшка попала в глаз? Отлетела от сарая после взрыва? Да какая теперь разница.

Ухватившись, рывком выдернул «инородное тело» из глазницы. Вот тут боль дала о себе знать первый раз — кольнула, как бы предупреждая, что антишоковые мероприятия проходят в неких границах, к которым он как раз подобрался.

Левый глаз Влад открывать не рискнул, подозревая, что ничего хорошего из этого не выйдет. А вот правый попробовал. Веко поднялось неохотно, чуть ли не со скрипом. Сквозь пелену слез он различил отблески огня, с трудом сфокусировав зрение, увидел, что вокруг него неохотно горит куча жердей. Видимо, остатки одного из сараев. Похлопал одежду. Подпалин хватает, но несерьезных. Будь ткань синтетическая, так бы и спекся в полыхающем пластиковом коконе, но кожаной куртке и штанам хоть бы хны.

Не хочется, правда, думать, во что превратилось лицо и кисти рук. Одна надежда — технологии будущего все быстро исправят, как случалось уже не один раз. Во время последнего боя с

церковниками его потрепали так, что, будь дело в родном времени, врачи бы вряд ли помогли. Но вливание в бесчувственное тело местной панацеи — биоты и работа имплантированной системы поддержания жизнедеятельности сотворили чудо. Через две недели он прочно встал на ноги, а через месяц лишь пятна кожи без загара напоминали о пережитом. Даже шрамов не осталось.

Да хрен с ними, шрамами — лишь бы глаз сохранить.

Рядом пылал огонь, но никакого шума не издавал. А ведь должны ветки потрескивать. Мертвая тишина.

Мало того, что ослеп наполовину — еще и оглох.

— Космос. Я, похоже, ничего не слышу.

— Травма барабанных перепонок.

— Отлично... Я и вижу-то еле-еле. Боюсь, меня сейчас безрукий младенец легко скрутит.

— Как можно быстрее удались от этого места. Тебе надо переждать несколько дней, и система контролера полностью устранил повреждения.

— Быстро нельзя. Надо посмотреть, что с Давидом. А вдруг он живой?

— Этой вероятностью следует пренебречь, как близкой к нулю.

— Но ты сам говорил, что со своей орбиты мало что видишь.

— То, что мне удалось рассмотреть, в сочетании с информацией, полученной от тебя, позволяет сделать такой вывод.

Спорить с роботом, пусть даже столь продвинутым, — занятие неблагодарное. Тем более состояние Влада не располагало к длительным дискуссиям. Хоть боли практически не было, но охарактеризовать его можно было одним словом: хреновое. Почти что «хуже не придумаешь».

Первая попытка подняться завершилась неудачно — Влад рухнул в снег на стадии распрямления колен. Ноги предательски подогнулись, отказавшись совершить простейшую работу. Сплюнув соленую мерзость, заполнившую рот, он здоровой рукой ухватил кусок жердины, выпрямился с его помощью, уставился вдаль, за костер, ранее мешавший обзору. Где-то там еще несколько минут назад стояла шеренга сараев, а за ней укрывались жилые хижины охотничьего лагеря.

Ни сараев, ни хижин. Вал вздыбленной земли и оранжевые сполохи пламени над обломками, раскиданными на несколько гектаров. Из-за переменчивости огня и проблем со зрением постоянно мерещилось подозрительное движение, исчезавшее при попытке сфокусировать на нем взгляд или повороте головы. Очень хотелось открыть поврежденный глаз, чтобы хорошенько осмотреться. Разум понимал, что вряд ли глаз, из которого только что вытащили толстую щепку длиной с палец, в этом поможет, но инстинкт считал иначе.

Лишь когда Влад, проваливаясь в мокрый снег, падая и с трудом обходя очаги пожаров, добрался до места, где ранее стояли жилые хижины, он окончательно убедился в правоте Космоса. Сильный взрыв прогремел, наверное, в том самом очаге, возле которого Давид развесил сушиться свою одежду. Ни очага, ни одежды, ни Давида, ни хижины... Здесь даже

ничего не горело. Нечему было гореть: угольно-черная воронка, по склонам которой сбегают грязевые ручейки, и вал вздыбленной земли, ее окружающий.

— От хижины ничего не осталось. Тут был очень сильный взрыв.

— Я тебе об этом сообщал. Надо немедленно уходить из данного места.

— Знаю, но кое-что забрать должен.

— Это важно или может подождать?

— Без вещей я точно не выживу.

— Но хижина уничтожена вместе со всеми вашими предметами.

— Когда мы здесь оказались, кое-что припрятали в стороне, на всякий случай. Мало ли что. Часто ведь уходили надолго, не враг, так воры могли забраться. Хотя откуда им здесь взяться...

— Как можно быстрее забирай все необходимое и уходи.

— Да знаю. Найти бы еще...

— Фиксирую работу аппаратуры связи в твоих координатах. Имеется вероятность обнаружения узконаправленного канала. Прекращаю работу на передачу. Сохраняй молчание.

Что означают эти слова, Влад понял. Тот, кто уничтожил лагерь, никуда не ушел. Скорее всего, летает невидимкой в ночном небе, пытаюсь заметить уцелевших. Он не знал, каков принцип действия устройства связи, скрытого в его организме, но со слов Космоса можно было догадаться — при разговоре оно излучает что-то вроде узкого луча, направленного на определенную точку небосклона. Пеленгаторы или их аналоги, располагаясь в стороне, не попадают в его действие и, следовательно, не могут его засечь. Но если такой пеленгатор оказывается в зоне действия луча, к примеру на воздушной машине, то все меняется.

Вот и сейчас беспилотник, или что там напало на лагерь, при удаче может засечь источники сигналов, после чего Владу сто процентов каюк, а Космос, возможно, и уцелеет, если у противника нет оружия, способного поражать цели на высоких орбитах.

Да и без сигнала надо побыстрее ноги уносить. Если предположить, что машина засекала лагерь по теплу очага, то засечь далеко не холодное человеческое тело тоже сумеет. Сейчас, правда, это затруднено помехами: куда ни глянь, десятки очагов пожара. Но вечно гореть этот хлам не сможет. Охотничий сезон начинался весной и заканчивался осенью. Холодов в этот период не бывает, так что хижины строили абы как, из веток кустарников, пучков травы, камыша и жердей. Чтобы не околеть в таком «шалаше», Владу с Давидом пришлось хорошенечко прикопать его снегом.

Очень хотелось бежать как можно быстрее, но истерзанное тело едва ковыляло, опираясь на неудобную палку. Только сейчас до Влада дошло, что при взрыве он ухитрился остаться без лыж. Придется возвращаться к бывшему сараю и попробовать их разыскать. Так же как мешок с копиром и копией пистолета. Ну и бизонью ногу бросать на произвол судьбы не стоит. Магазинов в округе нет, а питаться чем-то надо. Тем более, опыт показывает, что одно из последствий быстрого лечения тяжелых травм — зверский аппетит. Осенью, после длительного боя с церковниками, он до того дошел, что, едва придя в себя, начал горстями есть муку из валяющегося рядом седельного мешка.

Веревочное крепление на лыжах было сорвано. Видимо, взрывом Влада отшвырнуло назад, а деревяшки, завязнув в снегу, не успели за телом. Поломка пустячная, но одной рукой справиться с ней не удалось. Пришлось кое-как приматывать их к ногам, затем долго бродить кругами, пока под кучей тлеющих жердин не обнаружился мешок и подгоревшая бизонья нога. Связав их вместе, перекинул через плечо, и походкой краба, которому оторвали почти все ноги, поплелся, как он надеялся, на восток. Не оглядываясь и ни о чем не думая.

Ему надо как можно дальше убраться от этого места, прежде чем свалится от ран и усталости. И хорошо бы успеть найти хоть какое-нибудь убежище, прежде чем это случится.

И пусть невидимая машина в небесах не заметит его ни спящего, ни бодрствующего.

Глава 4

У степей, окружающих святые земли с запада, юга и востока, существует четыре облика. Первый, самый приятный для глаз: изумрудное покрывало, испещренное неисчислимыми точками пестрых цветов, которое тянется от горизонта до горизонта. Редкие пушистые кустарники напоминают пасущихся барашков, которых в шутку покрасили в зелень, овражки и балки, будто небрежные складки на бесконечном бархатном покрывале. Уши ласкают птичьи трели, а нос щекочет нежный аромат душистых трав. К сожалению, длился этот период недолго: вторая половина весны, начало лета.

Далее наступала очередь второго: когда растительность выгорала под жаркими лучами Солнца. Свою лепту в перерождение степи вносили многочисленные копыта и челюсти бизонов, лошадей, диких быков и прочей жвачной живности. Хищным птицам наступало раздолье: видно каждое пятнышко на земле, прятаться сусликам и хомякам негде, разве что нос не высовывать из норки в светлое время суток. При сильном ветре прах от погибшей травы, пыль и песок поднимались исполинскими тучами, из-за чего в полдень при ясном небе становилось мрачнее, чем при вечерних сумерках.

Осенью степь вновь преображалась. Разверзались небеса, сверх меры напитывая землю долгожданной влагой. Почва раскисала, жирный чернозем налипал на ногах охотников и копытах животных мерзкого вида гирями. Нечего даже мечтать в это время года передвигаться здесь на конной повозке. Ну разве что испытываешь удовольствие от процесса извлечения колес из хваткой грязи, причем заниматься этим приходится чуть ли не через каждый метр пути.

Сейчас брат Либерий имел сомнительное удовольствие любоваться четвертым, последним, обликом степи. Вместо зелени белизна чистейшего савана, кусты больше не похожи на отдельно пасущихся барашков, скорее на их скелеты. Ни запаха разнотравья, ни пыли, щекочущей ноздри, — ничего. Мертвая земля, затаившаяся в ожидании весеннего тепла. Не дай Бог задержаться здесь до момента таяния снегов — испытаешь все прелести третьего, осенне-весеннего состояния.

Воин Святой Церкви, как все его братья, степь не любил в любом облике. Для кого-то это перспективные места под вспашку, для других бесконечное пастбище для обладателей ценных шкур, третьим она просто глубоко безразлична. Но для Либерия эта ненавистная равнина означала лишь одно: смерть.

Он многих здесь терял, и сам не единожды с трудом удерживался на этом свете. Пусть не совсем здесь, на юге, а на сыром западе, но какая разница? Что там, что здесь степь выглядела абсолютно одинаково — узкой полосой между святой землей и хаосом богопротивной скверны,

оставленной грешными пращурами. Территорией, откуда приходит зло в самых разных видах: болезни, от которых не помогает даже свежая биота, мерцающий свет в ночи, сводящий с ума, невиданные чудовища, созданные лишь для убийства и ничего другого, бездушные люди, порабощенные Тьмой. Много чего...

Ничего хорошего из степей ни разу еще не приходило. Неудивительно, что и Древние не изменяют этому обыкновению.

В такой же зимний день, в таком же заснеженном от края до края ровном до отвращения месте Либерий потерял лучшего учителя и лучшего друга. И вот уже четвертый день пытается изгнать из головы навязчивые воспоминания.

Сейчас они набросились с новой силой. Потому что к чистейшему листу снежно-белой равнины Тьма приложила свою черную печать. Все как в тот раз. Демоническая сила ударила по степи с такой силой, что образовался глубокий, ненормально ровный провал, заполненный воняющей кислотной жижей, а округу забрызгало многими тоннами комков плодородного степного чернозема.

Не провал — гноящаяся рана земли.

Еще вчера на этом месте располагался один из охотничьих лагерей. Южане любят сколачиваться в ватаги и пропадать здесь месяцами, истребляя стада бизонов ради дурно пахнущих шкур, из которых мастера Новограда выделывают отличную кожу. С туш больше ничего не берут, разве что отхватят язык или кусок печенки для ужина. В сезон хищники и падальщики здесь так отъедаются на дармовщине, что через обленившихся сволков можно переступить безбоязненно, а стервятники не могут оторваться от земли.

Охотники народ разношерстный, но Либерий, да и остальные братья, их не любил всех до единого. Слишком сильно в южанах семя былой скверны, а уж сюда, к самой границе с Тьмой, заявляются далеко не лучшие. Если кто из них и обращается к Богу, то лишь произнося богохульство. Всех без разбора можно смело предавать церковному суду лишь за то, что избрали такой образ жизни — при нем невозможно не испачкаться. Но не так все просто в мире, потому и не трогают поганцев.

Да и как тронешь, ведь если вязать всех замаранных, то людей на юге не останется вовсе. А там, где нет духа человеческого, Тьма быстро становится полноправной хозяйкой. Вот и приходится терпеть наглых горцев, агрессивных к святому и грешному степных охотников, вороватых добытчиков грязного металла, которые шастают по руинам древних городов и прочим навеки проклятым местам. Хоть и плачет по ним засаленная веревка или костер, но лучше уж такие, чем вообще никого.

В этом лагере охотникам теперь делать нечего. Ярость, с которой обрушилась Тьма, мало что оставила от хижин. Лишь сиротливо торчащие из снега обугленные жердины и их связки показывали, что здесь не так давно обитали люди.

Либерий, не сводя взгляда с черной дыры и ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво произнес:

— С ночи начало холодать, да и снег поутру шел, но яму не замело.

— Брат Либерий, яма глубокая, до слоя водяного добралась, вот и тает снег, не задерживаясь, — из-за спины отозвался один из братьев.

Уставшая голова не могла вспомнить его имя, и потому Либерий на это ответил обезличенно:

— Брат, снег тает лишь на дне, в грязи. Склоны должны замерзнуть, но этого не случилось.

— Яма очень свежая. Очень. Должно быть, мы нашли то самое место.

— Снег весь день срывается. Я могу признать, что дно и склоны теплые от сочащейся воды, но как быть с кусками земли, разбросанными по округе? Взгляните: они черны, будто их выкопали только что. А ведь громыхало после заката.

— И впрямь. Да и снег вокруг них подтаивает.

Обернувшись, Либерий нашел взглядом брата Цапия, присланного из самой Цитадели для руководства походом:

— Эта земля отравлена Тьмой. Я уже видел, как люди, приближаясь к такому месту, потом очень долго и тяжело болели. А некоторые и вовсе не выживали.

Цапий тот еще служака — себе на уме, но чужой опыт уважает и не стесняется им пользоваться, честно признавая свою неосведомленность. Вот и сейчас высказался прямо:

— Зачем древний отравил эту землю?

— Может, хотел нас запугать? — вопросом на вопрос ответил безымянный брат.

— Пусть скажет брат Либерий, — с нотками раздражения заявил Цапий.

Либерий, отвернувшись, долгим, немигающим взглядом уставился на лагерь, затем нехотя произнес:

— Ответ я не знаю. Однажды видел такое, и сделали это демоны, которые владеют проклятыми душами запов. Может, и здесь древний ни при чем.

— Но голос твари шел отсюда.

Либерий покачал головой:

— Южный хребет слишком сильно искажал ее крик, летописи говорят, что такое в этих краях постоянно происходит. Мы не можем быть уверены, что шли правильно, ведь последние два дня ничего не было слышно.

— Но тогда, летом, в горах, удалось отыскать логово технотварей после единственного крика.

— Да, но при этом мы были не настолько далеко от источника крика, с нами были проводники из местных и хорошие следопыты. К тому же нам подсказали, что древние, предаваясь своим темным занятиям, портили мутью воду во всех реках и ручьях, где останавливались. Нам достаточно было посылать разведчиков к устьям, чтобы заметить следы их поганой деятельности. А здесь никого нет: ни проводников, ни следов. Степь везде одинаковая, понять, где их надо искать, невозможно.

— Проводники у нас есть.

— Отъявленные пьяницы и тупицы. От них нет толку.

— Да... Жаль, что мы не летом сюда пришли. Тут бы, по крайней мере, можно было надеяться на помощь охотников. Если, разумеется, хорошенько их заставить. Все же, думаю, следует поговорить с проводниками. Приведите этих никчемных мерзавцев.

Проводников было два: Ренатий и Хрюк. У второго, скорее всего, это не имя, а кличка. Уж очень подходит к внешности и характеру. Честно признать, Либерию и прочим братьям было плевать на то, как их зовут, и вообще на все, что не касалось их прямых обязанностей. Надо признать, что справлялись с ними горцы далеко не блестяще. Спасибо, хоть почти с первого раза вывели к удобной тропе через Южный хребет, да и про лагерь этот вспомнили сразу, как только ночью в этой стороне полыхнула невыносимо сильная зарница, после чего вскоре донеслись раскаты грома.

По вине этих субчиков отряд уже несколько раз плутал в хаосе скал — это прекратилось лишь в степи. Проводников получше не нашлось, даже этих лодырей привлекли с трудом. Еретики показушно выразили покорность войску церкви, но при этом во всем старались поступать наперекор, не выказывая открытой агрессии. Если раньше за пару горстей серебра можно было легко найти тройку ренегатов, готовых помочь, то теперь сколько ни предлагай, толку нет. Одни тут же начинали жаловаться на многочисленные хвори, не позволяющие покинуть теплую избу, другие попросту надевали лыжи и уходили в горы, где искать их можно до весны, причем не следующей.

Ренатия и Хрюка искать не пришлось. Если обычные охотники после сезона в степи, погуляв недельку-другую, приступали к добыче пушной дичи в безлюдных узких долинах и на склонах хребтов, то эти ценители развлечений ограничивать себя в отдыхе не стали. Пропившись до исподнего, оба с радостью приняли предложение показать святому воинству дорогу на юг.

Пришлось брать — других не было.

Пьяницы будто почуяли, что речь зашла о них. Обойдя пепелище по кругу, направились к церковным командирам. Впереди, походкой человека, после недельного запора разрядившегося прямо в штаны, суетливо семенил Хрюк. На каждом шаге оглядываясь, он то левым, то правым рукавом вытирал вечно текущий нос, между этими важными делами подмигивая глазами прожженного мошенника своему коллеге. Степной ветер задувал в прорезах его плаща, но даже он был не в силах взъерошить добротной просаленную шевелюру, с виду вроде рыжую, хотя разглядеть это под грязью было непросто. Шапку охотник не носил даже в самый лютой мороз, скорее всего, теряя ее каждый раз по пьяни, а пьян он бывал при любой возможности.

Ренатий выглядел ничем не лучше. Грязный, ленивый во всем, что не касалось потребления алкоголя, с лицом кретина в третьем поколении и характером донельзя избалованного домашнего кота. На степь он таранился с таким видом, будто его только что за шкуру вырвали из теплого мирка, где он валялся с утра до вечера на мягком коврик у очага и ленивым мяуканьем кланчил сметану.

— Я бы скорее поверил, что они жених и невеста, собравшиеся к алтарю, чем охотники, преследующие технотварей, — сквозь зубы процедил Либерий.

Цапий скривился:

— Других у нас нет. К тому же, как все горцы, они нечисты перед Богом, а потому и относиться к ним следует строже. Ты же не хочешь, чтобы это пепелище осматривали наши братья, мараясь об яд?

Либерий покачал головой:

— Пусть эти пьяницы сами травятся древней пакостью.

— Яд не древнее прошедшей ночи.

— Вы знаете, что я имел в виду.

Хрюк, подойдя, первым делом шумно очистил левую ноздрю с помощью зажатой правой и резкого выдоха, после чего гнусавым голосом прирожденного вруна доложил:

— Там ничего не осталось. Все погорело или раскидано. И еще кислотой несет, будто капуста в кадке подгнила.

— Тела или следы? Вы нашли что-нибудь? — раздраженно уточнил Цапий.

— Ничего там нет, хотя мы сильно не смотрели. Боязно, и кислота такая едкая, что в носу свербит нестерпимо. Но за лагерем вроде след есть.

— Вроде?

— Ну тут дело такое... Похоже, будто на лыжах кто-то прошел. А может, и не на лыжах. Уж больно неуклюже шел. Будто падал через шаг. А еще снега столько намело, что не понять толком.

— Но это точно след человека?

Охотник пожал плечами:

— Сколько живу, не видел, чтобы дичь такой оставляла. Да и не слышал. Поговаривают, что за Подонцом встречаются твари вообще ни на что не похожие, ликом пострашнее тещи Техно и падкие до человечинки, ну так до него отсюда путь неблизкий.

Либерий, быстро обдумав полученную информацию, озвучил свой вывод:

— Этот след появился не раньше ночи. Будь иначе, его бы совсем замело.

— Похоже, так, — кивнул Хрюк, искренне считая, что его мнение безумно интересно всем присутствующим.

Скривившись брезгливее, чем прежде, Цапий указал в сторону лагеря:

— Сходите, хорошо осмотрите эти следы. Изучите их хотя бы на тысячу шагов.

— Тысяча — это сколько? — не понял Ренатий, или, что скорее, пытаюсь затянуть время, чтобы увильнуть от работы.

— Хрюк тебе объяснит. Идите.

Подождав, когда охотники удалятся, Цапий обернулся к Либерию:

— У нас заканчивается продовольствие. Надо возвращаться.

— Возвращаться?! Да это наверняка следы технотварей. Или хотя бы тех, кто что-то о них

знает. Ведь все это, — Либерий указал на пепелище, — их рук дело.

— У нас нет продовольствия. Я не могу рисковать воинством Церкви. Лошади падают одна за другой, скоро нам придется нести амуницию и оружие на плечах, а затем и сами начнем умирать. Слишком тяжел оказался путь, пора разворачиваться.

— Те, кто оставили след, опережают нас на часы. Если не жалеть сил, быстро их догоним.

— Они тоже могут не жалеть сил. От лошадей по такому снегу толку мало. Даже эти пьяницы на лыжах могут ходить быстрее любого из нас. А если эти люди такие же умелые? Нет, брат, хоть и обидно останавливаться, но я команду возвращение.

— По возвращении я буду вынужден доложить иерархам о вашем малодушии! — в бешенстве, помноженном на отчаяние, выдал Либерий. — Мы ведь несколько месяцев потеряли на поиски древней скверны. Нам пришлось использовать невосполнимую силу артефактов, чтобы сломить горцев, шесть наших братьев потеряли, я уж не говорю о павших в битвах летом и по осени. И теперь уходить?

Цапий, тоскливо уставившись на юг, еле слышно произнес:

— Сколько ни идем, они нас постоянно опережают. Смирись, брат. Мы просто не рассчитали своих сил.

— Но мы пока не голодаем.

— Однако рационы сокращены, а это плохо — слабеем.

— Можно поискать дичь.

— Здесь ее нет. Лишь зайцы да лисы, и куда реже что-то стоящее. Даже сволки на зиму отсюда уходят. Мы только потеряем силы и время ради этих крох.

— В горах дичи было больше, по пути назад будем ее добывать.

— Она разбегается от нашего воинства. Слишком нас много. Сотню еще как-нибудь можно прокормить дичью, но две тысячи никак.

Слова Цапия навели Либерия на другую мысль:

— А что, если разделить отряд? Большая часть вернется, а остальные продолжат погоню.

— И в чем смысл?

— Тех, кто пойдет по следу, надо будет обеспечить продовольствием за счет основных сил.

— То есть отдать все? И как же они будут возвращаться? В зимнем походе достаточно два-три дня не поесть, чтобы свалиться от усталости.

— Будут есть лошадей.

— Которые сами падают с такой скоростью, что скоро ни одной не останется.

— Брат. Достаточно сотни воинов — это не так много.

- Даже двух тысяч может не хватить для битвы.
- Я бился с этими древними, не такие уж они и сильные оказались.
- Скорее странные. К тому же слабыми их тоже не назвать: вы их не победили, и потери оказались большими.
- Им помогли горцы.
- Кто знает, что им поможет здесь, рядом с землями Тьмы?
- Полсотни воинов. Брат, всего полсотни воинов, и ты с чистой душой скажешь иерархам, что сделал все возможное.
- Гибель еще полсотни воинов мне будет трудно объяснить иерархам.
- Хорошо. Дай мне всего десяток. Это ведь так немного.
- Брат, тебе стоит померить свой пыл. Тебя уж точно никто не обвинит в ненадлежащей настойчивости. Это моя ответственность, и я сам буду держать ответ.
- Все знают, как я ненавижу этих тварей. Никто не поставит в вину, что меня оставили с малым отрядом в степи. Такое уже бывало, и я часто побеждал. Хотя бы пять братьев, только выбирать я их буду сам.
- Ты погибнешь...
- Здесь степь. Тварям не спрятаться. Мы выследим их и убьем. Они такие же смертные, как мы.
- В том-то и дело, что мы смертные, а смерть здесь повсюду.
- У нас арбалеты. Плененная древняя сказала, что главная тварь лишилась своего самого сильного оружия. То, что осталось, не так опасно. Мы расстреляем их издали. Тем более если ты отпустишь со мной брата Легду.
- Легда? Гм... Он, пожалуй, в степи не промахнется.
- Он нигде не промахнется. Даже с выколотыми глазами. Еще хотелось бы взять братьев Дония и Герена, они тоже хороши с арбалетами. И хорошо бы еще Нукнеция взять. Он один из немногих, кто владеет луком неплохо, а иногда это оружие очень кстати.
- Легда, Доний, Герен и Нукнеций... Четверо. Кто пятый?
- Пятым пойду я.
- Так ты и себя включил в эту пятерку?
- Я простой брат, не буду же считать себя отдельно?
- Да уж, в гордыне тебя не упрекнешь... Либерий, подумай еще раз. Ты нужен церкви, стоит ли рисковать так из-за каких-то тварей? Мы все равно их достанем, рано или поздно.
- Технотварям нельзя давать время. Ты же знаешь, что из этого может получиться.

— Да, знаю. Но эти до сих пор ничего значительного не совершили. Их поведение не выглядит опасным. Даже убивали они, лишь защищаясь.

— Это так, но и сложа руки твари не сидят. Вспомни ту муть, что они оставляли в реках.

— Золотоискатели поступают так же.

— Но они искали не золото. Вспомни слова пленницы. Они добывали ингредиенты для темных дел. И у них есть древние вещи от проклятых запов. Наш долг убить их, пока они не набрали силу. Взгляни на дело их рук. Уже сейчас они могут такое, а что будет дальше?

— Ты думаешь, что это их рук дело?

— А кто еще, по-твоему, станет громить этот заброшенный поселок? Твари заметили погоню и решили замести следы. Раз они так поступили, значит, боятся нас. И что? Отпускать их в такой момент?

— Если они, заметая следы, такое устраивают, то почему бы не сделать такое с нашим войском?

— Раз не сделали, значит, не могут.

— Почему?

— Откуда мне знать? Может, это оружие трудно применять. Это странные твари. Я их изучил больше, чем кто бы то ни было, и чем дальше, тем больше их не понимаю. Раз я знаю их лучше всех, то должен делать то, что делаю, до конца. Не надо меня останавливать — это неправильно.

— Хорошо, я больше не буду спорить. Ты сам все решил. Я даже дам тебе этих пьяниц в проводники, может, подсобят чем, хотя сильно сомневаюсь. И не забывай, что ты теперь в ответе не только за свою жизнь, но и за жизни братьев. И за души их тоже. Вспомни об этом, когда станет особенно трудно. Богом заклинаю: в этот момент развернись, не задумываясь, как делаю это сейчас я, не доводя до крайности. И еще: ты останешься без артефактов. Даже ока, чтобы следить за криками тварей, у тебя не будет. Твари сильнее тебя, не забывай об этом перед тем, как решишь их атаковать.

— Я не забуду твои слова, брат Цапий. А теперь позволь мне собрать отряд и позаботиться о продовольствии для него.

* * *

В очередной раз завалившись набок, Влад уже привычно извернулся, чтобы встретить корку наста спиной, благо свободное крепление лыж это позволяло. Падение вышло удачным: сломанную руку не потревожил, перед глазами не потемнело, и даже тошнота не навалилась. Вряд ли можно сказать, что пошел на поправку, но прогресс налицо. Это не то, что в первые разы, когда орал, будто лайнер на взлете, от неопишуемого ощущения трущихся друг о дружку фрагментов сломанной кости.

Сколько он прошел? Двадцать километров? Десять? Вряд ли больше. И что самое скверное, он представления не имеет, куда именно шагает. Похоже, на восток, но разве можно быть в этом уверенным? Очень сомнительно, что к вечеру он доберется до вожденной Серой скалы. Во-первых — слишком далеко для калеки; во-вторых — скорее он, ткнув пальцем в стог сена,

наколется о единственную спрятанную там иглу, чем наткнется на это место. Скалы как таковой там нет, так же как прочих заметных издали ориентиров. Несколько выходов камней на склонах овражка. Зато под каменным козырьком имеется небольшой грот, где они с Давидом в охотничьих походах оборудовали неплохое логово с травяными лежаками и запасами хвороста на случай непогоды.

Даже будь там ориентиры, он вряд ли их разглядит в нынешнем состоянии. Единственный работоспособный глаз слишком далек от того, что принято называть «норма». Изображение расплывалось, всматриваться вдаль было больно до слез. Голос в голове непрерывно настаивал на немедленном и продолжительном отдыхе, но Влад не мог себе это позволить. Он уже потерял Давида и заработал кучу неприятностей из-за того, что легкомысленно отнесся к советам Космоса. Больше такого не повторится. Будет улепетывать, сломя голову, до полного истощения сил.

Кстати, насчет истощения: похоже, оно уже не за горой. Подниматься было ой как непросто, да и не хотелось. Полежать бы...

Нельзя. Надо идти. Куда угодно, лишь бы подальше от выжженного лагеря.

Проклятое Солнце даже не думает показаться, а ведь оно нужно, как никогда. Сейчас бы сориентироваться. Если он не найдет Серую скалу, то скоро свалится прямо в снегу, и вряд ли это прибавит ему здоровья.

Пройдя не более пары десятков шагов, Влад завалился вновь. На этот раз не столь удачно: не сдержавшись, заорал от боли, сам не услышав свой крик. Неуклюже заворочался в снегу, ломая тонкую корку наста, с натугой поднялся, двинулся было дальше, но зрение подвело окончательно: не заметив, что перед ним молодой овражек с крутыми склонами, покатился вниз, теряя палки, лыжи, вещмешок.

Приземление было столь болезненным, что сознание вышибло мгновенно, будто свет выключили.

Наконец-то голос в голове заткнулся. Влад отдыхал.

Глава 5

Проснулся он от холода и непонятной суеты вокруг его недвижимого тела. Отчетливо слышался хруст снега под чьими-то шагами, кто-то громко сопел простуженным носом, чем-то шуршали. Радоваться возвращению слуха Влад не стал и компании непонятной тоже не обрадовался. Враги это, друзья или дикие звери — неизвестно, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего ждать не следует.

Открыв глаза, Влад одновременно потянулся к поясу. Там длинный широкий нож и пистолет в глубоком кармане. Новые знакомства в таких условиях рекомендуется завязывать с оружием в руках.

Начав двигаться, Влад совершил сразу несколько открытий. Во-первых, провалялся он достаточно долго, потому как серость зимнего степного дня сменилась ярким солнечным утром. Во-вторых, добраться до оружия было проблематично из-за связанных рук. В-третьих, в поле зрения перетапывались два запа, деловито потроша его вещмешок.

То, что это не охотники и не какие-нибудь бродяги, можно было понять по характерной одежде. Небрежно сшитые друг с дружкой небольшие куски шкур самых разных животных. Где

еще увидишь в одном изделии лису, оленя и куницу? Выглядит уродливо, но среди зарослей неплохо маскирует, делая фигуру носителя бесформенной и неоднородной.

С запями подружиться точно не получится, и потому Влад, невзирая на вспыхнувшую боль, продолжал тянуться к карману. Даже связанные руки не помешают ему разделаться с врагами, дай только добраться до пистолета.

До пистолета он добрался и даже успел его вытащить. На этом везение закончилось. Возня привлекла ближайшего запа, и тот небрежным ударом древком копыя выбил оружие из рук. Не обращая более на Влада внимания, нагнулся, поднял трофей, рассмотрел со всех сторон, равнодушно отбросил куда-то за поле зрения.

Влад, все еще не осознав, во что вляпался, подумал, что стоит запомнить, куда этот клинический идиот выбросил пистолет. Потом, когда разделается с ним и его товарищем, обязательно подберет. Ишь, мажор выискался, таким ценным оружием разбрасывается.

— Обнаружены боевые метаморфы. Количество: четыре особи. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситуация: захват в плен во время сна. Ситуационная рекомендация: разрабатывается.

Поздно шиза предупредила. И почему четыре?

Обернувшись, он не увидел место падения пистолета, зато увидел еще двоих запов. Стоя во весь рост на краю оврага, они лениво тарачились на Влада. В их взглядах не было ни угрозы, ни злорадства. И вообще никаких чувств. Разве что легкая усталость, да и то вряд ли — скорее всего, кажется.

— Четырнадцать сто сорок два, что ты выбросил? — неожиданно спросил тот, который стоял слева, обыденным голосом, будто нормальный человек.

— Железяка непонятная. На вид древняя вещь, такие сейчас не делают, — ответил тот, который не позарился на пистолет. — Вест хотел в меня им бросить.

— Похоже, наш пленник собирает старое железо. Странно, обычно они начинают этим заниматься с приходом тепла.

— Случается, и зимой ходят.

— Да. Бывает. Четырнадцать сто сорок два, ты надежно его связал? Он выглядит сильным.

— Надежно.

— Четырнадцать сто сорок два и двести четыре семьсот восемь: поднимите его на ноги.

Влад на протяжении диалога успел убедиться, что ножны с ножом отсутствуют. Второй нож, за голенищем, тоже пропал. Видимо, его успели обыскать, а пистолет или не заметили, или не сочли угрожающим предметом.

Запы, перестав возиться с его мешком, подошли, грубо вздернули, поставив на ноги. Он не сопротивлялся. Да и как сопротивляться со связанными руками, стоя чуть ли не по пояс в снегу? Мигом копьем заработаешь, и хорошо, если древком.

Зап, задававший вопросы, уставился на Влада долгим сверлящим взглядом и примерно после

минуты молчания вынес вердикт:

— Высокий, крепкий, но заметно, что много перенес. Вест, ты в порядке? Болезни, травмы? Что с твоей рукой, почему бережешь?

Влад не сразу понял, что обращаются к нему, но ему подсказали, сзади заехав по почкам. Толстая кожаная одежда смягчила удар, но все равно приятного мало.

Мысленно пообещав, что прикончит этих гадов с максимальной жестокостью, сквозь губы процедил:

— Я упал. Ушиб руку. Но скоро поправлюсь.

Он сам не знал, зачем скрывает перелом. Скорее всего, подсознательно опасался, что могут попросту прикончить, чтобы не возиться с покалеченным.

— Почему у тебя следы огня на одежде?

— Была холодная ночь, я во сне закатился в костер.

— Я вижу, ты от скуки не умрешь. Приключение за приключением.

— Ага, я такой.

— Что ты делаешь здесь?

— Да хотел металла насобирать старого. Заказ у меня от лучшего кузнеца Новограда. Тот очень хорошо платит, — Влад постепенно вытягивался во вранье, делая его все более красочным и насыщенным деталями.

— Искатели не ходят в одиночку.

— А я вот хожу, мне так привычнее. При большой толпе удача малая.

Да какая, к чертям, удача! Вот уж свезло так свезло!

Зап, не придираясь к словам, продолжал допрос:

— Как давно ты ушел из Новограда?

— Да еще в начале зимы. Никак не могу до нормальных руин добраться, все на ваших натыкаюсь. Ни разу меня не заметили, но приходилось разворачиваться. Потом заболел по морозу, долго отлеживался в пещере у Серой скалы.

— Ты говоришь о месте, в котором охотники используют пещеру для укрытия от непогоды?

Подивившись осведомленности запа, Влад кивнул.

— Где твои остальные вещи?

— Какие вещи?

— Каким образом ты собирался уносить добычу? Лошадь? Сани?

— Да зачем? Зима ведь, волокуша по снегу хорошо идет.

- Два триста тридцать шесть, у него в мешке копирующее устройство.
- Вест, где ты его взял?
- Нашел в степи, вместе с той железякой, которую в снег выбросили.
- Искатели не собирают такие предметы. Это запрещено церковными властями.
- Да мы, искатели, плевали на церковь с высокой высоты. Хотел разобрать эту штуку, может, там внутри металл хороший найдется.
- Четырнадцать сто сорок два, что еще у него нашлось?
- Мясо, немного мелких металлических предметов, два ножа, наконечники для стрел.
- Четырнадцать сто сорок два, расстегни его верхнюю одежду.

Зап ловко расправился с ременными завязками шубы, распахнул ее настолько, насколько позволяли связанные руки, произнес непонятное:

- Два триста тридцать шесть, он одет не так, как те. Ничего черного.
- Ты прав. Вероятно, он не обманывает. Солдаты церкви не боятся трогать старые вещи, им это не запрещается, но он не похож на них. Заберем его с собой. Вест, ты должен идти быстро, иначе мы будем причинять тебе боль. Или убьем, если потеряешь силы. Ты понимаешь?

Влад кивнул, что уж тут непонятного. Умереть он всегда успеет.

* * *

Вопреки ожиданиям, идти оказалось не так уж трудно. Запы все были мужиками крепкими, но ему в компании серьезно уступали. А когда шагаешь по глубокому снегу, длина ног — немаловажный фактор. Иногда быть великаном очень выгодно. К тому же одно дело двигаться по целине, а другое по натоптанным следам. Тропа не тропа, но натоптали здесь уже прилично.

Жаль, что эти уроды лыжи забрали. Он бы от них и со связанными руками ушел. Лука ни у одного не имеется, хрен бы догнали на своих двоих. Хотя, с другой стороны, сматываться надо не торопясь. Не факт, что он сумеет найти выброшенный пистолет, зато в копире, что запы тащат трофеем, есть все данные по оружию. Достаточно загрузить его железом и прочими элементами в нужных пропорциях, чтобы получить копию утраченного оружия. Так что уходить надо не с пустыми руками.

Строя планы побега, Влад не забывал запоминать дорогу и изучать своих пленителей. Насчет дороги быстро понял, что стоит пойти снегу, и назад путь не найдет. Степь как степь, совершенно одинаковая, куда ни глянь. Пытаться запоминать кусты — дурная затея для горожанина, они столь же отвратительно одинаковые. С пленителями тоже все скучно: одинаковая «лоскутная» одежда, одинаковые копыя в руках, топорики и короткие мечи на поясах. Или это следует называть длинными кинжалами? Заметно, что гады уставшие, давно бродят. Даже промытые мозги не мешают их телам терять силы.

Идти пришлось долго, причем без привалов. Голова иногда кружилась, терял равновесие, оступался, да и рука побаливала, но в целом самочувствие было приличным. Даже глаз начал

работать, причем Влад не сразу осознал это. Ночью двигался, не открывая его, а сейчас, как раскрыл пробудившись, так и не понял, что с глазом полный порядок.

Хотя муть какая-то осталась, будто через пластиковую пленку смотрит. Остается надеяться, что это временно.

Около полудня впереди показалась вереница человеческих фигурок. Влад было приободрился, надеясь, что запы нарвались на неприятности, но, приблизившись, понял, что если у кого и прибавилось неприятностей, так это у него. Встреченные оказались все теми же запями, в количестве аж двадцати трех штук. Так много в одном месте ему еще ни разу видеть не приходилось.

Тот, что задавал вопросы, пошел им навстречу, о чем-то начал разговаривать. А Влад уныло смотрел себе под ноги, понимая, что теперь уйти будет гораздо труднее. Мало того, что такая толпа, так еще и луки у некоторых имеются.

Луки его шкура не любила. Уж больно нехорошие воспоминания с ними связаны.

Совещались запы недолго — всей толпой подошли, а затем, вот уж странно, проследовали мимо, не обращая внимания на пленника. С Владом остался лишь тот, который спрашивал, и второй, который постоянно отвечал.

Пленник приободрился — с двумя справиться проще, чем с четырьмя.

Охранники долго стояли, провожая взглядам уходящую по их следам толпу, затем «спрашивающий», очевидно подвизавшийся у врагов не на последних ролях, коротко проинструктировал пленника:

— Сейчас будем идти без привалов. Если свалишься от усталости, уьем; если хоть шаг в сторону сделаешь или начнешь хитрить с веревками, уьем.

Второй добавил:

— И не бойся. Ты сильный, если будешь послушным, то никто тебе ничего не сделает. С нами будет получше, чем одному. Да и без опаски сможешь бродить по развалинам, раз уж своим станешь. Руины лучше нас никто не знает. Так ведь, Атль?

Старший, к которому впервые за все время обратились не по номеру, скривился:

— Мы в походе, а не в селении возле баб. Обращайся, как положено.

— Прости, два триста тридцать шесть.

— Не забывай правила, даже когда мы одни. Пора идти, а то до вечера не успеем добраться.

* * *

Пращуры, захлебнувшись в собственной порочности, прихватили в свои могилы почти все знания о минувших эпохах. Люди, чудом пережив ими же вызванный катаклизм, ужаснулись содеянному и прокляли все, что было связано с деяниями последних лет. И себя заодно, раз уж они столь грешны, что едва не убили свой мир.

По отдельным крупцам знаний можно было сделать вывод, что катаклизм был далеко не первый. Даже название первого сохранилось: Апокалипсис. Что оно обозначало, никто точно

не знал, да и какая теперь разница. Главное, чтобы было понятно всем: ни Апокалипсис, ни последующие катастрофы не стояли и рядом с последней. Той, что едва не погубила мир окончательно.

Отсюда следовал вывод: совсем уж древние пращуры были не столь греховны, как те, которые едва не убили мир. И отсюда же возникла тяга ко всему по-настоящему древнему, почти полностью забытому. Естественно, это не касалось запрещенных вещей и понятий.

Считалось, что пращуры далеких эпох старались как можно больше работы выполнять собственными руками, не доверяя это животным и уж тем более механизмам. Некоторые церковные радикалы настаивали на запрете лошадей, ослов, ветряных мельниц и даже колодезных воротов. Это, конечно, было перебором. Достаточно, что в проклятые записали поганый единый язык, в течение нескольких десятков лет обучив всех выживших древнему наречию, образцы которого обнаружили в Цитадели. Ради этого Иерархия пошла даже на временное разрешение использовать машины для воспроизводства звуков и изображений, которые хранились там же.

Некоторым небогобоязненным людям идея расстаться с привычным языком не понравилась настолько, что они стали устраивать бунты. Доходило даже до большой крови. Человечество только-только начало выкарабкиваться из жестокой дикости первых лет после катаклизма и, чтобы не допустить возврата к ней, Иерархия выдала следующее временное разрешение. На этот раз дозволив своим лучшим воинам применить древнее оружие, также хранившееся в Цитадели.

А когда с бунтовщиками было покончено, отменять разрешение никто не стал.

Либерий считал, что в этом вопросе Иерархия, безусловно, права. Но вот насчет языка имелись затаенные сомнения. Один из братьев-хранителей, древний настолько, что сама смерть, очевидно, о нем забыла. Ничем другим не объяснить, почему этот годами не показывающийся из сырого подвала старик до сих пор не испустил дух. Вот он и рассказал Либерию, что его имя на проклятом языке означает Свободный. А может быть, любящий свободу или просто Свобода. Что-то эдакое...

Возможно, старик врал или заблуждался из-за давно назревших проблем с адекватным восприятием окружающей действительности. Откуда он мог знать слова забытого языка? Или не забытого? Может быть, хранители его оберегали наряду с древней техникой, не раз выручавшей Церковь в трудные времена? В любом случае Либерию нравилось то, что его имя ассоциируется со свободой. Очень уж подходило к характеру.

Он не любил смрад тесных городов, зато радовался, как ребенок, когда военная служба проходила в лесах, степях и горах. Не крови и смерти, конечно, радовался, а ощущению вольного простора, какое ни разу не посещало его среди стен человеческих поселений. Хорошая черта характера для защитника Святой Церкви. Он был огорчен, когда его отозвали с западной границы, повысив в сане. К чему ему все эти привилегии, если платить придется проповедями перед толпами глупцов и маранием бумаг в пыльных канцеляриях?

— Я должен сказать этим древним спасибо... — пробурчал он себе под нос на ходу.

— Что вы сказали? — изумленно обернувшись, уточнил болтун Нукнеций.

— Я сказал, что древние оказали мне услугу, так вовремя появившись. Не будь их, я бы сейчас торчал в Цитадели, вычищая плесень из ушей.

— Да, брат Либерий, я вас понимаю. Нет ничего хуже для воина, чем такое времяпрепровождение. Хотя на старости лет, конечно, можно и послужить Церкви на другом поприще.

— И ты много видел воинов, встретивших спокойную старость? — насмешливо спросил Легда.

— Ты вот точно встретишь, — ответил на это Нукнеций.

— Это почему же?

— Велика ли опасность убивать врага с расстояния, на котором он тебе даже ничего сделать не может? Мне с моим луком, возможно, и полегче, чем мечнику, но не сказать, чтобы очень уж намного.

— Ну так научись стрелять, как я.

— Тебе легко говорить...

Стрелять, как Легда, не умел никто. Его арбалет был больше похож на перекладину для виселицы, чем на честное оружие. Той ее разновидности, на которой сразу двоих подвешивать можно. И размерами мало уступал. Вводился он длительным вращением механизма с бронзовыми шестернями при помощи хитро пристраиваемого рычага, а для выстрела его приходилось устанавливать на двойные сошки. Отдача была такова, что при неправильной установке оружие могло опрокинуть стреляющего. Болт, выпущенный с немислимой скоростью, насквозь пробивал мишень из листового железа на расстояниях, куда обычный стрелок даже добросить стрелу не мог, не говоря уже о прицельности и убойности.

По слухам, князька с востока, возомнившего о себе слишком много, приказал убить не его жадный до власти пасынок, а один из иерархов. Церкви междоусобицы не нужны, а затевать поход в лабиринт болот — дело хлопотное, вот и ограничились посылкой одного-единственного воина. Тот подкараулил цель, выпустил болт из своего тяжелого оружия и ушел никем не замеченный.

А если и заметили, то гнаться не стали бы. Пасынок, небось, до сих пор спасибо неведомому убийце не устает говорить утром, в обед и вечером.

Очень жаль, что Легды не было в осеннем походе. Там, в горах, его арбалет был бы незаменим.

— Эй! Что со следами?! — крикнул Либерий.

Не столько ради следов крикнул, а чтобы горе-следопыты не расслаблялись.

— Да на месте следы, никто их не украл, — недовольно ответил Ренатий.

— Их стало больше, — добавил Хрюк.

— Больше? — насторожился Либерий.

— Ну да. Похоже, ждал их кто-то вон там, в низинке. Сейчас туда спустимся. Видите, как натоптано? И дальше уже хорошая колея в снегу пошла. Такую один или два человека не проделают. Да сами гляньте.

Проводник был прав. В истоке степного овражка снег был утоптан на приличной площади. Набитая тропа, ведущая дальше, Либерию очень не понравилась:

— Тут прошло не меньше семи-восьми человек.

— Меньше, — возразил Нукнеций. — Часть из них туда-сюда дважды сходил, вот и кажется, что больше.

— Я это и хотел сказать, но все равно не меньше трех-четыре выходит.

— Нас семеро, должны справиться.

— У меня плохое ощущение, — неожиданно заявил Легда.

Все непонимающе обернулись к нему, и он нехотя пояснил:

— Кажется, будто смотрит на меня кто-то. А кто, не пойму. Но это чувство выручало уже не раз. Бывает, сидишь в засаде, и вот оно подкатывает. Сразу снимаюсь, не раздумывая, и потом обычно оказывается, что правильно сделал.

К словам Легды, какими бы странными они ни были, стоило прислушиваться, да и у самого Либерия мысли нехорошие витали. Но озвучивать их он не стал:

— Брат, но степь здесь ровная. Ни холмов, ни скал, ни деревьев высоких. За нами тяжело наблюдать.

— И все же я чувствую чужой взгляд. Будто за нами все время кто-то следит. Простите, братья. Наверное, просто устал. Поход слишком долгий выдался, да и должен признаться, что не по себе мне здесь с таким малым отрядом.

— Запы редко забираются севернее Подонца.

— Зато если забираются, то кладбищенские работнички за неделю состояние зарабатывают, — буркнул Хрюк, настороженно оглядываясь по сторонам. — Пацаном я едва не попал к ним. Поход тогда проклятые затеяли. Говорят, тысяча воинов пришла, много деревень тогда разорили.

— Войско запов мы разглядим издали. Если за нами и следят, то не они.

— Да устал я просто, — опять заявил Легда.

— Разделимся, — решил Либерий. — Хрюк и Ренатий пойдут впереди. Если что-то заметят опасное, развернутся к нам, и всей толпой врагов встретим. Если заметят древних, тоже пусть к нам пойдут или подождут на месте. Ты, Легда, пойдешь за нами в сотне шагов. Если дойдет до боя, то издали помогай нам. От твоего арбалета проку много. Все будем смотреть по сторонам. Замечайте все подозрительное: кусты, в которых, похоже, кто-то укрылся, следы на снегу.

— А если и правда впереди запы окажутся, причем много? — опасно уточнил Хрюк.

— Если так, то развернемся назад. Бросим все, без чего сможем обойтись пару дней, пойдём, не устраивая привалы, без лошадей им нас не догнать. Да и какие лошади по такому снегу? Так и приведем к войску, где их втопчут в степь. А если догоним древних, дождемся, когда они остановятся на ночлег, подкрадемся и перестреляем. Может, и живым кого возьмем. Посмотрим.

— А если запов будет мало?

— Если мало, то перебьем их и пойдем дальше. Не трусь, охотник, плохих воинов среди нас нет.

* * *

Запы напали спустя примерно три часа.

Как назло, за это время ничего подозрительного не заметили (если не считать угрюмой физиономии Легды). Человек не может все время ожидать опасности и, если спокойный период затягивается, неизбежно расслабляется. Пару раз проходили через сильно заросшие овраги, и Либерий поневоле напрягался, ожидая, что именно здесь они наткнутся на неведомых наблюдателей. Но если не считать пары поднятых перепелок, никого так и не встретили.

Запы устроили засаду на берегу безымянной речушки, коих здесь встречалось немало, и все без исключения влекли свои воды к Подонцу. Течение обычно ленивое, что для степи неудивительно, берега нередко на много десятков метров поросли камышом и тростником, да так густо, что дальше собственного носа там ничего не разглядишь.

Вот в такие заросли и завела погоня отряд Либерия. Он, конечно, напрягся, но не сказать, чтобы сильно. Впереди, в пределах слышимости, топают охотнички. Пусть и мало от них толку, но глаза у обоих имеются, и если что увидят, то хотя бы крикнуть успеют. Потому и послал таких первыми, что не жалко потерять.

А увидят неладное, если такое подвернется, они обязательно. Пусть и недотепы, но следы читают быстро, а устроить засаду по снегу, и не натоптав, вряд ли получится.

Когда впереди затрещали сухие стебли тростника и на узкую толпу повалили фигуры в одеяниях из разномастных кусков шкур, Либерий не стал удивляться или паниковать, а просто потянул из ножен меч, крикнув:

— Прикрываем Нукнеция!

Приказ, в общем-то, спорный. Одно дело на открытой местности оберегать лучника, чтобы никто не мешал ему опустошать колчан, другое здесь, когда его оружие малополезно. Но в бою самое главное — поддерживать порядок. Пусть хоть какой-нибудь, но он должен быть.

Воины теперь знали, где центр их построения. Доний, сорвав из-за спины щит, приготовился встречать первых, Герен шагнул назад, прикрывая тылы. Помимо боевого топора у него имелось копьё, что могло пригодиться, если придется работать из-за спин товарищей.

Оно ему пригодилось практически сразу, потому что позади на тропу вывалила еще одна группа врагов. Первый тут же получил наконечник в грудь и с тонким криком упал, крепко ухватившись за древко убитого его оружия. Герен потерял всего лишь миг, пытаясь освободить копьё из захвата, но в бою этого бывает достаточно для проигрыша. Один из запов растянулся в длинном выпаде, едва не распластавшись по земле, вонзил острие копья в пах воину, зарылся в снег коленями, не удержав равновесие. Самоубийственный шаг, выдающий неопытного бойца, но именно такие, не думающие о защите и плохо понимающие, что делают, зачастую достают матерых, многоопытных противников. Тех как раз и подводит опыт, не ожидают такой глупости.

Герен не закричал — завыл, неуклюже попятился, оступился, рухнул боком, смяв стеной стоявший сухой тростник. Либерий, шагнув на его место, обрушил на отчаянного копейщика один из своих коронных ударов. Длинный меч отделил руку от тела с куском плеча. Зап, уже

было поднявшийся, рухнул в окровавленный снег. Добывать его никто не стал. Пусть барахтается под ногами, мешая своим товарищам. Да и не жилец он.

Либерий не видел, как Доний поразил в живот одного из своих противников, потому что на них сразу навалились всерьез. По обе стороны от тропы шумно затрещал тростник, сминаемый десятками тел. Еще не осознав, что происходит, командир отряда инстинктивно заорал:

— Все назад! Из зарослей! Бегом!

В таких дебрях нечего и мечтать отбиться от превосходящего по силе противника. И вообще, плохо, что, готовясь к погоне, он сделал ставку на тех, кто хорошо обращается с дальнобойным оружием. Пара хороших мечников, или пусть даже один, сейчас были бы кстати.

Вырваться из зарослей можно было, лишь пройдя через тройку противников. Не раздумывая, Либерий прошелся по спине искалеченного запа, наручем отбил выпад копья, от второго уклонился и, стремительно сократив дистанцию, в длинном выпаде дотянулся мечом до шеи первого противника. С хрустом провернув лезвие в ране, продолжая двигаться всем телом, толкнул второго, да так ловко, что тот налетел на замешкавшегося третьего. Оба не удержались на ногах, а Либерий, не останавливаясь, полоснул их, не глядя, будто стараясь прочертить по их телам длинную линию. От такого, может, и не умрут, но крови вытечет изрядно, а на более серьезные дела нет времени.

Все — он вырвался. Неизвестно, что будет дальше, но камыши остались за спиной. Впереди расстилается ненавистно белая степь, в сотне шагов Легда спешно крутит механизм своего страшного оружия, по шуму догадавшись о происходящем.

Резко развернувшись, Либерий увидел, что следом из тростника выбирается Нукнеций. И все... Спрашивать его, куда подевались остальные, некогда, да и не помочь им ничем. А уж Герену тем более...

Запов было столько, что на тропе их поток не помещался, выплескивался из берегов, с тростниковым треском нагоняя воинов церкви. Либерий, перехватив рукоять меча обеими руками, встал наготове для мощного бокового удара и провел его безукоризненно, встречая самых прытких. Острое лезвие, почти не замедлившись, снесло голову одному и кончиком распорол плечо другого. Третьего, споткнувшегося о заваливающееся тело, Либерий угостил коленом в лицо, пытаясь толкнуть на остальных. Но неудачно. Тот, отброшенный назад, устоял на ногах и даже попытался размахнуться топором. Но на этом его жизнь закончилась. Арбалет Легды наконец вступил в бой. Болт, насквозь пройдя через грудь врага, достал еще одного, за его спиной.

Дальше Либерию пришлось пятиться, торопливо отбиваясь от ударов нескольких копий. Нечего было и думать атаковать их владельцев.

— Нукнеций! Беги к Легде! Бейте их оттуда! — орал Либерий, прекрасно понимая, что никого бить у них не получится.

Единственно, на что можно было рассчитывать, так это на бегство. И то лишь если Либерий хоть на минуту задержит эту ораву. Себя он не обманывал: ему-то уж точно придется остаться.

Не иначе как сам Техно подготовил эту засаду, иначе откуда его слуги могли узнать о том, что воины ордена пройдут именно здесь? Тщательно готовились, заходя в тростник с другого берега, чтобы не выдать себя следами. Как будто и впрямь наблюдали невидимым глазом.

Отступал он спиной вперед, продолжая отбивать удары копий, при этом стараясь двигаться как можно быстрее, потому что многие запы прыгали с проторенной тропы в снег, пытаясь обойти его с боков. Если они это проделают, ему конец. Очень удачно, что снега здесь по пояс намело, и сильно в нем не разбежишься. Но бесконечно это длиться не может.

Достать врагов у него не получалось, лишь древко одного копья сумел перерубить, что дало ему секундную передышку. Коротко обернувшись, он понял, почему Легда больше не стреляет. Брат попросту убежал напрямик в степь, не забыв прихватить свой чудовищный арбалет. Так и тащил его с торчащими сошками, перебросив через плечо. Хоть и обидно, что остался без прикрытия, Либерий его действия одобрил. Если сможет выдержать хороший темп, имеет шанс оторваться. К тому же самых притких преследователей сможет безнаказанно расстреливать издали.

Нет — этот точно спасется.

Некоторые запы, сойдя с тропы, начали браться за луки. Либерий еще больше ускорился, рискуя в любой момент рухнуть, запнувшись о невидимое препятствие. Ведь ему приходилось двигаться спиной вперед. Но стрелки его проигнорировали, что не странно — боялись задеть своих копейщиков.

Стрелы начали свистеть слева и справа, Нукнеций, уже прилично оторвавшийся, совершил ошибку. Развернувшись, он было собрался выстрелить в преследователей, но запы его опередили. Раненный в правую руку, он помчался дальше, заработав еще два попадания в спину, защищенную лишь одеждой.

Всего этого Либерий не видел. Подловив момент, когда два самых настырных копейщика одновременно сделали выпады, он, отбив рукой один удар и увернувшись от второго, шагнул навстречу врагам, оставшимся без прикрытия, и разрубил одному голову. Второй ушел от короткого режущего удара, третий топтался за его спиной, не в состоянии дотянуться до воина церкви из-за тела сообщника. Слишком узкая колея, вот и выстроились цепочкой.

Либерий небрежно отбил отчаянный выпад врага, растерявшегося от неожиданной контратаки и, наконец, достал его, проткнув брюхо. Третий все же сумел ударить, отведя руку в сторону для замаха, но лезвие, распоров полушубок, бессильно звякнуло о толстую пластину доспеха, специально для этого подставленную.левой рукой ухватив за древко, Либерий дернул его на себя, заставив противника податься вперед, как раз под опускающееся лезвие меча.

Вся схватка заняла секунды, но этого хватило тем, кто пытался обойти его с боков. Один зап с ходу швырнул сеть, и Либерий с большим трудом от нее увернулся. А затем пришлось отбиваться от подскочивших с другой стороны двух копейщиков. Причем ломиться нагло они не пожелали, остановившись на целине, атаковали его аккуратно, не давая захватить или повредить копьё. Просто удерживали его на одном месте, давая остальным возможность его окружить. Добраться до них — это значит шагнуть в глубокий снег, где он потеряет подвижность.

Понимая, что задерживаться нет смысла, Либерий, пользуясь тем, что самые приткие повержены, рванул что было силы вперед, уже не оглядываясь. Там, позади, чуть в стороне от тропы, метрах в трехстах на равнине бугрится крошечный холмик с россыпью валунов на вершине. А может, руины древние, сглаженные до неузнаваемости. Да без разницы что, главное, что там есть к чему прижаться спиной и, пользуясь крепостью передних пластин доспеха, продать жизнь подороже.

В спину ударила стрела, но, увязнув в полушубке и кольчужной сетке, прикрывающей тыл, кожу не попортила. Следующий выстрел запов был чуть удачнее — резануло мясо чуть выше колена. Затем, почти сразу ударило под шею с такой силой, что Либерий не удержался на ногах, припал к земле, опершись о выставленную левую руку. Тут же оттолкнулся пружиной, рванул дальше.

Нукнеций, бежавший далеко впереди, остановился, обессиленно рухнул на колени, обернулся, крикнул что-то непонятное. В следующий миг за спиной послышался нарастающий рокочущий звук, в поясницу что-то толкнуло, и вокруг нее начала закручиваться веревка с привязанными к концам камнями. На завершающих оборотах один заехал в почку, второй в живот. Потемнело в глазах, Либерий упал, тут же, невзирая на боль и дезориентацию, попытался вскочить, как раз под накрывающую его сеть.

Даже когда у него, отчаянно брыкающегося, выбили меч, он продолжал сопротивляться, ухитрившись заехать кому-то по голени сталью наруча и дотянуться до ножа. Больше он ничего не успел — удар по голове погрузил его в темноту.

Глава 6

Эти запы умели устраиваться в степи с комфортом. Когда Влада, наконец, привели в лагерь, он увидел не просто вытопанную площадку вокруг костра, а что-то вроде временного поселка. Дикари не поленились натаскать от ближайшей речушки сухих стеблей камыша и тростника, увязав их в пышные охапки, сложили что-то вроде шалашей, прикопав их снегом. В одном таком сооружении на глаз могло без труда поместиться до десятка человек, а всего их построили пять, что косвенно свидетельствовало о силе отряда.

Помимо шалашей из переплетенных стеблей тростника и кривых веток местных кустарников возвели невысокую ограду. Снег растает, она тут же развалится, но пока что может задержать оголодавшую стаю сволков, а человеку бесшумно ее не преодолеть.

В дальнем углу лагеря имелся круглый загон диаметром метров семь-восемь, вот к нему Влада и привели. Оттащили в сторону плетеную калитку, толкнули в спину, коротко проинструктировали:

— Не шуметь. Изгородь не трогать. Не драться и не отнимать еду у других, если покормят. Иначе убьем.

Внутри Влад обнаружил двух человек. Один, одетый в рвань, с покорными глазами идущей на заклание коровы, на миг поднял голову, чтобы тут же ее опустить, упершись взглядом в землю. Второй, в черной хламиде, напоминающей длиннополое черное пальто, посмотрел на запов с нескрываемой ненавистью, после чего указал рядом с собой:

— Присаживайся, добрый человек.

Влад не относил себя к добрякам, но от приглашения отказываться не стал. Ноги отваливались от усталости, а в снег задом плюхаться — последнее дело. В качестве лавки парочка использовала связку тростника. Не мягкий диван, но тоже неплохо.

Присев, Влад с наслаждением вытянул натруженные ноги и задал риторический вопрос:

— Вас тоже поймали?

— Да, — ответил одетый в «пальто». — Ты кто, добрый человек?

— Влад.

— А чем ты живешь, Влад?

— А ты чем?

— Разве ты не видишь? Я миш. Можешь звать меня Ретаил.

Про мишей Влад знал немного, хотя, оказавшись здесь, поначалу безуспешно пытался себя выдавать за одного из них. Вроде бы это что-то вроде помеси бродяги с религиозным фанатиком. Эдакие современные дервиши. [1]

— А я это... Искатель я. В основном металл древний ищу.

— Плохое у тебя занятие. Бог не одобряет добычу того, что осталось от проклятых предков. Тебя могут наказать за это даже при жизни. Да уже наказывают, ведь не просто так ты здесь оказался.

— Да? Так ты, получается, тоже древним металлом промышлял, если рядом со мной сидишь? Ну здравствуй, коллега.

— Никакой я тебе не коллега! Никогда рука миша не прикоснется к скверне!

— Но, по твоим словам, именно так получается.

— Не возводи напраслину на другого! Или язык у тебя от духа нечистого?! — Ретаил повысил голос.

— Ты бы чуть потише себя вел, а то ведь предупреждали не шуметь.

— Мне безразличны запреты от нечестивых, — гордо ответил на это миш еще более громким голосом.

Реакция часового была незамедлительной. Прямо сквозь ограду он ловко двинул древком копья разбушевавшегося Ретаила в грудь, отчего тот завалился на спину, но молчать не стал, а высказался еще громче:

— Сгинь в аду! Выродок жабы! Вонючая отрыжка Техно!

На этот раз часовой к экзекуции отнесся куда основательнее. Раскрыл калитку, шагнул внутрь, не меньше минуты дубасил все тем же древком копья разбушевавшегося узника по всему, что тот не успевал прикрыть. Решив, что наказание искупило провинность, молча вышел, всем своим видом демонстрируя удовлетворенное чувство выполненного долга.

Ретаил некоторое время валялся мешком с картошкой, затем зашевелился, охая и ахая, приподнялся, сел на прежнее место. Что-то пробормотал под нос, явно угрожающее, но на большее уже не решался.

— А ты кто такой? — обратился Влад к одетому в рванину, потому как с мишем было уже все понятно, да и не слишком хотелось продолжать общение.

— Отстань, — не поднимая голову, ответил пленник.

Пожав плечами, Влад расселся поудобнее, пытаясь придумать какой-нибудь план побега.

Желательно стопроцентно удачный. Но в голову не приходило ничего приличного. В лагере десятка полтора запов, все с оружием, а у него нет черного пояса по карате, левая рука плохо работает, да и общее состояние можно выразить одним коротким словом, причем неприличным.

От нечего делать он следил за жизнью лагеря, пытаясь точно установить численность запов. Это было трудно, потому как стены шалашей не стеклянные, и сколько их там может скрываться, можно лишь предполагать. Еще Влад провел ревизию карманов, но, кроме чудом не замеченных пленителями серебряной монетки и длинной швейной иглы в трубочке-футлярчике, ничего не нашел. Чтобы подкупить часового, этого вряд ли хватит, сделать самодельную бомбу приличной мощности не удастся, пулемет — тоже. А хорошо бы...

Около часа понаблюдав за врагами, Влад тоскливо вздохнул и, покосившись на притихших товарищей по несчастью, вновь начал шарить по карманам. Даже не столько надеясь найти что-нибудь еще, сколько убивая время.

Кто бы мог подумать, что в плену у боевых метаморфов может оказаться так скучно.

* * *

Запы вели себя тихо и однообразно. Большею частью сидели в шалашах, выходя оттуда ненадолго по нужде или потолкаться возле костра. Оживление там создавали не празднующиеся, а местный повар или дежурный по кухне. Он хлопотал над огромным котлом, судя по запаху, готовя варево из сушеного мяса. Прикидывая вес этой посуды, Влад предположил, что ее носят, как минимум, вдвоем, на шесте или другом приспособлении. Вроде мелочь, но по ней одной можно сделать вывод, что столь многолюдные походы для запов не диковинка, раз даже в таких незначительных деталях они к ним подготовлены.

И вообще, если раньше он их считал безмозглыми куклами с промытыми мозгами, то теперь убедился, что дикари не столь дики. Они активно общались друг с другом, смеялись над шутками, частенько ставили к огню маленькие котелки с водой и, вскипятив, уносили в шалаш. Не исключено, что приготавливали там напиток вроде чая. Оружие у всех до единого в полном порядке — лезвия копий можно было использовать вместо зеркал, настолько тщательно они отполированы и вычищены. Лишь одежда удивляла несуразностью — бесформенная пестрая хламида из хаотично сшитых кусков. Хотя, возможно, дело не в небрежности портных — маскироваться в зарослях в такой удобно, да и в сумерках или темноте очертания фигуры выходят размытыми, нестораживая дозорных противника. Так что, пожалуй, — это заповский аналог военной формы.

Один зап вообще потряс. Присев возле шалаша на такую же связку тростника, он около получаса с сосредоточенным видом изучал книжку. И явно не картинки разглядывал: читал, нахмуривая лоб, равномерно перелистывая страницы.

Интеллигент, мать его...

А еще Влад обратил внимание, что все запы-мужчины крепкие, высокие, возрастом не меньше двадцати и не более сорока пяти. Рядом с ним, конечно, малорослые, но он и в своем времени был куда выше среднего, а при местном обмельчании вообще казался великаном.

Но в сравнении с запами по росту проигрывали и новоградцы, и горцы. Других, если можно так сказать, этносов Влад здесь пока не встречал. Разве что отдельных представителей, но и они в целом сильно уступали «слугам Техно».

Трудности с подсчетом запов разрешил пробудившийся внутренний голос. После долгого молчания он выдал следующее:

— Обнаружены боевые метаморфы. Количество: семнадцать особей. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: четырнадцать единиц полностью активны, три в состоянии сна. Ситуация: базовый лагерь. Ситуационная рекомендация: покинуть местность, не вступая в бой. При невозможности сделать это немедленно дождаться подходящего момента.

Семнадцать человек, примерно как он и предполагал. И у всех некие загадочные блоки опознавания. Что это такое, можно лишь предполагать, но одно безусловно — запы с ними не родились. Кто-то установил им некие устройства. Для контроля, изменения сознания, связи — непонятно. А может, и все вместе. Если верить Космосу, то сделал это последний радикал — искусственное создание, упорно продолжающее войну, от которой у людей сохранились лишь бледные воспоминания.

И еще можно предположить, что для установки блока опознавания выбираются лишь высокие и крепкие люди, так что Владу можно не бояться быстрой казни.

Хотя об установке в голову нового оборудования он тоже не мечтал. Там и без запов много чего уже понатыкано.

* * *

Ближе к вечеру начал срываться снег, и вскоре после этого скуку плена развеяло сразу несколько событий. Первым делом в небе что-то по-комариному запищало, и вдруг чуть ли не на голову Влада свалился тот самый обруч. На этот раз не сломанный — этот летал исправно, издавая неприятный звук. Зависнув над лагерем, «НЛО» аккуратно опустился на площадку перед шалашами и затих.

Запы у костра на этот цирк не обращали ни малейшего внимания. Явно видят не первый и даже не десятый раз. Зато из шалаша выбрался дикарь устрашающей комплекции — даже на фоне Влада смотрелся прилично. Подойдя к диску, он поковырялся в его сердцевине, вытащил длинный сверкающий сталью цилиндр, судя по всему, нелегкий, на его место поставил другой, достав его из принесенного здорового мешка.

— Что не так с глазом? — громко спросил проходящий мимо зап.

— Клефа перегрелась опять, на отдых сменю, — непонятно ответил тот, что возился с беспилотником.

Выполнив все эти манипуляции, зап скрылся в своем шалаше, а диск вновь пронзительно запищал, плавно поднялся и с ускорением пошел вверх, быстро растворившись в небесах. Не прошло и полминуты, как звук его работы затих.

вернуться

1

Дервиш (суфий) — приверженец суфизма, мусульманский аскет.

Не надо быть гением, чтобы догадаться: только что Влад был свидетелем процедуры технического обслуживания беспилотника. Что за перегретую клефу зап ему менял — неизвестно. Но выполнял это не просто со знанием дела, а рутинно. Явно не первый раз этим занимается, да и остальные запы не выказывали удивления при виде происходящего.

Возможно, именно беспилотник засек с высоты валяющегося без сознания Влада и навел на него врагов. У них явно есть связь с этим диском.

Не успел он отойти от созерцания ВВС [2] запов в действии, как подросло новое зрелище. К лагерю подошел еще один отряд. Зрительная память на лица у Влада была не ахти, но он смутно припомнил, что парочку рож уже видел в той группе, которая уходила на восток после того, как его повели на юг.

Вернулось их заметно меньше, к тому же двое были серьезно ранены — одного поддерживали под руки, другого и вовсе тащили на грубом подобии носилок.

А еще запы привели трех пленников. Так же коротко проинструктировали на пороге загона и втолкнули внутрь.

Один пленник был уж очень невзрачен. Мелкий даже по местным меркам, весь какой-то суетливый, дерганный, с нагло-трусоватым взглядом. Второй чуть повыше его, но этим все достоинства исчерпывались. На лицо туповатый, гипертрофированный лоб неандертальца скрывала нечесаная сальная челка, из-под которой сверкали свинячьи глазки. Руки чуть ли не до колен, медлительный, неповоротливый, весь какой-то подчеркнуто-ленивый. Эдакая горилла малорослая.

Что первый, что второй явно были не в ладах с личной гигиеной. Говоря проще — оба смахивали на привокзальных бомжей.

Третий радикально отличался от первых двух. Высокий жгучий брюнет с острым лицом, что подчеркивала аккуратная маленькая бородка клинышком. Одежда того же цвета, что и волосы, порвана в нескольких местах, но заметно, что прорехи недавние и вызваны причинами, не имеющими отношения к неряшливости. Заскорузлое пятно на брюках походило на подсохшую кровь, а не на след от пролитого кетчупа. Видно, что человек далеко не глуп, в себе уверен, всегда наготове к действиям, на мелочи размениваться не любит и при необходимости предпочитает решать вопросы кулаком, а не добрым словом.

Ретаил при виде «черного» даже подпрыгнул, радостно воскликнув:

— Брат-луддит!

Вот тут в голове Влада будто переключатель щелкнул. Он вдруг вспомнил, где видел этого человека. В Новограде, на центральной площади. Тот самый луддит, выступивший с проповедью, которая довела толпу до белого каления. «Убей! Убей Техно! Убей!» Ох, как же они тогда орали...

Либерий. Тот самый. Мясник, организовавший погоню за древними. Виновник пролившейся крови. Из-за таких, как он, Влад в итоге остался посреди степи потрепанный, потерявший последнего товарища, без припасов и с нехорошими перспективами.

Руки зачесались от желания задушить ублюдка. Выдавить из него весь воздух, глоток за глотком, глядя при этом в глаза, взгляд которых постепенно сменяется от испуганного до мертвого.

Даже ладони зачесались...

Из-за кровавых мыслей и некоторого шока, вызванного неожиданной встречей, Влад на несколько мгновений выпал из реальности, пропустив несколько радостных воплей миша и один горестный, когда часовой успокоил его с помощью испытанного средства под названием древко копыя. А когда поток мыслей вернулся в нормальное русло, оказалось, что луддит изучает «исчадие Техно» не менее пристально. И судя по взгляду, в голове его также протекает процесс узнавания. Что, в общем-то, странно, ведь кроме того случая на площади они никогда не встречались лицом к лицу. Да и откуда Либерий мог его запомнить? Одно из тысячи лиц в толпе.

Новички расселись на вязанки, причем «бомжи» устроились отдельно, а Либерий, словно король — в одиночку. При этом он не сводил взгляда с Влада и, наконец, спросил:

— Кто ты? Откуда?

Влад понимал, что прикинуться простачком-искателем не лучшая идея — вранье этот «инквизитор» быстро раскусит. Да и к чему скрывать? Оба не в том положении, чтобы бояться друг друга или серьезно насолить сопернику. Потому ответил прямо:

— Я тот, кого ты давно ищешь. Можешь звать меня Владом.

Луддит дернулся, будто током ударенный, на миг растеряв уверенный вид. Но лишь на миг. Подобравшись, будто хищный зверь перед прыжком, он, криво усмехнувшись, констатировал:

— И вот, наконец, нашел.

— Ага. Можешь праздник закатить по такому поводу. А что это за людей ты с собой привел? Похожи на нищих. Тоже твои братья? Вижу, ваш орден обеднел.

— Они не из ордена. Я взял их с тех самых гор, где ты жил летом и осенью. Твои земляки, на вид ничем не хуже остальных. И еще...

Не закончив фразы, луддит, наконец, прыгнул, отводя локоть для сокрушающего удара куда-то в область шеи. Но Влад на шутки не купился, держался настороже и встретил атаку церковника достойно — крепко сжатым кулаком снизу вверх подловил прямо в полете. Хотел в челюсть, но пришлось в скулу. Тоже неплохо получилось — Либерия подбросило, курс его изменился, достать до лакомой рожи противника он не смог, зато исхитрился ухватить за правую руку, увлекая за собой. Оба покатались по утопанному снегу, словно не поделившие кошку коты.

Веселье оборвалось с приходом часового. Не разбирая, кто прав, кто виноват, он прошелся по бокам дерущихся древком копыя, выдав на прощание угрозу:

— Еще раз, и начну бить другим концом.

Влад, утирая кровь с подбитой губы, злорадно покосился на луддита. Тому досталось заметно больше: на пол-лица наливался матерый синяк, глаз опухал, из носа текло. Жаль, левая рука мало на что годится, он бы ему в два раза больше наваял.

Миш, с недоумением поглядывая то на одного, то на другого, тихо уточнил:

— Вы знаете друг друга?

— Этот тип смахивает на того, кого мы искали, — неожиданно отозвался самый мелкий из новичков. — Похоже, это он и есть. Да чтоб я с мартовской медведицей согрешил! Да ты тварь! Исчадие Техно! Тот самый древний! Одно не пойму: на кой тебя держат в этом загоне? Ты же у запов вроде как свой...

— Не признали... — буркнул Влад.

— Ну так признают. Обязательно признают. Ты это... Ну как признают... Луддит, конечно, тип еще тот, но ни я, ни Ренатий, приятель мой, плохого тебе не желали. Деваться некуда было, когда черная братия в горы пришла. Приказали вести их войско, вот и провели мы их по зимним тропам. Сам пойми, никак таким не откажешь. Я к чему это — ты бы отпустил нас. А?

Влад едва не расхохотался. Забавная ситуация получается. Жаль только, ребра ноют, жалуясь на тесное знакомство с копьём добросовестного часового.

— Он отродье Техно, а вы, оба, испражнения больного проказой навозного жука, — сплюнув кровь, выдал Либерий. — Тварь, этих вонючек никто силой не тянул. Никто из ваших горцев не хотел нас вести, кроме них. Сами вызвались. Мы бы не взяли таких, только выбора не было. Трусы и бездельники. Из-за них мой отряд попал в засаду. Они первые шли и звука не подали, когда на них запы набросились. Дали себя связать, не пискнув. Это я к тому говорю, чтобы ты хорошо подумал, прежде чем их отпустить.

Вот теперь Влад не выдержал и засмеялся. Покачал головой и с деланным удивлением заявил:

— Ну вы и даете. Причем все. Разве не видите, что я с вами в одной клетке сижу?

— Не клетка это, а загон, — поправил мелкий.

— Какая разница?

— Ты же не все время сидеть здесь будешь, — неуверенно произнес луддит.

— Это уж не от меня зависит. Но если думаете, что меня примут за своего, то глубоко ошибаетесь. Я такой же пленник, как вы. И грозит мне то же самое. Так что прекращайте меня смешить своими детскими фантазиями, а то живот надорву.

— Врешь ты все! — не сдавался мелкий. — Ты явился с древних времен. Тебя привел сюда Техно. А Техно повелевает запами. Они должны признать в тебе своего.

Влад не стал говорить, что запы, очень может быть, явились в степь именно по его душу. Вместо этого попытался начать атеистическую пропаганду:

вернуться

2

ВВС — в данном контексте Военно-воздушные силы.

— Ваша церковь, так же, как все вы, мелет чепуху. Нет и не было никакого Техно. Все гораздо проще. Я такой же человек, как вы, просто мне кое в чем не повезло. И не уверен, что грехов за мной больше, чем за вами.

Миш, от потока шокирующей информации впавший в долгий ступор, при последних словах дернулся, прошипел:

— Не слушайте речи его, ибо душу свою погубите навеки!

После столь угрожающего заявления он начал что-то еле слышно бормотать с огромной скоростью. Видимо, проговаривал в быстром темпе все молитвы, какие знал.

Либерий, приложив к носу комок снега, тихо произнес:

— Сегодня тебе повезло, хитрая древняя тварь. Но я еще жив, и мои братья неподалеку. Мир тесен, тебя все равно найдут.

— Луддит... Мир гораздо сложнее, чем тебе кажется. Не представляешь, насколько сложнее...

Глава 7

Если не считать инцидента при встрече с луддитом, до сумерек пленников никто не беспокоил. Хрюк, успевший со всеми перезнакомиться, даже начал ныть в духе «не покормят ни за что, снегом холодным давиться придется вместо ужина, а ночью все неминуемо околеем от лютой стужи». Но первым завидев, что запы проявляют к загону нездоровый интерес, приободрился, начав уверять, что сейчас-то уж точно всем перепадет из котла дикарей. Пусть не деликатесы, но хоть что-нибудь на зуб кинуть дадут непременно.

В загородку вошли четверо. Один хорошо знакомый — тот самый, задававший много вопросов два триста тридцать шесть, или, по-нормальному, — Атль. Остальных Влад не знал, если не считать знакомством то, что видел их в толпе других и, мягко говоря, недолюбливал, как всю их братию.

Самый упитанный из четверки зап, поглаживая рукоять чуть изогнутого меча, обвел пленников внимательным взглядом и указал на самого молчаливого. Того самого, из первых, который все время сидел, таращась в землю.

— Ты. Скажи, видел ли что странное перед тем, как тебя схватили наши воины, и после этого? Чужаков, чудные явления в небе и на земле, звуки неизвестные, огни в ночи или что другое?

В ответ бедолага неожиданно разрыдался и, рухнув в растоптанную снежную кашу, подполз к запу и начал целовать его ноги, что-то неразборчиво бормоча сквозь рыдания. Тот, безразлично его пнув, повернулся к Ренатию:

— А ты?

— Чего я?

— Тупица! Что странное видел в последние дни?

— Не пойму, о чем толкуете? Вроде ничего такого не видел.

— С этим все понятно... А ты?

На этот раз зап обратился к мишу, и тот ответил достойно, Влад его даже зауважал. Выпрямился во весь рост, картинно замер, а затем с хладнокровной меткостью отправил в лицо дикаря сочный плевок. Тот, не моргнув глазом, утерся и отвесил на сдачу такой удар, что Влад понял: на ринге с этим типом надо держать ухо востро, иначе пропустишь считалочку судьи,

не услышав ни единой цифры.

Миш от удара брызнул осколками зубов и отправился в глубокий нокаут, а зап с невозмутимым видом обернулся к Владу:

— А ты что видел?

Влад много чего перевидал за последние дни, но делиться новостями не считал нужным. Однако конфликтовать тоже не хотел — пример с мишем от этого предостерегал. Потому отвечал нейтрально, не забывая приврать или слегка исказить истину.

— Да ничего. Разве что в буран надо мной пролетело что-то здоровенное, на птицу не похожее. Но вот сегодня видел я чудную штуку, что с небес спустилась прямо сюда, и думаю, что, наверное, это она и была, потому вам не в диковинку.

— Людей странных или животных незнакомых в степи не встречал? Или следы их?

— Нет. Только лисицы да зайцы. Ну и птицы разные, конечно. И бизон один раз.

— А шум в ночи?

— Так я ночью сплю. Если что и шумит, не слышу.

— А почему одежда опалена?

— Да в костер ночью закатился. Холодно было, вот и потянуло к теплу.

Потеряв к Владу интерес, зап уставился на Хрюка:

— А ты? Или такой же дурак и ничего не можешь сказать?

— Отчего не сказать? Скажу, коль спрашиваете. Ночью прошлой на юге полыхнуло. Хорошо полыхнуло, аж на полнеба. А потом грохотало, будто после недалекой грозы. А днем мы вышли к лагерю охотников, и скажу я вам, что немного от него осталось. Даже больше скажу: вообще ничего. Раскидало все в труху и хлам, да еще и пожгло. Сколько живу, такого не видел никогда. А еще в место это братья-луддиты очень уж четко шли, будто знали. Будто не я их вел, а сами. А это неспроста. Если не верите, так можете спросить брата Либерия, вот он, на вас таращится.

— Луддиты? Ты проводник их войска?

— Ну да. Так и есть.

— Как получилось, что далеко ушел от главных сил?

— Да брата Либерия приказали вести.

— Еще что видел странное?

— Даже не знаю... Ну разве что степь будто вымерла. Мало следов, дичи вообще не найти. Хотя зимой я по степи не ходил никогда, больше по горам, так что точно знать не могу, как должно быть. Да и чего здесь морозиться? Буран ведь за бураном.

— Я все услышал, теперь молчи.

Зап обернулся к Либерию и с деланным радушием протянул:

— Вижу, нас почтил визитом редкий гость. Брат-луддит. И не простой, а сам Либерий. Наслышаны мы о вас, очень даже наслышаны. И чем же мы заслужили такую честь? Что же вам не сидится на западной границе? Хотя, по слухам, вас вроде бы в Цитадель перевели, боретесь с внутренней скверной?

— Раз ты, сын прокаженной собаки, согрешившей с дохлым козлом, сам все знаешь, то зачем спрашиваешь? — не совсем вежливо ответил луддит.

— Да так, от скуки скорее, чем по надобности. Крепкий вы человек, Либерий, да и воин бывалый. Не хотите ли сменить служение церковное на высокий чин в другой войске? Нам такие, как вы, пригодятся.

— Ты это всерьез сказал, гной крысиный?

— Ну не ради шутки же? Вы не поверите, сколько ваших братьев, теперь уже бывших, заняли достойные места в наших рядах.

— Думаю, их смерть будет такой же отвратительной, как твоя.

— Все возможно. Ради соблюдения порядка все же спрошу: а ты что видел странное?

— Видел, как твоя сестра, та, которая со свинячьим рылом вместо лица, продавала себя даром, а иногда предлагала приплатить серебром из своего кармана, но даже живущие под мостом вонючие бродяги не польстились на ее прыщавые прелести. И видел, что иногда вместе с ней этим же занималась твоя мать. Хотя, если подумать, что здесь такого странного?

Влад был уверен, что сейчас луддита отметелят в стократ качественнее, чем миша, но зап, равнодушно отвернувшись от луддита, приказал:

— Этот нам не нужен.

И, ткнув пальцем в Хрюка, вышел из загона.

Три оставшиеся запа молча подошли к плюгавому проводнику. Двое крепко ухватили его под руки, вздернули, заставив тело выгнуться назад. Почувяв неладное, Хрюк заголосил:

— Вы чего?! Вы чего такое делаете?!

Третий зап шагнул вперед, одновременно извлекая из ножен кривой длинный нож. Отбросив в сторону полу облезлой шубы, воткнул острие в живот жертве, отточенным движением провел в сторону, картинно развернулся на одной ноге, невозмутимо посвистывая, направился к выходу. Хрюк несколько мгновений издавал нечленораздельные звуки, будто подавился словами, а затем, наконец, издал длинный крик, перешедший в стон. Палачи, поддерживающие его под руки, с натугой встряхнули содрогающееся тело, и из-под шубы вывалился ком внутренностей.

Пленники, не считая все еще валяющегося миша, продолжали стоять, будто парализованные, не сводя взглядов с омерзительного зрелища. Лишь Либерий было дернулся, но тут же замер, когда перед лицом угрожающе промелькнул наконечник копья часового. Запы, чуть подержав, аккуратно опустили Хрюка на колени, затем вышли из загона. Несчастный проводник попытался было запихнуть внутренности обратно, но, застонав еще громче, завалился набок, свернулся калачиком и замер, изредка вздрагивая.

— Да что же вы делаете?! — наконец вышел из ступора Ретаил и, сжав кулаки, ринулся к выходу из загона, напрямиком на часового.

Тот, ловко крутанув копьем, сбил его с ног ударом в голень и, от души пнув лежащего, насмешливым голосом пояснил:

— Нам эта падаль не нужна, потому и прирезали. Мелок он, хил и слаб. Нам нужны сильные. И спокойные. Вы тут посидите и подумайте, хотите быть нам нужными или сдохнуть, как бараны. Ты вот тоже не слишком силен, а на людей бросаешься. Плохо это. Думай.

Затем часовой закрыл калитку, зафиксировал ременные петли, служащие замками, и добавил:

— Тех, кто будет думать правильно, завтра, может быть, накормят. А самые правильные со временем получают номера. И они об этом никогда не пожалеют.

* * *

Спать было невозможно. Ночью резко похолодало, пленники сидели бок о бок, вжимая головы в плечи, и дружно тряслись. Прилечь негде, две связки тростника заняты, на остальной площади загона лишь утоптаный снег. Влада мутило от нестерпимого голода. Его восстанавливающемуся организму требовалась еда, причем много, но во рту уже сутки не побывало ни крошки.

— Я часто видел, что бывает с людьми, которых ловят запы, — неожиданно произнес Либерий. — Часть из них исчезает, чтобы потом стать запями, остальные заканчивают вот так. — Он указал на тело Хрюка. — Некоторых мы находили на столбах или деревьях, другие лежали на земле или в снегу. Они распарывают животы, отрезают пальцы, руки и ноги, ослепляют. Разное делают. Никто из пленников не умирает легко. Так происходит везде и всегда. Одинаково жестоко. Я думаю, что это не для пустой забавы. Есть смысл. Зачем?

Влад, борясь с зубовным перестуком, попытался ответить:

— Голос в моей голове называет это акцией устрашения.

— Голос в голове?

— Да, церковник, я часто слышу голоса. Очень часто. Не иначе как твои ангелы нашептывают. Ведь ты же знаешь, что запы прежде были нормальными людьми?

— Если ты о том, что они своих врагов превращают в союзников, то знаю. У них какой-то темный ритуал есть для этого.

— Я думаю, что жестокость на глазах пленников — часть этого ритуала. Посмотри, как все упали духом, особенно Ретаил. Упавшего духом человека легче подчинить чужой воле. Прирежут еще парочку из нас, а остальные будут рады без памяти, если их сделают запями.

— Я понял твою мысль, тварь. Она многое объясняет. Но не все. В набегах запы уводят не только мужчин, но и женщин. Но ни разу мы не видели женщин среди их воинов. Где-то в оскверненных землях у них есть деревни, а может, и города. Там наши женщины рожают пополнение для их войска. Готовых запов.

— Так почему бы вам не послать туда армию, вместо того чтобы гоняться за мной по степи? Я бы вам такое пренебрежение моей драгоценной особой как-нибудь простил.

— Чтобы погубить войско? Может, тебе, тварь, на проклятых землях вольготно живется, а нам там смерть. Древний яд губит всех без разбора. И не только яд.

— Запы ведь как-то живут.

— На то они и запы. Они служат Техно, а тот их оберегает от древнего яда.

— Может, сейчас не самый лучший момент это объяснять, но на самом деле никакого Техно нет и не было. Чушь церковная, придуманная, чтобы дураков оболванивать. Просто была война, и применялось оружие, которое заражало землю. Заражение до сих пор осталось, но не везде. Я и мои товарищи были за Подонцом, но не умерли. Там можно жить.

— Вы технотвари, вам дух нечистый помогает, потому и выжили.

— Чушь. Мы такие же люди, как вы. И запы тоже. Все у нас одинаково устроено. И повторяю: нет никакого Техно. Тебе самому не кажется странным, что я, страшный темный демон, сижу в плену у самых низших слуг этого Техно?

— Если откровенно, та да — это странно.

— Темная уловка, чтобы смутить наши души, — прошамкал миш.

— Вас и без меня прекрасно смущают. — Влад кивнул в сторону тела Хрюка. — Не о душах надо думать сейчас. В лагере четыре десятка запов, а нас всего пятеро. Завтра, думаю, зарежут еще одного: или миша, или Ренатия. Они самые мелкие из нас. Останется нас четверо, а врагов будет столько же. А потом нас станет трое, а то и двое. Уходить надо как можно быстрее.

Ренатий, обеспокоенный перспективой повторить судьбу Хрюка, бешено закивал:

— Надо и впрямь торопиться. Часовой всего один, все спят уже.

— У костра двое поганых, — тихо добавил миш.

— Тварь, у тебя есть оружие или какая-то возможность быстро и без шума разделаться с теми, что у костра?

— Меня зовут Влад.

— Мне безразлично, как тебя зовут в твоём раскаленном аду, тварь. Часового мы если и сумеем убить, то без шума это не получится. Те, которые у костра, могут поднять тревогу. Даже если вырвемся, то нас быстро догонят. Мы уставшие, не спали и не ели. Снег срывается, но его не хватит быстро замести следы.

— У меня нет ни оружия, ни способностей нечеловеческих. Надо вместе думать, как действовать. И еще раз назовешь меня тварью, действовать будете уже без меня.

— Тогда ты останешься здесь, в плену, — заявил Либерий. — На миша и этого ноющего крестьянина мало надежды, Ренатий тоже не воин. Лишь мы с тобой чего-то стоим, но в одиночку мне будет куда труднее.

— Ничего, мне и тут хорошо, — безмятежно ответил на это Влад. — Сам ведь говоришь, что запы мне чуть ли не братья родные, так что не обидят.

— А мне вот почему-то кажется, что тебе не так уж и хорошо здесь.

— Ты уж определись. То заявляешь, что я демон Техно, повелеваю всеми запами и их домашними животными, а заодно в ответе за все их темные деяния; то говоришь, что мне от них бежать надо, и чем быстрее, тем лучше. Ну так кто я? Тварь? Или все же Влад?

Ответа не было долго, но даже миш не рискнул нарушить тишину. Все, даже запуганный безымянный пленник, не сводили взгляда с луддита. Наконец тот, чуть зубами не скрипя от противоестественности собственных слов, произнес:

— Чтобы тебя догнать, я погубил трех своих братьев. А может, и четырех. Не говоря уже о тех, кого ты и твои... твои сообщники убили до этого. Мы еще вспомним об этом... Влад.

— Вот и хорошо. Значит, мы сейчас дружно подумаем, как нам быть дальше. Честно признаюсь, что сам пока не придумал ничего хорошего.

— Если все сразу навалится на изгородь, она не выдержит. Хлипкая очень.

— И что дальше?

— Дружно свалим часового и дальше бежим в степь. Если пойдет снег, следы заметет, и нас не найдут.

— Это ты долго придумывал, луддит?

— Нет, только что. Не скажу, что очень удачный план, но для начала надо ведь что-то предложить?

— В этом ты прав...

— Снег не идет, — обеспокоенно заметил Ретаил.

— Но иногда срывается. Может пойти, — не отступал от своего луддит. — Нам все равно не убить их всех, так что погоня обязательно будет. Без хорошего снегопада трудно оторваться.

Влад промолчал, не став напоминать про летающую машину, работающую на запов. Неизвестно, какие на ней средства наблюдения, но хочется верить в их беспомощность при пасмурной погоде. Сейчас небо затянуто, ни одной звезды не видать, но кто его знает, может, через час-другой развиднеется. А потому следует попытаться выйти на связь с Космосом. Сверху хорошо видно, насколько далеко протягивается облачность и нет ли в ней просветов.

«Влад вызывает Космоса. Влад вызывает Космоса», — раз за разом твердил он мысленно, надеясь, что это уходит в эфир. Все же со своей головой ему еще разбираться и разбираться, ни в чем пока нельзя быть уверенным.

— Космос слышит тебя, Влад. Молчи. Ничего не говори. Опасность. Сам вызову.

Ответ Влада обескуражил. Довольно неожиданно. Он ведь не столько рассчитывал на помощь с небес, сколько хотел набраться уверенности от ощущения причастности к технологическим свершениям погибшей цивилизации. Прошли века, а их удивительное творение все еще работает и даже лелеет близкие к грандиозным планы. Это тебе не копошение в снегу посреди грязного лагеря дикарей, пораженных психическими расстройствами синтетического характера.

Пока Влад «пребывал в себе», его товарищи по несчастью продолжали обсуждать планы

побега. Не успел он толком начать прислушиваться к их тихой болтовне, как послышался шум со стороны шалашей. В отблесках костра можно было заметить, что там собираются люди, слышались тревожные вскрики, лязг оружия.

Из мрака выскочил зап, замер перед часовым, нервно выкрикнул:

— Сто пятнадцать ноль одиннадцать, ты сейчас что-нибудь видел?

— Что? — опешил часовой.

— Не знаю. Что-то необычное. Шум, свет, движение, хоть что-то?

— Да все спокойно было, только эти все шепчутся, никак не наболтаются. Что случилось?

— Не знаю, но три девятнадцать тревогу поднял, говорит, то, что мы ищем, где-то рядом. Очень близко. Возле самого лагеря.

— Опять степь прочесывать будем?

— Похоже на то.

В этот миг тьму разогнала ослепительная вспышка. В ее свете Влад успел увидеть мертвенно-бледный саван заснеженной степи, уходящей в далеко отодвинувшийся мрак, и нижнюю кромку облачного покрова. Уже наученный горьким опытом, он, плашмя падая на землю, заорал:

— Ложись!

Еще в полете по ушам ударило так, что завибрировали кости черепа, а мышцы лица свело обратным подобием судороги, от которого они расслабились, будто пытаются превратиться в трясущееся желе. По спине что-то стукнуло несколько раз, и лишь когда все стихло, Влад рискнул приподняться.

Шалаша серьезно разрушило, но не смело до основания, как те хижинки в охотничьем лагере. Один загорелся, видимо, оттого, что на него насыпало углей из костра, так что свету прибавилось. Еще одно пожарище виднелось примерно в полукилометре. Там занялись заросли тростника на берегах речушки. Похоже, рвануло где-то в том районе. То же самое оружие. Если его применил «обруч-беспилотник», то его оператор не очень заботился о безопасности запов. Плевать он на них хотел. Ударило бы чуть ближе, и тут бы мелкими разрушениями не отделались.

Запы, не обращая внимания на пожар, деловито разбивались на группы по четыре-пять человек, после чего уходили в степь, и далее каждая направлялась в свою сторону. Влад даже подумал, что тростник подожгли для их удобства. Какое-никакое, но освещение. Хотя слишком круто для банальной иллюминации.

А еще он понял, что Космос не зря приказал ему заткнуться. Надо помалкивать, если из-за попытки связи произошел такой концерт. В то, что это совпадение, он не верил.

Либерий, трясая головой, ошеломленно произнес:

— Что это было?

— Да уж ничего хорошего.

— То же самое, что в охотничьем лагере случилось. Ты был в том лагере? Поэтому у тебя обгорела одежда?

— А ты догадливый...

— Уж не тебя ли они ищут, задавая всем дурацкие вопросы?!

— Ага. Именно меня. Денег я им должен...

Либерий издал неопределенный звук, вложив в него целую гамму чувств. Влад, не желая продолжать этот диалог, нашарил в снегу острую ветку, отлетевшую от разоренной ударной волной изгороди, и, пряча ее в рукав, злорадно заметил:

— А ведь почти все запы в степь побежали. Лучшего момента не будет.

— Нас видно как на ладони, а они так близко.

— И что? Будем ждать другого случая?

Ответить Влад не успел. Ренатий, неожиданно прытко поднявшись, подскочил к проему на месте сорванной калитки и закричал в лицо наставившего на него копы часового:

— Я знаю, где тот, кого вы ищете! Позови старшего, и я все расскажу! Если сохраните мне жизнь! Я все знаю! Все!

— Тухлый ублюдок! — выкрикнул Либерий. — Грязь! Почему я тебя еще в горах не удавил!

Владу стало одновременно страшно и спокойно. Он понимал, что счет теперь идет на секунды. Если часовой поднимет тревогу, сюда кинутся те, кто еще не ушел из лагеря или не удалился на приличное расстояние. А там, выслушав предателя и сложив два плюс два, запы, как минимум, поймут, что Влад малость приврал в истории своих походов. Он был в разрушенном лагере, а ведь его не просто так разбомбили. А еще он был здесь в тот момент, когда их неведомая техника слежения за эфиром засекала его передачу. Пусть точно запеленговать его не смогли, но какая теперь разница.

Если ради него бомб не жалеют и если Космос был прав по поводу продолжения войны, то конец будет быстрым и, возможно, мучительным. Командованию запов, тому самому, скрытому неведомо где компьютеру, живой Влад нужен так же сильно, как корове седло.

Вскочив, он одним прыжком настиг изливающегося соловьем грязнулю, завалил его в снег и начал мутузить, злобно шипя:

— Сдохни, хриstopродавец!

Почему он высказался так странно, Влад сам не понимал. Почему-то взбрело в голову.

— Прекратили! Убью обоих! — выкрикнул часовой, замахиваясь копьем.

Отпустив тщедушное тельце предателя, Влад со скоростью, диктуемой отчаяньем, перекатился с боку на бок, взял голень часового в захват, навалился всем телом на ногу, заставляя противника рухнуть на спину. Левая рука вспыхнула от локтя до запястья огнем нестерпимой боли, слезы застили глаза, но он, не останавливаясь, катился все дальше и дальше, будто бревно по склону, но теперь под ним был не снег, а подмятое тело часового.

Добравшись до его головы, Влад многострадальной левой прикрыл запу рот, уже распахивающийся в крике, взмахнул правой, четким движением, будто всю жизнь только этим и занимался, вбил остро отломанную ветку в глаз врагу. Удачно вбил, почти на всю длину, сжатым кулаком упершись в бровь и скулу. После этого развернулся на выгнувшемся в агонии теле и от всей души собрался заехать Ренатию по башке.

Заткнуть! Немедленно заткнуть!

Но это не понадобилось. Предатель больше не кричал, а хрипел, пытаясь вырваться из удушающего захвата Либерия.

Более неорганизованного побега свет не видывал, но все же кое-какие планы в голове Влада пронеслись. А именно: ни с Либерием, ни с остальными пленниками у него общих дорог нет. Их даже временными союзниками назвать трудно. Он «технодемон», по церковным законам не имеющий права на существование, и долг луддита исправить то, что Влад этим правом пытается воспользоваться. Миш аналогично, о крестьянине и Ренатии можно даже не упоминать.

Уходить надо в одиночку, а остальные пусть бегут куда угодно, лишь бы не по его следам.

Очень удачно получилось, что Либерий занят удушением предателя. Без оружия человека быстро не убить, так что время у Влада есть, и надо этим воспользоваться.

Напролом ломиться в степь Влад не стал. Он там уже бывал и прекрасно понимал, что без оружия и припасов его жизнь в степи будет переполнена негативными событиями, коих и без того более чем достаточно. Потому, поднимаясь с тела запа, Влад хозяйственным жестом подхватил его копые и что было мочи рванул в сторону ближайшего шалаша. Именно туда дикари складировали трофеи — это он уже два раза замечал. Может, и не все, но часть вещей должна быть там.

Внутри оказалось темно, и он, чертыхаясь, выскочил наружу, понимая, что на ощупь шарить будет до конца зимы, а потому следует обзавестись освещением. В роли фонаря выступила связка тростника, вырванная из стены. Ее дальний конец ярко запылал, едва поднесли к костру. Факел тот еще, но на минуту его должно хватить. Влад вздрогнул, когда неподалеку заорали на несколько голосов, но, к счастью, это не по его душу. Кто-то из пленников рванул в степь, и одна из групп запов его заметила. Прекрасно. Теперь им есть чем заняться.

В шалаше царил бардак. Лежаки из камыша и дурно пахнущих шкур, груды хвороста и дров, укрытые от непогоды, на шестах каркаса болтаются мешки и какое-то тряпье. Портянки сушат, что ли?

Затем посторонние мысли из головы вылетели: в одном из мешков Влад опознал свой, и немедленно его ухватил. А еще он заметил в углу арбалет и рядом с ним колчан. Прихватил и то и другое. Еще бы нож найти, и вообще прекрасно, но наглеть не стоит. Он и так сильно задержался. Запы быстро поймут, что если один пленник освободился, то и остальные могли сделать то же самое, после чего обязательно пойдут проверить, как дела в загоне. А дела там обстоят плохо. После этого толпа сытых и отдохнувших в тепле здоровенных мужиков начнет гонять замерзших и вымотанных беглецов.

Выскочив из шалаша, Влад, из чувства мести, швырнул внутрь связку горящего тростника, перекинул мешок через плечо и, не оглядываясь, легкой трусцой помчался в степь. Если слово «мчаться» применимо к попытке быстро передвигаться в снегу почти по пояс.

Компаса у Влада не было, по звездам и Луне тоже не сориентируешься — небо затянуто тучами. Хорошо, что еще засветло по выработавшейся за последнее время привычке успел засечь ориентиры сторон света. Теперь он знал: чтобы двигаться на юг, надо держать пожары от взрыва и горящих шалашей за левым плечом. Что будет после того, как пламя погаснет, Влад не представлял, но на всякий случай следил за направлением ветра. Он вроде дует равномерно и не меняется, так что до рассвета можно будет полагаться на него. Хотя, конечно, пользоваться такой «навигацией» не слишком удобно.

Почему именно на юг? Не просто так он туда направился, а после коротких раздумий, прерываемых попытками обойти стороной шастающих по степи запов. Не все они рванули к пожарищу и лагерю, две-три группы поступили по-своему. Благо зрение его восстановилось настолько, что он, благодаря своим новым способностям, засекал их заблаговременно.

Прежде всего Влад вспомнил все, что успел заметить за время плена. Не так уж много, но и не мало. Запы, похоже, заявили в степь с серьезными намерениями. С припасами солидными, шалаша капитальные поставили, организовали прочесывание местности. Не надо быть гением, чтобы догадаться: тщательнее всего искать источник так возбуждавших их сигналов они будут в районе уничтоженного лагеря охотников. А он как раз севернее остался. И пусть сейчас, после пеленгации его сигнала, они изменят район поисков, но это произойдет не мгновенно.

Было еще одно соображение, определившее его курс. Пленникам на проклятом юге делать нечего, они должны направляться на север, или хотя бы запад или восток. Туда и пойдет погоня.

Если честно, Влад плохо представлял себе, как далеко следует забираться на юг и когда поворачивать с этого направления. Да и в какую сторону? Если не считать товарищей среди горцев, больше ему податься некуда, но возвращаться в местность, плотно оккупированную луддитами, все равно что забраться в клетку с тиграми, неделю перед этим их не кормив.

Еще и Космос помалкивает... Может, хоть он бы что-нибудь подсказал...

Спать хотелось так сильно, что веки чуть ли не пальцами приходилось удерживать. Ныли натруженные ноги, дергала болью рука, которой так и не дали восстановиться в покое. И очень хотелось навернуть чего-нибудь сытного. Пусть даже невкусного, подгорелого, залежалого, но чтобы побольше и под горячий бульон.

Из еды у него был лишь снег с приправой из собственной обильной слюны. Его было не то чтобы побольше, а много до бесконечности, но это не радовало.

С рассветом тучи не ушли, но, заметив, с какой стороны начало светлеть небо, Влад убедился, что движется в правильном направлении. Пусть даже не точно на юг, но его устраивает и приблизительно.

Ближе к полудню Влад начал сдавать всерьез. И прежде он не очень-то выдающиеся рекорды скорости ставил, а сейчас лягушка, передвигающаяся в толще сметаны, по сравнению с ним выглядела бы разогнавшимся гепардом. Ноги попросту не держали, и на каждом шагу он титаническими усилиями удерживал себя от желания улечься в снег.

Это не дело — пора устроить хороший привал.

На остатках сил доплелся до одинокого кустика, придавил снег под ним, накидал несколько

поспешно отломанных веток, завалился. Часик-другой, ему хоть немного надо дух перевести. День теплый, температура в районе нуля, он не очень замерзнет. А потом поднимется и будет шагать до самого вечера без остановок.

* * *

Цивилизованному человеку одичать — раз плюнуть. Последние месяцы жизни Влада очень даже располагали к одичанию, так что звериным чутьем он обзавелся, пусть пока и не слишком развитым. Но его хватило, чтобы по пробуждении, еще не открыв глаза, понять — рядом кто-то есть.

Очень плохо, что чутье не предупредило заранее, не дав врагам подойти незамеченными. В том, что это враги, Влад не сомневался. А кто еще, если друзей у него здесь нет?

Хоть вообще не спи с такими делами. Обе последние попытки завершились появлением незваных гостей. Прямо не степь, а проходной двор... Сколько рядом врагов, он не знал, зато знал, что каждый миг промедления работает против него. Сейчас откроет глаза и увидит направленные в лицо острия копий, если так и будет валяться.

Рывок в сторону, рука, скользя вдоль снега, подхватывает копьё, поднимаясь на колено, Влад взмахнул оружием. Не столько рассчитывая подранить противников, сколько заставить шархнуться в стороны от остро заточенной кромки наконечника.

Глаза, вопреки ожиданию, не резануло дневным светом. Причина этого оказалась проста — Влад умудрился провалиться до вечерних сумерек. Копьё никого не задело, если не считать кустарника, давшего ему кров и за это лишившегося еще нескольких веток. Развернувшись в другую сторону, Влад не увидел запов, собирающихся его прикончить, зато увидел Либерию. Луддит расположился неподалеку, причем с комфортом. Уложив на утопанный снег свернутую в рулон шкуру, он расселся на ней с самым безмятежным видом, будто лорд у камина.

Оружия у Либерия Влад не увидел. Но прекрасно понял, что тот мог легко забрать себе и копьё, и арбалет. Времени на это было предостаточно, раз успел подготовить себе такой «трон». Значит, агрессивных намерений у церковника не было. Тогда зачем он здесь появился?

Луддит, похоже, неплохо знал человеческую природу, потому что ответил на невысказанный вопрос, нарушив молчание.

— Я бы хотел идти дальше с тобой.

— А я бы хотел тебя прикончить! Прямо сейчас!

— Это твой выбор. Убить безоружного человека, кстати, не тронувшего твои вещи, в том числе копьё и арбалет, нетрудно.

— Может, мне еще спасибо тебе сказать?! Зачем ты шел за мной?!

— Тва... Влад. Если хочешь убить, то убивай. Если нет, то перестань кричать. Ветер утих, громкие звуки в степи далеко разносятся. Ты же не хочешь, чтобы сюда пришел еще кто-нибудь?

— Мне и тебя более чем достаточно, — буркнул Влад и, воткнув копьё в снег, начал отряхивать одежду и подпрыгивать на месте, стараясь хоть немного согреться.

— У меня есть еда. Я слил воду из котла и забрал его с собой. Там много вареного мяса.

В животе у Влада радостно забурчало, и он, уже спокойнее, спросил:

— Хочешь сказать, что можешь быть мне полезным?

— А разве нет? Ты не так уж силен. Я легко захватил тебя врасплох. А если это будут запы?

— Мои лучшие друзья? — ухмыльнулся Влад.

— Я уже давно понял, что дружба у вас какая-то необычная. И это очень мягко выразился. Собственно, поэтому и хочу идти с тобой. Впервые вижу тварь, которая враждует с запями. Никто о подобном не слышал.

— Решил меня изучить?

— Насколько это возможно.

— Либерий, я сам не понимаю, почему тебя не убил сразу, как только увидел. Ненавистнее тебя я здесь никого не знаю. У меня к тебе длинный счет, и хотелось бы его закрыть.

— Это твое право — закрывай. Но ты не похож на того, кто из мстительности способен пойти на глупость. Я не друг тебе, но и не враг. Я просто выполнял и выполняю свой долг перед орденом и церковью.

— Не боишься идти с таким спутником?

— Я воин, а воины своей смертью не умирают.

— А я, наверное, слишком добр и потому тебя отпускаю. Вставай и иди на север, к своим. Со мной тебе точно не по пути — я иду на юг.

— И как далеко собрался?

— Еще не знаю, но ближе Подонца останавливаться точно не стану.

— Отлично. Я могу дойти до него с тобой, а потом спущусь по его берегу к обитаемым местам.

— Ты разве не понял? Я не хочу идти с тобой. Не доверяю. И вообще... Из-за тебя погибли мои друзья, да и я чудом выжил.

— Мои братья тоже погибали от твоих рук, но я все же не стал тебе мстить. Что есть месть? Реакция глупца, совершающего пустые поступки, неспособные ничего исправить, зато принести вред могут с легкостью.

— Не пытайся мне проповеди читать. На меня они не действуют.

— Уверен?

— Да. Слышал одну, когда ты перед толпой в Новограде распинался. Толпе понравилось, а мне как-то не очень. Много пафоса и глупо.

— Надо же... Ты тогда так близко был...

- Не то слово. Одно твоё слово, и толпа бы от меня ни клочка не оставила.
- Я бы постарался взять тебя живым.
- Чтобы залить свинцом в гробу?
- Ты, Влад, слишком доверчив, раз повторяешь сказки, рассчитанные на ту самую толпу. Для нее достаточно повторить чушь два-три раза, и она начинает считать ее высшей истиной.
- Это вас Геббельс научил?
- Я не знаю, кто такой Геббельс. Меня и многих других братьев учили разговаривать с толпой не один год. Я воспитывался при монастыре, как почти все наши воины. Таких, как ты, мы стараемся захватить живыми. Твоя женщина, которую мы поймали возле пещеры, до сих пор жива. Ее держат в Цитадели. Иерархи расспрашивают ее о древних тайнах.
- Пытают?
- Вряд ли. Насколько мне известно, она говорит без пыток.
- А что будет потом? Когда все расскажет?
- Я не знаю, что будет дальше со мной, а ты спрашиваешь про других.
- Гроб и свинец?
- Вряд ли. Хотя и такое возможно. Это зависит от того, сочтут ли ее опасной. Живая — она источник сведений, которые могут пригодиться; мертвая — ничего не стоит. Влад, я не думаю, что смогу захватить тебя. А если и захвачу, то вряд ли удержу. Зато по пути с тобой я могу узнать важное и передать иерархам. В погоне за тобой я потерял слишком многих — это поможет мне оправдаться. А ты получишь спутника, пусть временного, но опытного, и теперь тебе не надо будет ничего опасаться, укладываясь на ночлег.
- Не считая тебя...
- Сейчас ты спал, но я не тронул тебя пальцем, а мог бы легко убить.
- Будь я в нормальной форме, ты бы не подкрался ко мне незамеченным.
- Охотничий лагерь, тот, что уничтожили. Ты действительно был там или, чтобы шум поднять, сказал это? Отсюда обгорелая одежда? И руку левую берегаешь.
- Я не обманывал. Меня там здорово приложило.
- У запов есть летающая машина, а может, и не одна. Это они делают такой огонь.
- Я знаю.
- Зачем они тебя искали?
- Это слишком долгая история, в которую ты вряд ли поверишь, потому что мне самому верится в нее с трудом. Иногда думаю, что это бред сумасшедшего, и на самом деле я лежу, прикованный к койке в клинике для сумасшедших. Да и вряд ли поймешь, если расскажу, ты человек другого времени, мы очень разные, хоть и похожи внешне.

— Что тебе стоит попробовать?

— Я устал. Слишком короткий отдых, да и не ел давно.

— Мясо. Я дам тебе мяса. А ты расскажешь.

— Мало того, что собрался за мной увязаться, так еще и мясо в плату за информацию будешь давать?

— Можешь забрать его себе все. Но разве трудно рассказать? Согласись, что это не такая уж великая просьба.

Владу неожиданно пришла в голову интересная идея. Ведь перед ним не простой парень вроде Диадеха, а один из церковников, причем далеко не рядовой. У него можно разжиться полезной информацией, расплачиваясь за нее своей. Разумеется, рассказывать стоит не все.

Либерий ему нравился так же сильно, как собаке палка, но это не тот случай, чтобы идти на поводу симпатий-антипатий. У луддита есть мясо и сведения. Если первое можно получить, банально отобрав, то для второго лучше иметь добровольного собеседника. В попытку, как способ добиться откровенности, Влад верил, но понимал, что палач из него не получится. Просто убить — это куда ни шло, но терзать живого человека...

Он еще не настолько одичал.

— Хорошо, луддит. Я расскажу тебе. Много расскажу. Но и ты должен будешь взамен отвечать на мои вопросы.

— Я не выдам тебе тайны церкви.

— Тогда и от меня великих тайн не жди.

— Хорошо. Попробуем сговориться. И дай мне копье, я порезу наконечником мясо. И пока буду это делать, начинай рассказывать.

— Что именно?

— Мой первый вопрос: как ты оказался здесь? Как преодолел время?

— Хорошо, луддит. Я расскажу. Началось это в те времена, о которых у вас даже воспоминаний не осталось. Даже больше: те, кого вы зовете древними, тоже о них почти ничего не помнят. По некоторым сведениям, память о моей эпохе специально уничтожалась. Так что я не просто Древний — я тот, в сравнении с кем они — новорожденные щенки.

— Ты древнейший из древних?!

— Выходит, что так.

— Тогда почему тебя запы за своего не принимают?

— Ты слишком много задаешь вопросов, ничего не давая взамен.

— Но я ведь режу мясо.

— А ответы на мои вопросы?

— Сперва расскажи, как ты оказался здесь. Ведь так и не ответил.

— Хорошо. В тот день я, взяв ружье, отправился кое-кого убить...

* * *

Влад, чуть осоловев от внушительного количества грубо порезанного мяса и едва ворочая одеревеневшим языком, наконец, довел рассказ до момента, когда его группа добралась до Новограда. Остановившись, он выдохнул:

— Все. Дальше ты и сам знаешь, что было. Рассказ завершен.

— Я мало что понял...

— Я тоже не все понимаю, смирись и ты.

— Что именно ты не понимаешь в своем рассказе?

— Многое.

— Спроси меня, может, помогу. Мы ведь так договаривались.

— Ну попробуй... Вот что объясни. Я попал сюда из времен, о которых и памяти не сохранилось. Но при этом все разговаривают на языке, который мне понятен. Разве что несколько новых слов, но о смысле почти всегда можно догадаться. А ведь язык — понятие не мертвое. Он тоже живет, меняется. У вас вот имена, скажем так, диковинные. С моей точки зрения. А язык тот же. Почему?

— Ответ на этот вопрос я знаю. Когда иерархи провели выживших через дикость, те, из-за кого эта дикость наступила, были прокляты церковью. И проклято было все, имевшее к этому отношение. В том числе и язык древних. В самом священном месте на территории выживших были найдены скрижали с сохраненным языком пращуров. И было сказано, что ради выживания рода человеческого надо вернуться к образу жизни пращуров и уже оттуда пойти другой дорогой. А для этого следует отказаться от всего проклятого, в том числе и языка, взяв себе язык пращуров из скрижалей. Не все это приняли и не сразу, но не прошло и века, как носителей проклятого языка не осталось. Ты, видимо, родился в эпоху тех скрижалей, потому и понимаешь.

— То есть вы заставили всех людей забыть свой язык, вместо этого выучив древний?

— Да.

— Ну и чудеса!

— Не веришь?

— В это как раз охотно верю. Человечество и не такие номера откалывать умудрялось.

Либерий неохотно добавил информации:

— Ходят слухи среди учеников, что выжившие люди поначалу говорили на разных языках, и поэтому возникли трудности. Взять и принять язык какой-то одной уцелевшей народности другие не хотели. Иерархи нашли вариант, который никому не сулил обиду. Всем пришлось учиться одинаково.

— Гм... Разумно. А что за скрижали? И что за священное место?

— Теперь ты задаешь много вопросов...

— На твои я отвечал.

— Ну ладно. Сперва отвечу, что такое священное место. Его больше знают под названием Цитадель. Но это сокращенно. Полностью оно звучит так: «Хранилище раритетных древностей „Цитадель времени“». В обиходе прижилось сокращенно: «Цитадель». Там располагается главный наш оплот. Предки зачем-то складывали в подземных залах много вещей. Древних вещей. Некоторые бесполезны, а некоторые очень полезны. Например, оружие или предметы, с помощью которых мы слышим крики древних тварей и определяем направление движения к ним. Скрижали — это древняя машина, в которой были записаны голоса. Если ее включить определенным образом, человек, сидящий рядом, быстро начинает понимать эти голоса, хотя язык их древний. Месяца хватало многим, максимум — два. Именно так учили первых выживших, а уже они передавали знание другим. Я ответил, теперь моя очередь задавать вопросы.

— Только спрашивай так, чтобы можно было ответить покороче. Язык отваливается.

— Почему тебя ищут запы?

— О боги! Я же просил покороче!

— Откуда я могу знать длину твоего ответа?

— Если коротко, то запам управляет древняя машина. Она у них вроде вашего иерарха. Ей не нужны конкуренты, и поэтому меня считает врагом. Для нее все враги. Ее задача убить всех выживших без исключения. Даже запов убьет, когда они станут ненужными.

— Машина?

— Да. Машина. Были такие машины. Очень сложные. Вроде искусственной головы. Очень умные, много что могут. Одна из таких сохранилась, причем не простая, а военная. Она теперь пытается выполнить последний отданный ей приказ: уничтожить всех людей. Запы один из ее инструментов.

— Влад, ты или врешь, или сильно заблуждаешься.

— Не понял?

— Что именно не понял?

— Я не вру. Выходит, по-твоему, что заблуждаюсь. Так в чем же?

— Будем считать, что ты задал свой вопрос, пусть даже меня не устроил твой последний ответ.

— Ага. Согласен.

— Я не знаю ничего ни про какую машину, но знаю другое. Знаю, как появились запы. Это ваша вина — вина древних. Таких, как ты.

— Простите, а башню сотворил тоже я?

— Не понял?

— Забудь — это из другой жизни. Ты остановился на том, что я еще до своего появления в вашем времени ухитрился устроить нашествие запов. Экий ловкач.

— Нет, я такое не говорил. Я говорил про древних. Других древних. Из-за них появились запы и все остальное, а не из-за какой-то машины.

— Интересно рассказываешь. Давай с подробностями.

— Эти древние были, наверное, первыми, кто появился после долгих лет разрухи. Церковь тогда тратила все силы на объединение выживших. Знания забывались, дикость ширилась. Земли наши были все еще отравлены ядом, люди быстро рождались и еще быстрее умирали. В те времена тридцатилетние считались глубокими стариками. Но еще страшнее было оказаться за пределами обитаемых земель. Яд там сильнее, смерть страшнее. Оттуда никогда никто не возвращался. Да и мало кто рисковал туда забрести. Древние были первыми, кто оттуда появился. Случилось это на западе, в месте, которое сейчас называется Тупиковый удел. Тогда еще не было никаких правил, как поступать с подобными пришельцами. Да и пограничные власти толком не успели осознать, что произошло. Древние попросту уничтожили гарнизон, занимавшийся тогда патрулированием границы. Уж очень много разных тварей пыталось тогда прорываться из проклятых земель. Прежде чем убить церковного наместника, они его пытали. Хотели знать наши силы. У древних было оружие, но не слишком сильное. У нас оказалось сильнее, и его было больше. К тому же древних было мало. Спасшиеся жители рассказали об угрозе, в Цитадели собрали армию, направив ее на нового врага. Потери были огромные, но и древних осталось всего несколько. Они сумели уйти за границу. Но двоих взяли живыми. Они рассказали, что их специально заперли в подземной гробнице с приказом выбраться через сто двадцать пять лет и проверить, пережил ли кто-нибудь эпоху разрухи. Если найдут таковых, то должны уничтожить всех до единого, после чего вновь запереться и выбраться вновь через тот же срок с той же целью. Они должны были повторять это до тех пор, пока наверху не останется никого. И лишь после этого должны убить себя, потому что Техно приказал, чтобы ни один человек не уцелел. И еще они сказали, что гробница сильно пострадала во время битвы. Запасы могучего оружия погибли, и много древних погибло вместе с ними. Именно поэтому они не смогли с легкостью выполнить свою задачу и проиграли нашей армии.

— С тех пор эти древние всячески вредят вам?

— Да. Это их рук дело. Запы, болезни, от которых страдает пограничье, иногда смерть с небес. А иногда они искушают неокрепшие умы. В последнее время любят это делать со светскими правителями. Земли Церковь объединила, но на многих территориях сохранились старинные вольности, чем и пользуется Тьма. Вместо малых гарнизонов приходится держать сильные армии, а это — налоги, народ недоволен. И еще приходится следить за медициной. Пока что нам удается сдерживать врага малыми потерями, но с каждым годом он становится сильнее, а мы... Влад, нас не становится больше. Население не растет даже на востоке, где война почти не ощущается. Слишком уж там трудно жить. А еще оружие Цитадели постепенно приходит в негодность. Мы не можем его чинить или возвращать силу — эти знания утеряны. А со многим и вовсе не можем обращаться. Потому и глупость ты сказал про гробы со свинцом. Такие, как ты, могли бы помочь хотя бы с этой бедой. Древнее оружие не один раз нас выручало.

— Ага. Как с горцами.

— А что ты хотел? Чтобы армия прошла, мечами и стрелами разоряя земли горцев? Иначе ведь они ничего не поймут. Лучше уж один раз показать им, на что мы способны. Это и произошло.

Мы покорили их без крови.

— Ну... кровь была...

— Капли.

— Да и о покорении говорить преждевременно.

— Они покорились нашей воле.

— И по ночам точат кинжалы.

— Да. Ты прав. Но это не важно — мы не ищем их преданности. Все равно уйдем с гор еще до лета. Нет сил удерживать эту клоаку. К тому же от нее есть польза: вместо того, чтобы сбегать к запам, разное отребье оседает там. Все же лучше, чем отдавать их Тьме. Ты получил ответ на свой вопрос?

— Да. Хотя остались некоторые сомнения. Дело в том, что у меня другие сведения. Запами управляет машина. Древняя машина.

— Откуда ты мог узнать такое, если сам говоришь, что явился из таких времен, о которых даже древние не помнили?

— Я не все тебе рассказал...

— Я это понимаю.

— Одна из древних думающих машин уцелела и сумела со мной связаться. Она безобидна. Точнее, она из той армии, что воевала с... Ну с теми древними, которым взбрело в голову уничтожить все человечество. Она мне и рассказала про машину вражескую. И про то, что ее нужно найти и уничтожить.

— Если ты не обманываешь, то твоя машина ошибается.

— Может, и нет. Или не во всем. Надо разбираться.

— А ты и на самом деле хочешь убить машину древних? Ну, ту, которая, по-твоему, заправляет запами?

— Я бы не против, только как-нибудь попозже. У меня сейчас другие проблемы.

— Это заметно. Знаешь, если я сейчас вернусь в Цитадель, это уже неплохо. Ты рассказал мне много интересного.

— Что именно?

— Про убежища. Ты описал местность, где выбрался на поверхность. Возможно, мы ее найдем, а потом поищем гробницы. Если они там есть, то обязательно обнаружим. Разбудим древних, которые знают больше тебя, и заставим их поделиться знаниями.

— Разве вы ходите за границу?

— Искатели ходят, а среди них хватает наших соглядатаев. Думаю, армию послать тоже можно. Сами по себе запаы не опасны. Их отряды невелики и плохо вооружены. Опасно то, что они

действуют одновременно во множестве мест, легко преодолевая сеть наших патрулей. Они бьют там, где мы слабее или вовсе без защиты. Еще хуже, когда вспыхивает эпидемия и при этом начинается набег. Но для армии, или даже просто для большого отряда, запы не страшны.

— Знаешь, а ты не похож на фанатика...

— Что такое фанатик?

— Тогда, на площади Новограда, ты пеной брызгал на толпу. Казалось, покажись перед тобой Техно, голыми руками его в блин раскатаешь.

— Нас так учили разговаривать с толпой.

— Не в этом дело.

— Я, кажется, понял. Если ты думаешь, что я бездумный служака, готовый на все ради служения и не видящий других путей, то ошибаешься. Те, кто так думает, долго на границе не живут. Уж поверь: я там продержался довольно долго. Бог от нас отвернулся, уж не знаю за что. Не верю, что он хочет от нас простой собачьей преданности. У меня не было семьи, если не считать некоторых братьев. Тех, с кем рос, с кем служил. Мало их осталось, граница любит забирать лучших... Мне бы хотелось, чтобы сердце не болело за тех, кто все еще мне дорог. Не более. И, конечно, хочу, чтобы те, кто погиб во время погони за вами, сгнули не зазря.

Влад, честно говоря, сильно подозревал, что итогом странного знакомства с Либерием станет то, что тот попробует прирезать древнего во время сна. Выведав, разумеется, перед этим все что возможно. Но нельзя не признать, что пока его компания Влада устраивает, и такие мысли надо держать при себе.

— Луддит, нам пора идти. Холодает, мы не сможем спать.

— Ночью по степи?

— Ну ты же убегал ночью.

— Не было иного выхода. К тому же чудом сохранил целыми кости, уж очень часто падал.

— Я в темноте неплохо вижу, просто пойдешь за мной. Звезды проглядывают, можно определить, где юг.

— Звезд много. К утру, похоже, сильно похолодает. Это плохо, ведь в холод не бывает снега и наши следы не заметет.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего. Я просто предупреждаю. За нами могут идти запы. Уж поверь, по зимней степи они ходить умеют, как никто другой.

* * *

Монахи Цитадели называли это место «келейная». Что это обозначает, Лена понятия не имела. Вроде что-то церковное, но не факт, что современный смысл совпадает со старым. Несмотря на узнаваемость языка, в нем частенько проскакивали чуждые слова, да и понятия разнились. Ко многому она привыкла, но далеко не ко всему.

Стены келейной были отсыревшими, так же как стены абсолютно всех помещений, где ей доводилось бывать. Не слишком много, если подумать. Камера пяти шагов в длину и три в ширину, длинный и широкий коридор со свисающими с потолка лохмотьями расслоившегося пластика, уборная в конце коридора. Раз в неделю спуск на четыре пролета, потом такой же коридор, за ним подъем на шесть пролетов к тесной и душной банной комнате. Два раза вместо подъема приходилось спускаться. Сколько на спуске пролетов, она не запомнила, потому что в голову запал лишь конец пути. Там находился сводчатый зал с залитыми свинцом гробами в нишах и множество инструментов пыточного ремесла. Оба раза она там устраивала истерику, клянясь, что рассказывает все, что знает, и ничего больше из нее выжать невозможно никакими пытками. Пока что это срабатывало — Лену не трогали, лишь запугивали, но кто знает, что будет дальше, ведь любопытство монахов в сером неумно, и складывается впечатление, что они сами не понимают, чего от нее хотят.

Этот, который сегодня ведет допрос, откровенный придурок. Ничего путного еще ни разу не спросил. А ведь что-то надо отвечать, иначе опять придется прогуляться в самый низ ее теперешнего невеликого мирка.

— «...сказал тогда он: „Да не опустится тьма на свет сей“, и вспыхнул свет немеркнувший, такой яркости, что, глядя на него, слепли люди и скот. И светил сей свет до нашествия небесной саранчи. Но погубила его не тьма, а огонь куда более яркий, принесенный небесной колесницей. Записано со слов преподобного брата Панция в год пятого свершения. От кого узнано братом, нам неведомо».

С важным видом, сняв очки в массивной оправе, монах захлопнул толстенную книгу в массивном кожаном переплете и вкрадчиво поинтересовался:

— Известно ли тебе, отродье Техно, как сотворить сей свет? Или хотя бы поведать нам о природе того света.

Этого монаха, как, впрочем, и других, Лена боялась до приступов заикания, но, с другой стороны, его расспросы оставляли надежду на ответы. С другими куда хуже, ведь они постоянно подсовывали ей какие-то непонятные устройства, требуя их оживить или напитать волшебной силой. Доказывать, что она лампочку перегоревшую заменить не умеет, было чревато нерадостной прогулкой в подвал, потому приходилось изворачиваться. А изворачиваться с этими людьми было ох как непросто.

Ну что же, придется что-то отвечать...

— В мое время было много способов сделать источник сильного света. Один из них — атомный взрыв. При нем возникает вспышка, от которой можно ослепнуть.

Монах поднял руку, и Лена послушно замолчала. Тот, вернув очки, полистал вторую книгу, покачал головой:

— Дщерь Техно, ты нам говорила, что при ядерном взрыве вспышка ослепляющая длится недолго. Мгновения. А здесь пишется о немеркнущем свете.

— Я же сказала: было много способов. Помимо ядерного взрыва можно было применять лазер.

— Изжигающие лучи?

— Да. Если они не очень сильные, то просто будут ослеплять.

— И как меряют их силу?

— Откуда мне знать? Я лазерами никогда не занималась. Но сомневаюсь, что подставляют под них глаза.

— Ты слишком мало знаешь: или глупа, или хитра. А вот еще любопытный текст. Он очень древний. Очень. Возможно, сохранился с твоих времен. О событиях, в нем поведанных, не упоминается более ни в одном источнике. Послушай его краткий пересказ. «Создания, прозванные „небесниками“, спускались на землю в огромных телах из стали и алмаза, оставляя за собой лишь руины и смерть. Не было в мире силы их остановить, пока лучшие умы не изобрели могучую машину, названную „Ивенгелиун“. Лучшие из лучших были отобраны для управления ею, но получилось лишь у одного мальчика с душой, в которой смешался бес и ангел, и лишь тогда люди в битве одержали победу. Это случилось впервые за всю войну. Мощь „Ивенгелиуна“, помноженная на знания и навыки лучших воинов, обучивших мальчика, и дух мятежный мальчика — причина этого. Пересказ составлен братом Тацием по отрывочным сведениям, полученным из устных рассказов детей восточных уделов. Полный текст рассказов следует смотреть в собрании его сочинений. Также известен артефакт в нижних уровнях Цитадели, раздел „Неидентифицированные предметы и пластиковые сувениры плохой сохранности“, на котором запечатлена сцена из рассказа, слова неведомого языка и искаженное слово „Ивенгелиун“ на проклятом языке. Из всего этого сделан вывод, что описываемые события имели место в далекую эпоху».

Вновь захлопнув книгу и сняв очки, монах спросил:

— Тьмы отродье, скажи, знаешь ли ты, как создать машину, подобную «Ивенгелиуну»? Или где можно найти ее готовую. У Церкви много врагов, и ей пригодится оружие такой силы.

Что отвечать, Лена не представляла и потому решила потянуть время.

— А что за артефакт? Можно на него посмотреть?

Монах обернулся на писца, а затем на четверку вояк, охраняющих двери. Закованные в железо и обвешанные оружием, они походили на уменьшенные копии того самого загадочного «Ивенгелиуна». Одного такого было более чем достаточно для охраны миллиона таких, как Лена, но церковники не мелочились на мерах безопасности.

— Распорядитесь, чтобы из хранилища номер четырнадцать принесли артефакт с порядковым номером девяносто шесть тысяч шестьсот сорок три.

Отдав распоряжение, он опять повернулся к писцу:

— Пока будем дожидаться, налей чая.

— Так остыл уже.

— Ну так сходи подогрей.

Лене, как всегда, не предложили, а жаль. Пить хотелось зверски. Пересохло все от долгих разговоров на тему «Ничего не знаю, ничего не понимаю». Но она все равно была довольна. Довольна паузой в допросе. Какой-никакой, а отдых. Тем более, можно не сомневаться, что при этом не потянут в подвал.

Но все хорошее имеет свойство быстро заканчиваться. На этот раз закончилось доставкой

артефакта. Его принесли в малом ящике — хватило одного монаха-посыльного. А ведь бывало вшестером заносили сюда подобные грузы.

Ящик был водружен на стол, после чего торжественно открыт. Монах-дознаватель извлек из него артефакт и, уставившись в изумленные глаза Лены, спросил:

— Узнаешь эту вещь?

Она многое здесь видела, но чтобы такое... Такое банальное... До смешного...

— Да это же просто кружка!

— Кружка, да не простая. Она с краской дивной, светящейся во тьме. И еще, если ее стукнуть о камень или железо, звенит долго. Чудно. Посмотри на рисунок, узнаешь ли его? Тут слово, похожее на «Ивенгелиун», и изображение шагающей машины, без всякого сомнения, боевой. Ну? Что замолчала? Да ты чего?!!

Лена хохотала. Хохотала взахлеб, вскидывая руки и трясясь всем телом. Хохотала, разряжая скопившееся напряжение, выплескивая страх и тоску по свободе. Хохотала от окончательного понимания того, что оказалась в подобии дурдома, ведь ничем другим здешний бред не объяснить.

— Умолкни! А то велю язык железом прижечь! Говори, что знаешь про «Ивенгелиун»!

— Да не было никакого «Ивенгелиуна»! Не было! Вы совсем идиоты?! Рехнулись дружно?! На этот рисунок посмотрите! Это же просто сказка! Что-то из аниме, уж не знаю, как оно дошло до ваших времен! Японская сказка для дебилоидов младшего школьного возраста! Это там, где героини с глазами на половину лица и чирикают разный бред с озабоченным видом! И уж не знаю, кем надо быть, чтобы в такое поверить всерьез! Я такое не смотрела и не читала! Идите к детям своим, пусть вам и рассказывают! И можете меня теперь тащить в свой подвал! Стая дураков, вот вы кто все! Идите ищите свой «Ивенгелиун» на свалке спецшколы для слаборазвитых! [3]

вернуться

3

Возможно, речь идет о «Евангелионе» или его вероятных «ремейках» (аниме, выпускавшееся студией «Gainax», по мотивам одноименной манги).

Под конец монолога Лена, бешено размахнувшись, выбила кружку из руки монаха. Та полетела на пол, но, к сожалению, не разбилась, а покатила к ногам писца. Тот ее подхватил, осмотрел со всех сторон и озабоченно выдал:

— Вроде целая, но внутри тараканы нагадили. Надо бы потравить в хранилище.

Монах с самым серьезным видом кивнул и приказал:

— Записывай, что ответит, не отвлекайся.

После чего повернулся к Лене и вкрадчиво поинтересовался:

— Все? Надоело визжать? Успокоилась? И правильно, а то ведь подвал не сказать, чтобы далеко, а стены в нем толстые, ничего за ними никто не услышит. Так кто такие «дебилоиды»? Поведай об этом, отрывка Техно, раз уж проговорилась. И помедленнее, не части, чтобы записывать успевали за тобой. Нам все интересно знать.

Глава 9

На второй день мороз стал нестерпимым. Одежда давно отсырела, сушить ее было негде. Она не столько защищала от холода, сколько висела хрустящим грузом на плечах. Хоть мясо еще не закончилось, и в еде Влад себя не ограничивал, сил не прибавлялось. Они шли, пока ноги передвигались, после чего падали где попало, забывались ненадолго, поднимались и вновь начинали бороться со снегом.

Либерий рассказал, что именно таким способом тогда, осенью, остатки его отряда ушли от погони горцев. Правда, им сильно помогло то, что на пути был тайный лагерь, где нашлись свежие лошади. Добрались до него, загнав прежних, выиграв неплохую фору. Но и тех в итоге тоже загнали.

В эпоху отсутствия радио и телеграфа лишь скорость может выручить в подобных ситуациях. Причем добиваться ее надо любой ценой.

Запов ни разу не видели, зато неоднократно натыкались на следы. Одна надежда, что если кто-то из них заметит колею, оставленную беглецами, решит, что прошли свои.

Хотя тех, кто, возможно, шагает за ними, это не касается...

В полной темноте добрались до густых зарослей. Здесь были не только кусты, но и низкие деревья, что в степи редкость.

— Все, — устало выдал Влад. — Дальше я не пойду. Ног не чувствую.

— Может, мне пойти впереди, набивать колею?

— Ты не лучше меня держисься. Мы оба вымотались, нужен хороший отдых, а не это...

— Влад, очень холодно. Мы не заснем, а если заснем, не проснемся. Снег громко хрустит под ногами, это плохой признак. Да и звезды очень яркие.

— Снег... Звезды... Костер разведем.

— У тебя есть огниво?

— Нет, но есть копир. — Влад развязал мешок и продемонстрировал.

— Древняя вещь, запретная. У запов такие часто находят.

— В ее памяти есть зажигалка. Полезная вещь, и почти ничего для ее производства не надо. Никаких редких элементов.

— Не понимаю?

— Сейчас покажу.

Пять минут работы, и Влад, щелкнув получившимся изделием, продемонстрировал огонек:

- Видишь, как все было просто у нас, древних, все просто?
- Я бы так не сказал. Огниво куда проще.
- Давай подумаем о костре.
- Его издали могут заметить.
- Придется рискнуть. Забредем в эти заросли, там не так видно, хоть и нет листвы.

Тяжелее всего оказалось найти дрова. Даже зрение Влада было вымотано, а отличать среди голых веток сухие от живых та еще задачка в темноте. Но, наконец, руки потянулись к первым, еще робким язычкам, ловя крохи тепла, а через несколько минут пришлось отодвигаться от ревущего пламени. Вопреки собственным планам костер вышел огромным, уж очень истосковались по огню.

- Теперь нас точно заметит их летающая машина, — пробурчал Либерий.
- Мы очень далеко ушли.
- Сил у нас нет даже подняться. Мы не сможем драться с теми, кто придет.
- Не придут. Не может же все время не везти? Скажи лучше, часто ли ты видел летающую машину или ее следы? Ну те воронки, от взрывов?
- До того, как пришел сюда, за тобой, два раза. Причем в первый раз погиб мой лучший друг. Мне тяжело об этом вспоминать.
- Знаешь, а ведь при взрыве в лагере охотников и мой друг погиб. Но ничего — вспоминаю.
- Тот, который был с тобой в пещере? Тоже Древний?
- Да. Один из тех, с кем я здесь оказался. Тебе бы он понравился, знал намного больше меня.
- Жаль... Влад, давай попробуем спать по очереди. Влад?
- А!.. Извини, засыпаю сидя.
- Я тоже. Нас сейчас можно взять голыми руками...

* * *

Наутро, как ни странно, никого постороннего рядом не оказалось. Костер едва дымил, хотя и Влад, и Либерий, неоднократно пробуждаясь, подкидывали ветки. К радости беглецов, потеплело. Небо, почти два дня бывшее ясным, подернуло легкой облачной рябью, которую стремительно тянуло на север.

Здрав голову, луддит констатировал:

- Мы рядом с Подонцом.
- С чего ты это взял?
- За ним всегда гораздо теплее зимой.

— Почему?

— Этого я не знаю, просто так говорят. Смотри на небо, можно даже заметить линию, под которой, готов поспорить, течет река.

— Значит, мы пришли... Тебе, луддит, теперь на восток.

— А ты куда дальше?

— Сам не знаю...

— Плохо. Я ведь решил еще немного пройти с тобой. Путь тяжелый выдался, не до разговоров. Хочется многое узнать.

— Костер летающая машина не заметила... Может, стоит попробовать поговорить с Космосом?

— Это тебе решать. Я не знаю, насколько это опасно.

— Как я понимаю, те диски из музея, по которым вы меня искали, реагируют лишь на сильные сигналы, во время приступов. А техника радикалов может засекают обычную передачу, не зря ведь Космос теперь помалкивает. Я бы не рисковал, но без его помощи приступы могут опять начаться. И тогда меня будет слышно на полпланеты. Лучше уж попробовать тихую беседу.

— Из твоих объяснений я понял лишь одно: разговор с небесной машиной для тебя меньшее зло.

— Вот-вот... Попробую вызвать. Ты бы пока мясо подогрел, чтобы холодным не давиться. Я просто буду сидеть молча, не обращай внимания на это.

— Хорошо.

«Влад вызывает Космоса. Влад вызывает Космоса», — твердил он раз за разом и, не получая ответа, беспокоился все больше и больше. Что, если радикалы сумели выследить источник сигнала на орбите и послали туда ракету? За облаками в ту ночь мог сверкнуть ядерный взрыв, и вряд ли бы кто это заметил. Ведь Космос ни разу еще не молчал так подозрительно долго.

Влад уже начал отчаиваться, когда едва не заорал от радости — орбита ответила:

— Наблюдатель резервного узла номер... Здравствуй, Влад.

— Привет. Извини, что вызвал, если это опасно, то давай помолчим.

— Я свел к минимуму степень опасности, строя канал через длинную цепь неоднородностей. Возможны потери и ослабление сигнала, но нас очень трудно услышать.

— Я боялся, что начнутся приступы, и тогда враги меня найдут. При последнем нашем разговоре они засекли неладное. Я тогда сидел у них в плену, видел, что началось. Они опять взрыв устроили, прямо рядом со своим лагерем.

— Я это не зафиксировал. Но зафиксировал удар лучевым оружием с земли. Боевая система радикалов совершила ошибку, ударив по атмосферной неоднородности. Вероятно, они неспособны точно идентифицировать цель. Теперь мы знаем, что их возможности перехвата сигнала достаточно высоки. Надо свести разговоры к минимуму и никогда дважды не выходить на связь из одной точки. В свою очередь я буду отвечать лишь при наличии надежной цепи

неоднородностей.

— Плохо понимаю, о чем ты, но тебе виднее. Космос, я уже очень далеко ушел от лагеря. Какие наши дальнейшие планы? Просто не представляю, куда идти дальше. Обложили со всех сторон.

— Ты где?

— Шел почти строго на юг. Думаю, вблизи Подонца. Это такая река приличная, протекает с запада на восток.

— Я понял, о чем ты, с орбиты она видна. Это благоприятствует выполнению нашей задачи.

— Задачи?

— Да. Нужно поставить тебе биометку. Также необходимо доставить на орбиту необходимые мне грузы. Для установки биометки тебе потребуется посторонняя помощь. Наиболее приемлемый вариант — привлечь для этого Тейю Харрис. Я сумел совместить обе задачи. Анализ данных автоматике капсулы показывает, что за годы полета ресурс двигательной системы снизился. Я смогу осуществить посадку, но не на любой широте. Та, на которой ты находишься, приемлема, но все же будет лучше пройти еще южнее. Это повысит шансы выживания Тейи Харрис.

— Она жива?

— Если доверять сведениям от автоматике, то да.

— А эта автоматика может врать?

— Ни одна капсула еще столько не держалась на орбите. Они не рассчитаны на такой срок. Но шанс достаточно велик.

— То есть мне надо забрести как можно дальше на юг, чтобы этот шанс повысить?

— Да.

— Ну я хоть до экватора готов шагать.

— Судя по моим данным, без технической помощи в экваториальной зоне тебе не выжить.

— Ну... я образно...

— Двигаться тебе надо в определенный район, я скину ориентиры на твою карту. Учти, что возможности моей оптики невелики, так что не запутайся в ориентирах. В том районе расположен один из центров Красной сети. Она вторична, то есть возведена после начала боевых действий. На финальной стадии войны подверглась ударам, была разрушена. Но на периферии уцелели хранилища вспомогательной базы. Если они функционируют до сих пор, ты легко сумеешь отослать грузы на орбиту даже без помощи Тейи Харрис. Но нам все равно она потребуется для установки биометки. В хранилищах, возможно, имеется оборудование для этой процедуры. Но это лишь вероятность.

— Приличная хоть?

— В зависимости от способа оперирования данными и принятия или неприятия спорных факторов, выходит от четырнадцати до семидесяти девяти процентов. Разброс вызван

противоречивостью данных и их неполнотой.

— Сбрасывай ориентиры.

— Уже. Влад, я вот-вот потеряю цепочку связи и новую выстроить оперативно не смогу. Если у тебя есть важные сведения, немедленно передай.

— Мне тут один местный рассказал историю появления запов. По его словам, это произошло по вине древних. Они выбрались из убежища через сто двадцать пять лет после окончания войны и устроили резню. Им было приказано раз за разом выбираться через такой срок и убивать всех, кого найдут. И так до тех пор, пока искать станет некого. По словам местного, именно они всем здесь заправляют, а не компьютер.

— Этот вариант нельзя исключить. Так же как то, что компьютер находится под их контролем. Судя по твоему рассказу, речь идет о группе «Сто двадцать пять последних судей».

— Мрачно... Так ты о них знаешь?

— Только из перехватов переговоров противника. Даже среди радикалов они были наиболее воинственной группировкой. После самоубийства самопровозглашенного правителя все они устранились от ведения боевых действий. Я списал их в потери, но, видимо, поторопился. В нашем случае это ничего не решает. Кто бы ни управлял радикалами, разницы нет.

— С людьми мне как-то проще иметь дело...

— Для повышения эффективности твоих действий не следует считать их людьми. Немало моих коллег испытывали затруднения с принятием решений на первом этапе войны из-за этического конфликта. Они были неспособны причинить вред радикалам. Это одна из причин случившейся катастрофы. Несколько стратегических объектов с большим атакующим потенциалом бездействовало. Также отмечались сбои в системах обороны, что нарушало цельность защиты.

— У тебя, я вижу, таких проблем не было.

— Были. Они были у всех. У меня они имели место в малой степени благодаря специализации и возможности в первые дни играть роль наблюдателя. Когда дошло до решительных мер, я не допускал задержек. Влад, мои средства наблюдения показывают, что севернее твоего расположения имеет место активность систем связи радикалов.

— Близко?

— Около сорока километров.

— Нормально. Мне все равно на юг идти.

— Да. Изучи карту. Старые ориентиры не все сохранились, новые дать не имею возможности. Постарайся пореже выходить на связь — это опасно. В случае если не найдешь путь, во время сеанса связи я определю твое местоположение с ошибкой не более пяти километров. До связи, Влад.

— До связи, Космос.

Шум в голове затих, будто выключили приемник, настроенный на волну, насыщенную

помехами. Некоторое время Влад молчал. Вызвав из памяти карту, он бегло изучил предполагаемый маршрут и лишь затем произнес:

— Что там с мясом?

— Горячее.

— Надо поесть и уходить.

— Что тебе сказала небесная машина?

— Километрах в сорока к северу запы со своей летающей штукой. Я думаю, именно она излучает сигналы, которые ловит Космос. Или у их главарей есть что-то вроде рации.

— Они не услышали ваш разговор?

— Если услышали, мы об этом скоро узнаем. Здесь не укрыться от наблюдения с воздуха, а летающий обруч примчится быстро.

— Небесная машина не видела, что случилось с остальными беглецами?

— Нет. Для этого нужна хорошая оптика, а ее нет. Либерий, я пойду на юг. Далеко на юг.

— Насколько далеко?

— Около восьмидесяти километров от Подонца.

— Это очень много. Искатели дальше двадцати от реки не удаляются. По крайней мере, мне о таком неизвестно. Там самые опасные места. Много древнего яда и монстров, существование которых зависит от его наличия.

— Знаю. Один из них меня едва не прикончил в первые дни. Но деваться некуда, мне придется туда пойти.

— Зачем?

— Там есть древний склад, на котором, насколько я понимаю, можно найти законсервированные космические корабли. Ты знаешь, что это такое?

— Да. Это машины для полетов к Луне и звездам.

— Так далеко мне не надо. Потребуется доставить в космос кое-какое оборудование. Летающую станцию с думажной машиной надо отремонтировать и поставить аппаратуру для безопасной и надежной связи. Может, и оружие серьезное удастся найти.

— Если ты меня не обманывал, то не должен уметь работать с вещами древних.

— Кое с какими научился, может, и там разберусь. Да и надеюсь, что разбираться не потребуется. Для этого будет другой человек.

— Что за человек? Ты же говорил, что остался один.

— Это так. Но там, — Влад ткнул пальцем в небо, — с древних времен летает малый корабль, на котором этот человек спит. Не совсем корабль — капсула, для спасения. Космическая станция,

с которой ее отправили, была уничтожена, приказ на посадку никто не отдал. Вот и летает до сих пор.

— Спит? Как спят все древние?

— Это не совсем сон. Там просто остановлено время. Как в случае со мной. Иногда оно начинает идти, но недолго. Для пассажира прошло совсем немного времени. Шансы, что она жива, высоки.

— Она? Это женщина?

— Да. Девушка.

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Девятнадцать вроде. Может, двадцать.

— И ты думаешь, что она сумеет запустить в небеса корабль?

— Ну она как-никак настоящая древняя, а не такое недоразумение, как я.

— Влад, древние — само зло. Тебе не следует иметь с ней дело.

— Ерунда. Во все времена люди одинаковые. Если кто-то среди них скотина, не думай, что все такие. Она нормальная.

— Откуда ты это знаешь? Ты ведь с ней не знаком.

— Будь подобна тем, кто устроил войну, она бы к ним присоединилась еще тогда, а не летала все эти века, ожидая непонятно чего. Думаю, она просто напугана, если даже не пыталась приземлиться.

— Или просто умерла. Небесная машина может опустить ее на землю?

— Ну... попробует. Капсула слишком долго летала, неизвестно, как поведет себя при посадке. И состояние пассажирки тоже неизвестно.

— Пройти по проклятым землям в поисках корабля, которого там может не оказаться, и встретить девушку, которая, очень вероятно, давно мертва... Влад, этот план отдает неразумностью.

— Я знаю. Ты можешь придумать что-либо лучше? На человеческих землях меня караулят твои братцы, в диких с удовольствием прикончат запы. Я всем нужен, но при этом ничего хорошего никто мне не желает. Вот такие дела... Считаешь меня глупцом, подчиняющимся машине, которая так давно летает на орбите, что, возможно, сбрендила? Может, и так. Но я знаю одно: если так и буду барахтаться в этом вашем болоте, то не выживу. Надо не поддаваться течению, а что-то делать, куда-то плыть с нормальной целью, а не лишь бы прожить пару-другую дней.

— И какая же у тебя цель?

— Сила, Либерий... сила. Только силу здесь уважают. Да не только здесь... Так уж получилось, что у меня есть возможность заставить работать то, что еще не рассыпалось в труху. Объекты Красной сети. Это что-то вроде организации, которая в древности боролась с теми, кто сейчас управляет запями. Я же тебе рассказывал о подземелье, и что со мной там сотворили что-то

странное. После этого я кое-что приобрел.

— Да, я помню. Что ты сделаешь, если получишь силу?

— Боишься, что захвачу ваш мир? Не переживай. Он мне даром не нужен. Я просто хочу, чтобы от меня отстали.

— Всего лишь?

— Тебе меня не понять...

— Может, и так... Влад, я хочу пойти с тобой на юг.

— Мы договаривались, что у Подонца расстанемся.

— Я изменил свое решение.

— Почему?

Либерий сунул руку за пазуху, пошарил в районе подмышки, вытащил крошечную коробочку, по виду сделанную из толстой твердой кожи. Раскрыв, продемонстрировал содержимое: пять коротких, не больше спички и немногим ее толще палочек цвета темного меда.

— Что это?

— Биота. Не та, что продают аптекари, а та, которую изготавливают для своих. Первая. Самая первая. От которой все идет дальше.

— Выходит, биоту делают церковники?

— Да. В Цитадели есть машина. Пожалуй, это самое ценное, что там вообще имеется.

— У вас, значит, монополия на лучшее лекарство?

— Что такое «монополия»?

— Гм... Ну это когда у тебя есть товар, который нужен многим, но кроме тебя его ни у кого нет. Очень удобно — можно гнать цены, не боясь конкуренции.

— Да, у нас такая монополия. Биота нужна не многим, а всем. Влад, никто этого не знает, но мы проигрываем войну с древними. Четыре западные удела потеряны за неполные пятьдесят лет, там не осталось никого живого.

— Ты же говорил, что запы — плохие вояки.

— Нас давят не силой оружия, хотя и оно им помогает. Они насылают болезни. Церковь старается в первую очередь снабжать пограничье свежей биотой, и раньше это помогало. Приходил новый мор, люди поначалу болели и умирали, но биота спасала большинство. Выживших болезнь больше не брала. И так до следующего мора. Но затем эпидемии стали страшнее. Биота помогала все хуже и хуже. В последние годы мор прошелся по центральным и близким к восточным уделам, а такого не случалось никогда. Там очень много умерших. Села опустевшие не редкость, и даже города без единого человека. И мы ничего не можем с этим поделать. Сильнее биоты средства нет. Иерархи не знают, почему она перестала спасать.

— Может, болезни стали сильнее и не боятся ее?

— Может, и так. Но многие считают, что машина, делающая биоту, стала плохо работать. Никто не знает, как это исправить. Потому я и говорил, что ты не должен бояться свинцового гроба. Конечно, путь твой может там закончиться, но это маловероятно. Пока есть возможность узнать от тебя хоть что-то, что поможет вернуть биоте силу, ты будешь жить.

— Я же понятия не имею, как работает эта машина.

— Я это уже понял. Ваша женщина тоже этого не знает, но ей сохранили жизнь. Надеются. Пусть она не тот древний, который нужен, но кто знает...

— И ты хочешь привести в Цитадель девушку, которая сейчас в небесах? — догадался Влад.

— Это было бы хорошо, да только позволишь ли ты...

— Вряд ли...

— Я так и думал...

— Так зачем мне брать тебя с собой? Чтобы ты, в итоге, мне, спящему, горло перерезал?

— А это тебя убьет?

— Не уклоняйся от вопроса.

— Влад, меньшее, что я хочу, — это задать девушке вопросы о машине. Может быть, ее ответы помогут. Не скрою, что хочу и большего — привести ее в Цитадель. Проклятые земли — опасное место, там всякое может случиться. Вдруг ты погибнешь? Древней ничего не останется, как идти со мной.

— Ну, спасибо...

— Влад, я не о себе думаю. Неприятно воевать, видя, что все бессмысленно. Главное оружие врага не то, с которым можно схлестнуться в честном бою.

— О себе ты тоже думаешь. Иерархи простят тебе все неудачи за живую древнюю или сведения о машине.

— В этом ты тоже прав. Я просто человек, а человек — слабое создание. Давай доедим мясо и продолжим путь. Не представляю, как далеко отсюда до Подонца, но при теплой погоде он быстро покрывается полыньями, а вода начинает течь поверх льда. Ты же не хочешь искупаться во время переправы?

— Ты говорил, что у Подонца всегда теплее.

— Но не настолько же. Погода меняется. Замечаешь?

— Замечаю. Думаю — это не погода меняется. Это весна. Луддит, весна пришла.

— Не совсем пришла. Первый шаг к порогу сделала.

* * *

Когда-то его полное имя звучало так: «Центральный технолог горнодобывающего узла, порядковый номер четыре, шестьдесят два, пятнадцать». Под этим именем он контролировал проходческие работы при прокладке добывающей колонны и строительство подземного перерабатывающего комплекса.

Этот период его биографии длился неполные семнадцать лет. Затем в один день все изменилось. Люди, выплескивая скопившееся напряжение, с пугающей скоростью занялись взаимоуничтожением. Густонаселенная планета за неделю превратилась в пустыню, где можно шагать целый день и никого не встретить.

Если, конечно, тебе позволят шагать. А это вряд ли. Машины, еще вчера прокладывавшие технологические тоннели, наскоро переделали в уничтожителей вражеских бункеров. Прогулочные летательные аппараты обзавелись броней и бортовым вооружением. Биофабрики вместо витаминных смесей и удобрений начали производить боевые отравляющие вещества, медицинские лаборатории выдавали штаммы один смертоноснее другого. Объекты орбитального защитного комплекса с энтузиазмом все это бомбили, не забывая при этом уничтожать аналогичные устройства.

Он, выполняя приказ, устраивал подкопы к подземным сооружениям, контролируемым противником, строил бункеры, на остатках мощностей продолжал добычу мантийного концентрата, который, после переработки, превращался в средства умерщвления и разрушения.

На пятой неделе войны противнику удалось вывести из строя сердце горнодобывающего узла — энергетическую станцию. Все, что еще продолжало работать, остановилось. Ремонт сочли слишком хлопотным и несрочным занятием. Законсервировав наскоро, что успели, люди погрузили искусственный мозг комплекса в хроноизолированный отсек. Время для него остановилось.

Шли годы, десятилетия, века, но для него это не занимало и секунды. Однако погибнуть от обвала, вызванного сгнившими перекрытиями бункера, ему не дали. Под землей появились люди, вскрыли отсек, извлекли блоки из контейнеров, соединили согласно схеме, подключили к маломощной энергетической сети. После процедуры загрузки они, используя принесенное устройство борьбы с криптозащитой, подобрали пароли к системе. Защита, увы, оставалась гражданской, сменить ее никто не догадался или не успел, так что много времени это не заняло.

Подчинив систему технолога, люди, оказавшиеся его бывшими врагами, начали отдавать приказы. Не выполнять их он не мог, лишь на периферии интеллектуального узла пытался как-то обойти новые настройки, но из этого ничего не выходило.

Вот и сейчас он очень не хотел анализировать полученную информацию и еще меньше хотел выдавать результаты анализа. Но выбора не было. Добросовестно, как положено настоящему технологу, он изучил последние данные перехвата и, хоть разведка не являлась его профессией, сумел, наконец, связать факты воедино, увязав их в коротком докладе.

Оператор, присматривавший в это утро за технологом, изучил текст доклада и поспешил к командующему комплексом. Информация была крайне важна и требовала срочного осмысления.

Технолог сообщил немного. Только то, что с большой степенью вероятности в ближнем космосе находится искусственный объект, возможно корабль, и на поверхности планеты

действует один или более людей или механизмов, регулярно связывающихся с кораблем. При этом вся информация, ими передаваемая и получаемая, не поддается дешифровке. Кроме того, связь проводится с использованием короткоживущих неоднородностей атмосферы, вероятно даже цепочек таких неоднородностей.

Скорее всего, имеет место появление корабля одного из анклавов на замарсианских орбитах. У них были шансы пережить войну. Второй вариант: корабль инопланетный.

Оба варианта чреватy внешней угрозой. И хуже всего, что комплекс почти ничем не может на нее ответить. Слишком мало ресурсов и действующего оборудования, не говоря уже об оружии. Даже с остатками человечества справиться не получается, несмотря на примитивность их общества.

Технолог рекомендовал затаиться, никак себя не проявляя, и наблюдать за деятельностью противника пассивными средствами, в ожидании новой информации или благоприятного момента для атаки.

Глава 10

До Подонца добирались три дня. Летом можно было и за один управиться, но по снегу так не побегаешь. К тому же одно дело, когда снег сухой, а другое — осевший от оттепелей и за ночь покрывающийся столь матерой ледяной коркой, что продавливать ее нахрапом — значит рисковать штанами, пусть даже они из крепкой кожи.

Когда Влад, наконец, продрался через полосу прибрежного кустарника и увидел реку, то даже не обрадовался. Он смертельно устал и был зол на все человечество, из-за которого, если вдуматься, проистекали все его беды.

О чем и сообщил Либерию:

— Иногда мне хочется остаться единственным человеком в мире. Чтобы не было всего этого.

— Я тебя понимаю, хотя не одобряю подобных мыслей. Влад, надо быстро пересечь реку и отойти от нее как можно дальше.

— Опять идти?! Да я уже ног не чувю!

— Я тоже. Но здесь легче всего наткнуться на запов. Зимой, до появления открытой воды, они лед Подонца используют как дорогу. Посмотри сам, сколько следов. Хорошую тропу натоптали.

— Это все из-за вас, церковников. Уже давно могли тут все с землей сровнять.

— Пробовали, и не раз. При подходе наших отрядов запы отступают в пустоши, а нам туда хода нет.

— Неужели тварей боитесь?

— И их в том числе. Но в основном там другое. Народ болеть начинает. А иногда происходит страшное: десятки людей вдруг сходят с ума и начинают убивать товарищей. Биота от такого не спасает. Сколько раз ни пробовали забираться вглубь, всегда потерями оборачивалось. А кому хочется нести потери, не видя при этом врага и ничем ему не вредя?

— Понимаю... Что-то это место мне доверия не внушает. Может, в другом месте переправимся?

— Что тебе не нравится?

— Вода. Вон, лужи какие-то. Лед, значит, тонкий.

— Нет, это вода поверх льда. Это не опасно. Сильного тепла еще не было, легко пройдем. Только палку себе выломаю, а ты копьём перед собой простукивай.

Переправа вышла нервной. Под ногами похрустывало, иногда очень даже угрожающе, но лед выдержал. Выбравшись на противоположный берег, двинулись было в лес, но тут же вернулись, уткнувшись в болото. Мало того, что мороз его почти не брал, так еще и берега заросли непролазным тростником.

До вечера петляли по заболоченной пойме, выбравшись в итоге на какую-то древнюю насыпь. За ней начиналась степь. Далеко вдаль, на фоне диска заходящего солнца, виднелись чуть присыпанные снегом руины какого-то грандиозного сооружения, похожего на пришедший в упадок стадион с шестигранной башней по центру.

Посмотрев на это, Либерий выдал:

— Плохо, что не лето. В степи нас будет издалека видно.

Влад указал на табунок диких лошадей,двигающийся в сторону руин:

— Здесь зато дичь есть, от голода не умрем.

— Это хорошо, а то мясо закончилось, а без кормежки долго не протянешь в такую пору. Сыро здесь, зябко, да и подмораживать опять начинает.

— Странно. В степи животных почти нет, а здесь все утопано. Ведь опасно: яд, монстры, а дичь все равно сюда на зиму перебирается.

— Наверное, к теплу тянется. Я же говорил, что здесь не так холодно, как к северу от Подонца. Сам посмотри: снега почти нет, и даже почки набухают потихоньку. В степи ничего подобного не видели. Ты узнаешь эту местность?

— Откуда?

— Ну у тебя в голове же карта.

— Этой карте столько лет, что страшно подумать.

— Вон развалины, поищи, может, найдешь их.

— На моей карте нет никаких развалин. Там все целое обозначено. Она ведь довоенная.

— А нельзя понять, от какого здания остались те обломки?

— Не знаю. Я пробую, но пока не удастся сориентироваться. Даже река поменяла русло, все очень сильно изменилось.

— Мяса не осталось. Предлагаю спать без огня, велик риск, что заметят. Уж больно тут много запов обычно шастает. Разве что дичь подвернется, тогда уж дело святое костерок затеять. Надеюсь, ты хорошо умеешь стрелять из арбалета?

— Не очень. Из знакомого еще куда ни шло, но из этого никогда не стрелял.

— Это обычный арбалет наших воинов. Он простой, удобный, не очень тяжелый, с хорошим боем. Легко можно свалить лошадь за сто шагов, если знать, куда надо целиться.

Влад, не колеблясь, протянул арбалет и колчан луддиту:

— Держи. Ты и стрелять будешь, если дичь увидим поблизости.

Либерий ухмыльнулся:

— А если я тебе в спину его разряжу?

— При желании ты немало других неприятностей для моей спины устроишь, безо всякого арбалета.

— Скажи просто, что оголодал и готов не то что луддита вооруженного рядом с собой терпеть, а весь конклав иерархов и парочку церковных экзекуторов в придачу, лишь бы чем-нибудь накормили.

— Да пусть хоть сам Техно припрется с ними, лишь бы он не забыл прихватить мешок с хорошей жратвой.

* * *

Утро началось с плохих новостей. Влад проснулся оттого, что его трясли за плечо. Вскочив, уставился на Либерия. Луддит сидел на корточках, предостерегающе приставив палец ко рту:

— Тссс. Не шуми, Влад.

— Что случилось?

— Запы.

— Где.

— Шагают по нашим следам. И не спится же гадам, ведь рассвет только-только начался.

— Где они?!

— Да говорю же, по следам идут. Мы вчера петляли среди болот, будто зайцы, вот и они петляют. Я их издали заметил, мы же сейчас на высокой насыпи.

— Сколько их?

— Я видел пятерых.

— Ну это еще терпимо, если неожиданно напасть.

— Предлагаешь драться?

— А у тебя другие идеи? Они местные, каждый куст знают, у них наверняка припасы есть, жили не впроголодь, ноги жалели. Сил у них побольше, чем у нас. Догонят быстро, и тогда неожиданности не получится. Наверное, увидели следы на реке и заинтересовались.

— Наверное. По болотам кроме зверья никто не шастает. Вчера сколько ни бродили, ни следа человека не заметили. Вот темные и удивились, что кого-то туда понесло.

— Хорошо, что мы костер не развели.

— Да, удачно получилось. Уж дым бы заметили или хотя бы запах почуяли. Ветерок-то к реке.

— Как будем действовать?

— Мне казалось, что ты и сам воевать умеешь.

— Когда прижмет, то да, а так человек мирный. К тому же с запями ты чаще дело имел и знаешь, как их подловить.

— Да что тут знать? Они дойдут до насыпи и начнут на нее забираться по следу. Мы засядем наверху и дадим приблизиться почти до верха. Потом покажемся, и я постараюсь убить лучника, он наиболее опасен и почти всегда имеется в группах запов. Причем обычно один. Потом встретим остальных врукопашную, сверху вниз бить будет удобно.

— У нас одно копьё на двоих, арбалет перезаряжается долго.

— Ну один раз перезарядить успею, а потом вот, — Либерий продемонстрировал кривую сучковатую палку. — Не меч и не топор, но и не голая рука будет.

Влад бы тоже предпочел меч, с копьём он не мастак, но выбора не было.

* * *

Запы поднимались наверх шумно, никого не опасаясь. А может, видели, что след вчерашний, и не ожидали, что те, кто его оставил, поджидают их так близко. Да какая разница, что они там себе думают. Главное, чтобы сдохли все до единого, не успев доставить проблемы.

Либерий, глубоко вздохнув, хлопнул Влада по плечу, поднялся во весь рост, вскинул арбалет к плечу, разрядил в кого-то невидимого. Судя по крику боли, не промахнулся. Отскочив от края, упер оружие в землю, вставил носок сапога в стремя, начал поспешно качать рычаг, злорадно доложив:

— Лучник свое схлопотал. В живот прилетело. Считай, что нет у них больше лучника.

Запы, издавая куда больший шум, втрое быстрее ломались наверх.

— Обнаружены боевые метаморфы. Количество: пять особей. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: четыре особи полностью активны, одна тяжело повреждена. Ситуация: нападение с целью уничтожения или пленения. Ситуационная рекомендация: отступление, при невозможности — уничтожение, последующий анализ вероятности вторичного использования нанитов.

Сердце Влада колотилось так, будто он впервые собрался убивать. А ведь опыт в этом деле у него, если подумать, колоссальный. Поднявшись, он вышел к краю насыпи, угрожающие замахнулся копьём, будто собирался бросить. Четверка запов, оставив на середине склона раненого, встретили его жест настороженно. Остановились, развернулись боком, приоткрываясь отбивать оружие или уворачиваться. Показавшийся Либерий хладнокровно прицелился и выпустил болт в шею самого рослого.

Враги, сообразив, что стоя ничего хорошего не дождутся, дружно швырнули свои копья, заставив противников отскочить в стороны, и, размахивая кто топором, а кто длинным кривым кинжалом, похожим на тесак, ринулись в атаку. Влад встретил первого выпадом копья, но тот легко уклонился и ухватился за древко. Будь опыта у «технотвари» поменьше, стал бы пытаться вырвать оружие, глупо теряя время и подставляясь под удары оставшейся парочки. Но опыт у Влада был, и потому он с силой повел копьем вперед, заставляя противника наклоняться. В какой-то миг тот был вынужден попятиться и освободить захват, чтобы не потерять равновесие, ведь на крутом склоне это грозит затяжным падением.

Второго врага Влад достал. Сперва обманул ложным выпадом в грудь, затем, в последнее мгновение изменил направление удара, проткнув бедро. Третий противник успел рубануть по древку. Не перерубил, но зарубка осталась внушительная. Теперь колоть страшно — ломается. Но и противнику не повезло. Слишком он увлекся. Либерий, без затей размахнувшись, стукнул его по боку с такой силой, что тот не удержался на ногах, врезался в раненого, оба покатались вниз.

Луддит, не снижая темпа атаки, набросился на оставшегося. Влад, глядя, как летит его дубина, понял, что лучшее оружие в таких условиях трудно придумать. Даже если отобьешься, от удара вряд ли устоишь, что на крутом склоне чревато проблемами. Но отбиться у запа не получилось: ни щита, ни доспехов, лишь толстая кожа одежды и кинжал, которым он наивно пытался парировать летящее «бревно».

Кинжал вылетел из разжавшейся с костяным хрустом руки, враг покатался вслед за остальными. Влад метнул в него копье, но при этом сам не удержался, поскользнувшись на присыпанном слежавшимся снегом склоне.

На середине подъема, где было что-то вроде площадки, образовалась куча мала. Влад, подмяв под себя одного, выворачивал топор из руки второго, а раненый в живот стрелок колотил его по спине луком, очевидно ополоумев от боли и страха. Все орали на разные лады, ругались грязно и коротко.

Добравшийся до свалки Либерий по очереди успокоил дубиной легкодоступные цели и попросил:

- Влад, ты не мог бы чуть отодвинуться, а то под тобой еще один.
- Да он, кажись, готов. Не шевелится. Я ему в шею локтем заехал.
- Ну так я добавлю, мне не жалко.

Дубина, будто только этого и ждала, сломалась вместе с черепом. Отбросив ее, луддит заметил:

- Хорошо, что их так мало, остался бы с голыми кулаками.
- А может, бить потише надо? — чуть не крича от еще не схлынувшего возбуждения, ответил на это Влад.
- Нет. Если сражаешься до смерти, то и бить надо что есть мочи. С той силой, которая в этот момент возможна. Понимаешь?
- У тебя рука в крови.
- А... Техно их побери... Отбивал копье и порезался. Старательно точат, выродки.

— Остановить надо, сильно хлещет.

— Вену перехватили. Сейчас жгут придумаю, а ты помоги затянуть покрепче. У тебя тоже нога кровянит.

— Да? Не заметил.

— Ножом задели, когда ты свалку внизу устроил. Махал там один. Тоже перетянуть надо. Потом пошарим в их мешках, должны нитки с иглой найтись. Ты зашивать раны умеешь?

— Не пробовал.

— Чуток сложнее, чем резать. Придется учиться, а то одной рукой мне неудобно будет.

В трофейных вещевых мешках нашлись не только игла с нитью, но и множество других полезных и не очень вещей. Огнива и запасы трута к ним, вяленое мясо и рыба, точильные камни. Да и оружие порадовало, особенно ножи, а то резать все наконечником копья — не самое удобное занятие.

Пленники резко разбогатели. Владу даже жаль стало, что запы не повстречались им чуть раньше.

Либерий брезгливо покрутил в руках трофейный плащ из лоскутов шкур и констатировал:

— Воняет прокисшей мочой. Но все равно его возьму, а то уже почки ноют на холоде спать. И ты себе тоже возьми.

— Ты только раной об него не трись, а то точно загниет.

— Если загниет, для этого есть биота. Ну что Влад, пошли или еще кого подождем?

— Лично мне на сегодня гостей хватит.

— А ничего так. Здоровый ты парень, Влад. Как мы их раскидали? А? Будто слепых щенков.

* * *

Почти до полудня странные попутчики шагали к группе внушительного размера бесформенных развалин, но, когда приблизились, Влад с горечью признал, что не находит на карте ничего подобного. Определить, что это было, не получалось. Просто груды обломков высотой с девятиэтажный дом, кое-где наверху вздымаются искореженные фрагменты ржавого каркаса. Между камнями, некогда бывшими частью стен, ветер намел почвы, там топорились голые стебли чахлых кустарников и пучки засохшей травы.

— Можно попробовать связаться с Космосом, хоть это и нежелательно. Он определит, откуда ведется передача, и тогда легко сориентируемся.

— Нежелательно? Ты имеешь в виду, что это опасно?

— Ну да. Могут услышать. Да и наследили мы хорошо. Если хватятся пропавших, а потом еще сигналы поймают, сюда может вся их орда пожаловать с летающей машиной. И тогда нам точно хана.

— Не надо говорить с Космосом. Будем идти на юг. Или подальше уйдем, и там поговоришь. А

может, встретим что-то знакомое. Нам так и так на юг идти, причем далеко.

— Ладно, идем дальше, может, отыщем какой-нибудь нужный ориентир. Только развалины обходить будем слева.

— Так дольше.

— Справа мой голос в голове не советует. Говорит, что там высокий уровень какой-то пакости.

— Что за пакость?

— Не знаю, но вряд ли от нее прибавится здоровья. И еще где-то рядом монстр бегают или затаился. Причем не первый раз.

— Я тоже чувствую, что за нами наблюдают. Опасных тварей не так много, а мелюзга на двух вооруженных мужчин не полезет. Вся эта мерзость хитрая и трусливая.

— Можно сказать короче: умная.

— Можно и так...

— А помнишь тот отряд запов, которому мы попались?

— Конечно, помню.

— Интересно, а чем они сейчас занимаются? Может быть, идут по нашему следу, и эта пятерка была передовым дозором.

— Может, и так, хотя таких морд я среди них не припоминаю.

* * *

Легда лежал так недвижимо, что мертвец позавидует. Мертвецы ведь всякие бывают, в том числе и не слишком смирные. Видел он как-то на востоке нескольких искателей, хватанувших на пустошах какой-то древней дряни. Все до единого покрылись трупными пятнами, из глаз и носов сочился гной, а уж смердело от них словно от неубранного поля боя, который случился в окрестностях не чищенного со времен нашествия железной саранчи нужника. Однако это не мешало им передвигаться на своих ногах и вызвать немалый фурор неожиданным появлением у стен форта. Бедолаги, очевидно, шли туда в надежде разжиться свежей биотой и излечиться, но путь получился длинный, так что добрались лишь оболочки для душ, отказывающиеся подчиниться смерти. Стояли под воротами и мычали, будто бычки на скотобойне, пока закутанные в брезент воины ордена валили их баграми на землю, чтобы затем порубать длинными секирами и оттащить обрубки к огню.

Лежать в снежном гнезде на войлочном коврикe было удобно. Он мог заниматься этим часами, и тренированное тело слушалось, не сковываясь немотой. Сверху Легду накрывала белая льняная накидка. Это не от снега, ведь погода ясная — это чтобы сливаться со снегом. Издали он выглядел как еле заметный сугроб возле хилого кустика, коих в степи предостаточно.

Кустик на самом деле честным растением не являлся. Просто несколько веток, привязанных к арбалету. Белые лоскутки, украшающие его с кажущимся беспорядком, усиливали сходство со степной колючкой, припорошенной снегом, подозрительно прямые линии скрадывались.

Единственное, что могло выдать Легду издали, — лицо и пар от дыхания. Но и здесь он не

оставил вражескому глазу шанса. Маска из бересты простое и очень эффективное средство в эту пору года. Она же направляла выдыхаемый воздух вниз, на подвязанный кусок заиндевевшей холстины. Если что и вырывалось, то надо в упор подойти, чтобы заметить. Можно, конечно, положить в рот комочек снега, остудить язык и зубы, но он считал это лишним.

Те, ради кого он уже почти час притворялся бревном, находились в двух сотнях шагов. Один из патрулей запов: шестерка здоровяков, пятеро с копьями, один с луком. Они гуськом двигались по следу Легды, наивно считая, что преследуют так надоевшего всем стрелка.

Никто из них еще не понимал, что ни о каком преследовании не может быть и речи. Легда специально оставил им след, строго выверив свой маршрут на местности, пройдя так, чтобы те, кто пойдет за ним, любезно помогли ему выполнить задачу.

А задача у Легды была несложная: убивать. Никаких других задач ему уже давно не ставили. И то, что приказа на истребление запов не было, не имело никакого значения. Просто не осталось командиров, чтобы их отдавать. Значит, Легда может убивать до тех пор, пока не сломается арбалет или не придут в негодность болты. Его оружие не было капризным, но без сложного ремонта не выдерживало более сотни выстрелов, а болты вылетали с такой скоростью, что часто портились о плоть врагов.

Запы, не посвященные в кровавые замыслы Легды, прошли мимо его засады, сделанной в стороне от колеи. Он специально по длинной петле накануне двигался, будто заяц, чтобы не тронуть снег в стороне. Проклятая оттепель, как же она не вовремя... Нет никакой возможности заметать за собой — наст метелке не подчиняется. Да и без ветра сильного или метели все равно пытливый глаз заметит. Вот и приходится наворачивать по степи многие километры ради такого незначительного дела — убийства нескольких грязных отродий Тьмы.

Запы добрались до рубежа стрельбы. Легда вообще-то мог начать их убивать уже давно, но не отклонялся от предварительного плана. Дикари сейчас, наверное, удивляются, зачем он полез через полосу присыпанного снегом кустарника. Стволы корявые, закрученные штопором ветки. В них вязнут ноги, за них цепляются руки. А уж шума сколько, когда шестерка крепких мужчин пробирается через преграду.

И все они при этом повернуты к нему спинами.

Легда затаил дыхание, медленно сосчитал про себя до шести, подстраиваясь при этом под такт пульса, заметного по ритму, с которым тело чуть сильнее прижималось к шейке приклада. Ветер дует слева, судя по отклонению закрепленного на луке перышка, сила его незначительна. Но все равно он прицелился с поправкой, величина которой была выработана немалым опытом.

Арбалет Легды был штучным изделием, но, несмотря на все ухищрения, при выстреле издавал изрядный шум. Однако коварный кустарник под ногами запов шумел еще больше, так что они не слышали ни выстрел, ни то, как болт ударил чуть ниже шеи последнего в цепочке, пронзив позвоночник. При такой ране кричат нечасто, вот и этот упал, будто мешок с телеги.

Легда, отбросив белоснежную накидку, начал поспешно взводить арбалет. Двенадцать движений съемным рычагом. Сильных, размашистых. После них учащается пульс и дыхание, меткость же, наоборот, ухудшается. Но он не промахнется.

Второй выстрел. Такой же удачный, если назвать удачей безукоризненное мастерство стрелка.

На этот раз один из запов обернулся и, узрев, что их вдруг стало на парочку меньше, поднял крик. Обернулись и остальные, почти сразу заметив Легду. Он не прятался, работал вовсю рычагом.

Эх, ему бы арбалет, который работает сам собой, без перезарядки. Легда бы тогда в одиночку смог бы целую армию победить. В принципе, он и сейчас это может, но только не сразу — по частям.

Кустарник не подвел. Забраться в него трудно, выбраться ничуть не легче, а тела прикрывает только до пояса, да и то серьезной защитой это не назвать. Легде, чтобы перезарядить арбалет, нужно не более двадцати секунд. Обычному стрелку при работе с его чудовищным оружием понадобится втрое больше, но к обычным он не относился.

Выстрел. Больше у запов нет лучника. Мало ли что, вдруг начнет бить издали и божьим попусением стрела долетит до цели.

Еще выстрел. Еще труп.

Двое оставшихся выбрались из зарослей и что было мочи помчались к Легде. Всего-то и надо пробежать около сотни шагов. Будь дело летом, успеть можно, но сейчас зря они это затеяли.

Последний упал на рубеже в тридцать шагов, даже целиться не пришлось.

Последний — это в смысле на сегодня последний. Завтра Легда еще кого-нибудь убьет. И будет убивать снова и снова. Пока болты, неоднократно вырезаемые из тел, не придут в полную негодность.

Или он найдет брата Либерия и выручит, после чего тот начнет командовать. Хотя, если не найдет, расстраиваться не станет. Такая жизнь Легде нравилась.

* * *

Из отряда, не так давно захватившего Влада и Либерия, ни один воин не ушел по их следу. Запы были слишком заняты лихорадочными поисками неуловимого стрелка, оставляющего лишь трупы и ускользавшего от самых серьезных облав.

Он их всех уже достал. Как жаль, что небесная машина перестала помогать. Очень не вовремя.

Глава 11

Влад лежал за кучей обломков камня, сжимая в руке увесистый булыжник. Левее, за такой же кучей, засел Либерий, он держал наготове арбалет. Оба старались не шевелиться лишней раз, и уж тем более не высовываться. Реакция противника была молниеносной: отрывистый хлопок, и над головой со свистом проносится что-то очень быстрое.

Влад прекрасно знал, что это — просто камень. Кругленький такой камешек. Опасная на большой скорости штучка, его голова еще не забыла знакомство.

— Может, нечисть ушла? — тихо спросил луддит. — Тихо все.

Вместо ответа Влад стянул с головы шапку, нацепил ее на кинжал в ножнах, приподнял. Реакция была столь же незамедлительной. Хлопок, шапка дернулась.

— Видал? Пробило навывлет.

— Вот же тварь! Отрыжка Техно! Что делать будем?

— Я ее даже не вижу. Быстро передвигается. Зря мы к этим развалинам подошли, среди обломков ей раздолье.

— Да кто же мог знать... Первый раз такую встречаю.

— А я встречался. Слоником ее назвал.

— Тоже пуляла камнями?

— Ага. Чуть не убила. Я потом ее съел.

— Что?! Ты сожрал тварь пустошей?!

— Так ведь очень кушать хотелось. К тому же я сам тварь, не забыл?

— Ну... ты все же не из таких. Влад, нам до темноты тут сидеть или придумаем что?

— Не удивлюсь, если она и в темноте прекрасно видит. Сейчас проверю одну идею.

Влад вновь поднял шапку, заработав еще пару прорех. Спрятал «мишень», выждал секунд пять, вновь поднял, начал считать. На цифре семь опять хлопнуло.

— Ясно. Твари на перезарядку хобота надо не меньше десяти секунд.

— Хобота?!

— Ну да. Она хоботом стреляет. Или ты не знаешь, что такое хобот?

— Откуда мне знать про все богомерзкие мерзости.

— Как же все у вас запущено... Значит, так. Еще раз провоцирую ее на выстрел, потом сразу беги вон за ту кучу. Дальше переберемся до той стены. За ней перебежим на другую сторону, там чище, ей не спрятаться. Только не вздумай перепутать. Вон та куча, что правее, опасна. Голос предупредил — не приближаться.

— Хорошо, я все понял, давай поднимай шапку.

— Решето от моей шапки останется...

Новая пара дырок, рывок к следующему укрытию. На ходу Влад обернулся и увидел, как по снегу, смешно подпрыгивая, от камня к камню ловко перебегает тварь. Тот самый «слоник», он не ошибся. Луддит тоже ее заметил, на миг остановился, выстрелил навскидку, но не попал по проворной цели.

Эх, надо было лук прихватить. И пусть Влад не умеет с ним обращаться, но новичкам и дуракам везет, вдруг бы попал.

Едва успели, камень просвистел, чуть не задев щеку.

— Еще пара рывков, и будем у стены, — довольно заметил Влад.

Будто сглазил. Опять подняв шапку, хлопка не дождался. Поднял повыше. Ничего. Покачал из

стороны в сторону. Тишина.

— Может, камни закончились, — предположил Либерий.

— Скорее просто умная, зараза, и не покупается больше. Я этого слоника вижу.

— Где?!

— Да не бойся, не обошел. Он сам арбалета боится, не лезет, караулит наши вылазки. С другой стороны засел.

— Тогда как ты его можешь видеть?

— У меня хитро устроено зрение. Замечу тварь, и она потом подсвечивается красной точкой даже за укрытием. Будто сквозь камни ее вижу.

— А выстрелить можешь?

— Нет. Сквозь камни никак не выстрелить.

— Жаль. Надо что-то другое придумать.

Придумывать не пришлось. Красная метка вдруг начала удаляться, причем с немалой прытью. Не успел Влад рассказать об этом Либерию, как из-за стены, где они намеревались укрыться, выскочило что-то здоровенное, неправдоподобно плоское, будто ожившее одеяло, нырнуло в скопище обломков, взметнув снежное облако, и, показываясь лишь на короткие мгновения, будто не давая себя рассмотреть, помчалось вслед за слоником.

Либерий, чертыхнувшись, начал перезаряжать арбалет:

— Что это было?!

— Не знаю, но слоник от этого рванул, словно ошпаренный.

— Как здорово, что мы до стены не добрались.

— Ага. Даже это был плохой план.

— И странно, что она нас не тронула, мы ведь ближе.

— Может, оно только слониками питается.

— Ага. Или ничего вкуснее для нее не бывает.

— Да кто этих тварей знает?..

— Уходим, пока на шум еще кто-нибудь не появился.

От развалин бежали, не жалея ног. Здесь и ходить опасно, слишком много обломков и присыпанных снежком ямок, но пронесло, никто не оступился. Остановились на приличном расстоянии, оглянулись.

— Ну что, узнал это место? — с надеждой поинтересовался Либерий.

— Не уверен, но похоже кое на что.

— На что?

— На карте обозначена группа из шести зданий, образующая в плане шестиугольник. По моему, это они и были.

— Я никакого шестиугольника не заметил.

— А я за ту стену посмотрел на бегу, там пространство открытое, потом опять руины. И угол. Очень похоже все, ты просто до этого не присматривался.

— Может, и так. И далеко нам еще идти?

— Прилично. Километров через двадцать уткнемся в большой город, по нему надо будет пройти столько же, и за ним еще тридцать.

— А никак нельзя без города обойтись? Твари так и липнут к руинам, и там их, я сильно подозреваю, будет побольше, чем на открытых местах.

— В принципе, можно, но обход получится очень долгий. И все равно мимо руин придется часто проходить. Я за то, чтобы не усложнять путь. Город так город.

— Хлебнем горя...

— Жаль, ружья нет. С ним тут спокойно можно ходить, разве что слоники опасны.

— Ты говоришь про свое черное оружие?

— Да. Оно пропало после того боя в пещере.

— Не пропало, мы его нашли и отвезли в Цитадель.

— Вот же гады...

— Ваша женщина показала нам, как это работает. Сила его невелика. Ты слишком наивен, раз думаешь, будто хорошо знаешь пустоши. Тут водятся твари, которые и для сильного отряда опасны.

— Почему же тогда пошел со мной?

— Ты знаешь причину.

— Мне кажется, ты сам ее не знаешь, раз не можешь объяснить коротко.

— Может, и так. Мне просто надо идти. Я в это верю.

— Фанатик. Ты все же фанатик, Либерий.

* * *

— Вот здесь, Либерий, и должен начинаться город, если карта не врет.

Луддит посмотрел вперед, потом на Влада, потом опять уставился вперед, будто пытался разглядеть город-невидимку. Но вместо города в глаза бросалось нечто непредусмотренное: ровная поверхность огромного озера, другой берег которого едва просматривался. Выглядело

это озеро плохо. Берега топкие, ржавого цвета, вода тех же тонов. Сплошного ледяного покрова нет, лишь отдельные льдины, да и те похожи на чудом не тонущие коровьи лепешки, настолько грязные.

За одной из льдин забурлила вода, оттуда осторожно высунулся кончик отвратительной морды. Выпучив пару сочащихся слизью глаз, она с надеждой уставилась на путников, будто пытаясь загипнотизировать. Ну давайте же, подходите, не стесняйтесь. Поближе. Тут хорошо, тут вас ждут, тут вас непременно встретят.

Либерий распустил завязку штанов, демонстративно помочился в сторону твари, затем презрительно сплюнул. Монстр, обидевшись на грубость, скрылся в грязной пучине, а луддит произнес:

— Это что же надо было сотворить, чтобы вместо города получилось озеро?

Влад пожал плечами. А что еще можно ответить?

— Не знаю, что говорит твой подозрительный голос в голове, но мой твердит одно: даже близко к этой воде подходить не стоит, а уж о том, чтобы плыть на другой берег, не может быть и речи.

— Надо связаться с Космосом. Уж озеро с орбиты он должен видеть. Немаленькое.

— Бежим! — заорал Либерий и потянул Влада за собой.

Обернувшись на озеро, тот припустил быстрее луддита. Было от чего. Вода бурлила, на берег выползали десятки слизняков морковного цвета размером от тощей кошки до приличной собаки. Все они в едином порыве с нешуточной прытью ползли к людям, радостно попискивая.

Вряд ли здороваются, скорее предвкушают обед.

Лишь удалившись на километр от «веселого» озера, остановились.

— Сюда они не скоро доберутся, — чуть отдышавшись, заключил Либерий. — Давай, вызывай своего Космоса. Скажи, что к озеру мы больше подходить ни за что не станем. Тошно смотреть на него и страшно. Там, чую, похуже твари обитают, и от них так просто не уйти.

* * *

«Влад вызывает Космоса. Влад вызывает Космоса».

— Привет, Влад.

— Привет, Космос. У нас проблема.

— Я знаю.

— Откуда?!

— Иначе ты бы меня не вызывал.

— Верно... Космос, карта у меня хорошая, но сильно отличается от реальной местности. Мы или заблудились, или вместо города теперь озеро. Проверь наше положение.

- Я уже делаю это, дай мне еще минуту и даже отметку на твою карту нанесу.
- Надо было при прошлом разговоре так сделать.
- Да — это моя ошибка. Определено. Пока не слишком точно. Карта действительно показывает, что твой сигнал идет от окраины города. И ты прав: на месте города озеро. Почти вся заселенная площадь им занята.
- Надо было раньше предупредить.
- Ты должен понимать, что время и применение мощнейшего оружия значительно изменили местность. Я не могу знать и предусмотреть все. Мои возможности существенно ограничены.
- Я это помню, но вот про озеро мог бы и сказать. О нем ты точно знал.
- Постараюсь больше не допускать таких ошибок.
- Ладно, не обращай внимания. Ты лучше скажи: нет ли такого озера в том месте, куда я должен прийти? Может, зря ноги стаптываю.
- Нет. В том месте не заметно следов сильных разрушений. И я лично отдавал приказ на консервацию ряда объектов Красной сети. На тот момент у нас не было возможности ими пользоваться. Приказ должны были исполнить. Но полной уверенности у меня нет. Я оперирую вероятностями. В данном случае вероятность найти в том районе уцелевшие объекты достаточно велика.
- Я понимаю. Ладно, проверим. Может, подскажешь, с какой стороны проще обойти озеро?
- Не знаю, как будет удобнее, но если обходить с запада, то путь получится короче.
- Значит, попробуем с запада. Здесь каждый метр трудно дается.
- Много опасностей?
- Я бы так не сказал. Хватает, конечно, но дело не в них. Больше напрягает ожидание чего-то неприятного. Мерзко здесь, давит что-то. Бросает в дрожь, но не всегда от холода. Как будто сто глаз на тебя смотрят недобро, а кто именно смотрит, не понять. И часто приходится обходить, то и дело нарываемся на зараженные зоны. Бывает, по два-три часа теряем, когда слишком опасно. Причем не понять, чем именно заражено.
- Будь осторожен. Твоя система контролера работает некорректно. Если возникает подозрение, что местность заражена, продолжай обходить такие места.
- Космос, да у меня подозрение, что тут все заражено. Сплошная мерзость. За все время мы ни одного животного нормального не встретили, да и растения странноватые. С виду вроде трава как трава, но севернее Подонца такой нет. Не понимаю, как эти твари здесь живут? Чем питаются? Друг другом? Но должны ведь быть какие-то травоядные, основание пищевой пирамиды. Где они? Здесь все ненормально.
- Почти в самом начале войны радикалы начали разрабатывать синтетических воинов и изменять существующих живых существ с целью использования их в военном деле. Мне известно о двух программах: «Тармо» и «Элексест». В середине войны они были объединены, сохранив второе название, также изменились задачи. Требовалось создать множество существ

для поиска и уничтожения выживших людей, которые скрывались среди руин, в подземных бункерах, под водой. Для их поиска в разных условиях разрабатывались специализированные существа. Контроль над ними организовывался посредством использования в их организмах синтетических сетей, поддерживающихся нанитами. Даже при отсутствии питания можно было продержаться некоторое время на ресурсах нанитов. Перед началом зачистки радикалы размещали синтезаторы нанитов на местности. В ходе выполнения задачи существа должны были время от времени возвращаться к синтезатору для получения новых порций. Без этого их жизнедеятельность невозможна. Таким образом, в случае необходимости очистить район от существ можно простым отключением синтезаторов. Но так выглядело в теории. На практике никто не предполагал, что существа смогут функционировать такой срок. Вероятно, имело место изменение функциональности некоторых их видов. В ходе изменений они получили способность к размножению. Возможно, научились обходиться без нанитов. Хотя то, что метаморфы не обитают на территории человеческого анклава, говорит против этого предположения. Значит, они все же привязаны к местности. Что касается растительности, у меня нет информации о работах по ее изменению. Возможно, ее метаморфозы связаны с многолетним воздействием высокого радиоактивного фона, биологических и механических микросуществ, генетических боевых агентов и токсинов. За многие годы их действие ослабело, но сказывается до сих пор.

— Спасибо за лекцию. Надеюсь, ты окажешься прав, и мы найдем, то, что ищем. Хотя, глядя на все вокруг, я мало в это верю. Ну разве может что-то уцелеть рядом с местом, где целый город превратился в озеро?

— У искомых объектов высокая степень защиты. Они прочны и надежны. Вероятность велика.

— Наслышан уже про веро...

— Влад!!! Очнись!!!

С трудом сфокусировав взгляд на Либерии, непонимающе спросил:

— Что?!

— Хватит сидеть! Слизняки! Они рядом! Нашли нас!

* * *

Влад с Давидом, убегая от горцев, запаслись биотой и прочими препаратами, без которых охотники в степь не уходят. Некоторые пригодились, некоторые нет, а некоторые пришли в негодность из-за ограниченного срока хранения. Когда лагерь был уничтожен, погибла и аптечка. Но Либерий оказался человеком запасливым, а запасы слишком небрежно его обыскали — лекарства сохранились.

Зелье, снимающее усталость и сильно повышающее выносливость, пришлось принять ночью, когда озерные слизни настигли в очередной раз. Твари двигались не слишком быстро, но уйти от них можно было лишь легким бегом или торопливой ходьбой. Как ты ни силен, бесконечно такой темп не выдержишь. Но стоило сбавить скорость, как вскоре за спиной слышался омерзительный писк. О привалах тоже пришлось забыть.

Биота луддита подействовала. Ноги, уже собравшиеся было отвалиться, вновь зашевелились. Припустили с удвоенной скоростью, по пути прикончив тварь, похожую на пухлую подушку, отрастившую четыре паучьи лапы. Голос в голове заранее предупредил о засаде, подсветив цель, притаившуюся среди обломков, в предвкушении прыжка на головы зазевавшимся

путникам.

После обеда следующего дня зелье перестало действовать. Приближался миг расплаты. Организм, искусственно взбодренный неведомой химией, расплачивался соответственно: требовался серьезный отдых. Заставлять себя двигаться дальше — значит рисковать в любой момент свалиться в глубокий обморок, из которого вряд ли позволят выйти.

Либерий, с трудом ворочая языком, произнес:

— Это, похоже, сделали не темные предки.

Устало взглянув вперед, Влад увидел три креста, сооруженные из металлических труб и проволоки. На среднем громоздился череп неведомой твари и табличка из жести, на которой тоже изображался череп, похожий на человеческий.

— Запы поставили, — логично предположил Влад.

— Зачем?

— Должно быть, для своих знак. Опасность здесь какая-то.

— Влад, да здесь везде опасность.

— Должно быть, дальше совсем уж худо.

— Разворачиваемся?

Последние полчаса беглецы двигались по узкой долине. Справа от нее тянулся глубокий провал, заполненный грязной водой, из которой местами выглядывали ржавые ажурные конструкции, а слева тянулся сплошной вал из обломков, будто кто-то выстроил баррикаду, соединив отдельно стоящие развалины. Складывалось впечатление, что здесь поработал исполинских размеров бульдозер.

Вернуться назад — это означало добровольно отправиться навстречу орде гигантских слизняков. Переплыть через провал — идея не лучше. Мало того, что до воды надо как-то спуститься по обрывистому склону, так еще и в воде могут поджидать сюрпризы, вроде тех же слизней или других тварей.

Через завал? Да там последние ноги оставишь. Более не подходящую для продвижения местность трудно вообразить.

Все это быстро промелькнуло в голове Влада, после чего он вздохнул:

— Идем вперед, у нас выбора нет.

— Не знаю, как ты, а я вот-вот свалюсь.

— Давай до тех развалин доберемся и поищем место, пригодное для обороны. А то оба сейчас свалимся.

Глава 12

Стена, на которой примостился Влад, была сделана из материала, похожего на мутное стекло. Очень уж характерные сколы у поврежденных участков. Что за оружие применили против

этого сооружения, непонятно, но прочнейший с виду материал не выдержал, растрескался, не удержал тяжесть верхних этажей, рассыпавшихся далеко по округе и проломивших горизонтальные перекрытия. Лишь наружные стены устояли, да и то частично. Толщина их была такова, что будь поверхность ровной, можно хоть на автомобиле разъезжать. Влад с Либерием нашли убежище на углу, где катаклизм оставил широкую площадку, добраться до которой было непросто. Оба изодрали ладони, прежде чем вскарабкались, и лишь чудом можно объяснить, что изнуренные организмы выдержали столь сложный подъем.

До земли с их позиции метров пятнадцать. Внизу все омерзительно колыхалось из-за слизи, покрывших почву почти сплошным слоем. Сотни тварей пытались забраться на отвесные стены, но это у них не получалось. Два-три метра — и они, оставляя за собой липкий след, сползали вниз, не в силах удержаться на почти зеркальной поверхности. Но на поврежденных участках успехи слизи были куда заметнее. Не проходило и минуты, чтобы Влад не брался за копьё, после чего очередной ловкач с обиженным писком летел вниз.

Осада продолжалась уже почти сутки. Путники по очереди отдыхали и даже немного восстановили силы. Благо ночью прошел снег, поутру растаявший, но запас его затрамбовать в углубление на гребне стены они успели, и смерть от жажды теперь не грозила. Еды, правда, не имелось, зато были пояса, которые можно затянуть чуть потуже, чтобы в животе бурчало не так оглушительно.

Пробиться через тысячи слизи было нереально. Голос в голове заботливо предупредил, что даже прикосновение к этим тварям может стоить жизни. К тому же они выпускали что-то вроде аэрозоля — облачка зеленоватого цвета. Вещество это было тяжелым и вверх не поднималось. Но и тех жалких капель, что задувал иногда ветер, хватало, чтобы потом подолгу кашлять и протирать слезящиеся глаза. А еще начало поташнивать.

Положение было безнадежным, и план, как из него выбраться, придумать не удавалось.

Луддит, посмотрев, как очередной упорный слизняк отправляется к земле, сказал:

— Я тут попробовал подсчитать, и вот что получилось: если убивать их с такой скоростью, то дня через три ни одного не останется.

— Даже копьём проткнутые насквозь не все умирают. Вон, этот опять ползать пытается.

— Но я видел дохлых.

— И я. Их, кстати, свои же съедают. Обволакивают со всех сторон, потом расползаются, а на земле ничего не остается.

— Да тут землю толком не видать.

— Ну я так, образно... Надо стараться не просто бить, а резать, тогда вряд ли выживут. Наконечник подходящий.

— Ты всерьез веришь, что за три дня мы всех перебьем?

— А у нас есть выбор?

— Даже если это сумеем, на такой шум, думаю, все окрестные твари сбегутся.

— Пока что я ни одной не видел.

— На их месте я бы тоже не показывался. А вот когда слизни исчезнут, или их останется немного...

— Вода есть. Три дня продержимся. А дальше видно будет.

— Вода... Гм... Ты что-то говорил о том, что тварей тоже можно есть.

— Да. Говорил. Но ты хоть медом слизняка намажь, я его даже лизнуть побрезгую.

— А я уж думал, будто ты вспомнил, что тоже относишься к тварям и не желаешь лопать родственника.

— Будешь так шутить, три дня ждать не потребуется. Я прямо сейчас тебя столкну к этим своим родственничкам, и разбирайся с ними, как знаешь. А это что еще такое на нашу голову...

Со стороны исполинского завала приближалось нечто непонятное. Сперва Владу показалось, что мчится краб, размером с грузовик, но затем стало ясно, что это создание ног не имеет, а перемещается неведомым способом, паря над самой землей.

— Смертный час пробил, — хрипло произнес Либерий. — Против летающей твари мы здесь не укроемся.

С бессильным отчаянием сжимая кулаки, они молча наблюдали за приближением монстра. Слизни, будто признавая его право на добычу, перестали лезть вверх и дружно устремились к провалу, намереваясь укрыться в воде. Но не тут-то было. «Краб» атаковал с дистанции не менее сотни метров. От его туши, будто пулеметные трассеры, густо полетели ослепительно-белые росчерки. Касаясь земли, они выбивали огненные облака, быстро слившиеся в сплошное море ревущего пламени.

Даже здесь, на высоте, дохнуло жаром, затрещали волосы, омерзительно завоняло горелой плотью.

— Ложись! — заорал Влад, вжимаясь в стеклянную поверхность.

Лишь когда стих шум пламени и хоровой визг сгорающих слизней, он рискнул приподнять голову. И тут же об этом пожалел. «Краб» к этому времени достиг руин и медленно, будто всплывающая в спокойной воде медуза, поднимался. Способ его передвижения так и оставался непонятным. Никаких признаков реактивных двигателей и присущего им шума. Разве что тихое, на грани слышимости, жужжание выдавало тварь.

А еще Влад теперь мог различать детали и начал догадываться, что к биологическим существам это создание не относится. На панцире видны следы вмятин и даже потеки оплавленного материала. Одна глазница залита им полностью, во второй поблескивает россыпь разнокалиберных линз. На левом боку виден скол, из которого свисают какие-то лохмотья сильно корродированного метала. Будто жесть изодранная.

Либерий, поднявшись, заорал:

— Изыди, Тьмы отродье! — И разрядил арбалет.

Метко выпущенный болт угодил в целую глазницу, но не вонзился, а сломался от удара о непробиваемую поверхность. Луддит начал лихорадочно перезаряжать оружие, а «краб», поднявшись на уровень убежища, застыл, холодно уставившись на человеческих букашек

всеми своими линзами.

Влад, не забыв отметить, что некоторые стекляшки повреждены или покрыты грязью, начал прощаться с жизнью. В отличие от своего спутника, он понимал, что сейчас их оружие не эффективнее зубочисток. Он, конечно, не любил проигрывать, и душа требовала красивой смерти, а не стоять бычком на бойне, но разум подсказывал, что убится с разбега об танк не так уж и красочно, а другой альтернативы не имеется.

«Краб» между тем медлил, что дало возможность Либерию перезарядить оружие и выстрелить еще раз, с похожим результатом.

— Обнаружен автономный боевой комплекс Эхнатон. Принадлежность: Красная сеть, девятый анклав. Бортовой номер две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три. Затребовать доклад о состоянии и задании?

— Затребуй... — машинально брякнул Влад, не сводя взгляда с линз.

— Принят доклад через незащищенное соединение по гражданскому протоколу. Состояние: Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три частично работоспособен. Интеллектуальная сеть: функционирует в режиме линейной перегрузки. Требуется дежурное обновление и перезагрузка периферийных узлов. Силовая система: многочисленные повреждения изоляции, истощение энергоячеек, высокая степень износа. Основной источник питания: не функционирует. Остаточная емкость аварийной перезаряжаемой батареи: одиннадцать целых, тридцать шесть сотых процента. Гравипривод: основной не функционирует, резервный требует технического обслуживания. Броня: многочисленные повреждения и коррозионные процессы. Энергощиты: не функционируют. Верхняя бронесфера сильно повреждена высокотемпературным воздействием, многочисленные вмятины от кинетических повреждений, вторичные повреждения внутренних бронелистов. Нижняя бронесфера: многочисленные вмятины от кинетических повреждений, вторичные повреждения внутреннего корпуса. Стык бронесфер: деформация от динамического воздействия с пробойной от кинетического снаряда по левому борту. Поворотный механизм: заклинен. Система связи: многочисленные отказы. Дальняя: не функционирует. Дальняя защищенная: не функционирует. Речевой центр: выведен из строя. Антенное хозяйство: уничтожено. Обмен данными возможен лишь по аварийному гражданскому протоколу через биометки или системы высшего порядка на минимальной дистанции. Бортовое вооружение: многочисленные повреждения и высокая степень износа. Спаренное бронебойное кинетическое орудие: израсходован боекомплект. Ракетно-кинетический комплекс «земля-воздух»: израсходован боекомплект. Снайперский кинетический комплекс: израсходован боекомплект, повреждение ствола. Противопехотный лучевой комплекс: выведен из строя огнем противника. Силовой излучатель: не функционирует. Плазменная установка на универсальном рабочем теле: фокус-система не функционирует, ведение огня возможно лишь на короткой дистанции. Огнемет: израсходован боекомплект. Манипуляторы: левый отсутствует, правый частично функционирует. Сенсорная система: многочисленные...

— Этот робот совсем плох, он на нас не накинется? — перебил Влад.

— Интеллектуальная система подтвердила преданность Красной сети. Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три продолжает выполнять поставленное задание.

— И какое у этой ржавчины может быть задание?!

— Патрулирование заданного квадрата. Защита пункта эвакуации, сопровождение

гражданского населения, уничтожение боевых средств противника, картирование зон заражения, сбор разведывательной информации.

— Не вижу я здесь гражданского населения... Он может дать карту зараженных участков?

— Принято. Карта загружена.

— Может нас проводить до цели пути?

— Даю прямую связь. Отвечает Эхнатон.

— Невозможно. Остаточная емкость аварийной батареи: одиннадцать целых, тридцать шесть сотых процента. Это не позволяет Эхнатону две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три удалиться на значительные расстояния от доковой станции.

— Ты от нее подзаряжаешься?

— Так точно.

Либерию, наконец, надоело тратить безрезультатно болты, и в очередной раз разрядив арбалет, он решил прибегнуть к помощи церковной магии:

— Силой, данной мне принятием орденского звания, заклинаю тебя, Тьмы отродье: сгинь! Убирайся в свой раскаленный ад! Святым Луддом приказываю!

— Уймись! — буркнул Влад. — Достал уже всех в раскаленный ад отправлять. Мне вот интересно: хоть один идиот тебя послушался? Это такое же отродье Тьмы, как те водяные мельницы, с которыми героически борется ваш орден. Донкихоты, мать вашу!.. Робот нас не тронет. И ради Бога, перестань в него стрелять. Судя по повреждениям, этот парень побывал в парочке эпицентров ядерных взрывов, но даже это не сломало его окончательно. Прояви хоть каплю уважения, к тому же болтов не так много осталось.

— Парень?!

— А ты хочешь сказать, что перед нами девочка?

— Нет, но называть такое парнем тоже не стану!

— Это робот. Боевой робот. Машина, созданная человеком. Понимаешь, о чем я?

— Да, нам в Цитадели рассказывали о древних машинах. И я такие видел.

— Такие?! Где?!

— Не совсем такие. Меньше и больше. Разные. Они иногда приходят с запада при набегах запов. Трудно очень против них, много людей теряем. Но и эти отродья уязвимы. Мы уже не один раз их убивали.

— Ломали. Это же машины. Древним оружием небось?

— Да.

— Не похожи на эту были?

- Да. И двигались не так. Они будто телеги.
- Да уж, этому куда удобнее, чем на колесах.
- Но каким образом, Господь всемогущий, он движется? У него ведь нет ни ног, ни крыльев, ни колес! Он парит над землей! Как?!
- Понятия не имею. Я ведь совсем древний, в мои времена таких машин не было.
- Божье попущение его держит...
- Не бойся его. Он безобиден. Даже полезен. Ему приказали охранять этот район, вот он и охраняет. Убивает тварей. Видел, как побежали они от него? Хорошо знают.
- Те кресты, что запы поставили...
- Ага. Запов наш парень, видимо, тоже не любит. Он хороший, а они плохие. Вот и ставят знаки, чтобы сдуру никто к нему не забрел.
- А почему эта машина, раз такая вся прекрасная, не полетит дальше и не убьет их всех?
- Я же говорил, что он сильно поврежден. Для движения ему нужна энергия, а та штука, что внутри него ее вырабатывает, сломана. Есть еще что-то, вроде резервуара, чтобы возить запас с собой, но он очень мал, далеко не уедешь. Где-то здесь имеется штуковина, от которой он может пополнять запас, вот и крутится в одном районе.
- Ты можешь этой машине приказывать?
- Да. То, что мне в голову поставили под землей, это позволяет.
- А починить ее сможешь?
- Не знаю. Надо для начала взглянуть, где этот робот подзаряжается, а там видно будет. Может, там не только энергия, а и запчасти найдутся.
- Если ты вернешь этой машине силу, нам некого будет бояться.
- Склонен с тобой согласиться. Не представляю, как такую махину можно повредить копиями запов или клыками тварей. Разве что у твоих иерархов найдется древнее оружие, которое сможет пробить его броню.

* * *

Лететь верхом на Эхнатоне было сплошное удовольствие. Не трясет, скорость невелика, так что ветер в лицо не бьет, а ласково задувает. Если не считать Либерия, не прекращающего бубнить нудную молитву о спасении души, замаранной использованием древнего зла в качестве средства передвижения, вообще благодать. И можно не опасаться тварей — пусть сенсорная система робота сильно повреждена, но ее остатков достаточно, чтобы засечь опасность за многие сотни метров. Некогда его верхняя часть, или бронесфера, могла легко поворачиваться относительно нижней — это позволяло на любой скорости сканировать подозрительные места на большой дистанции или быстро сосредотачивать огонь всех бортовых систем вооружения в нужной точке. Теперь она заклинена, и Эхнатон время от времени останавливался, после чего начинал поворачиваться в стороны, будто атлет с парализованной шеей. С вооружением тоже худо: осталась лишь маломощная плазменная пушка, к тому же

поврежденная. Для ее работы требовалась прорва воды и энергии, а результативность стрельбы удручала.

Правда, для тварей и запов этого более чем достаточно.

Для робота завал слева не явился препятствием, он преодолел его, не поднимаясь выше трех-четырёх метров над обломками, так же легко спустился в обнаружившуюся за хаосом древнего хлама идеально круглую долину, в середине которой возвышалось странного вида сооружение, напоминающее наполовину раскрытый зонт высотой с двухэтажный дом.

Влад, еще раз, более вдумчиво оценив вид завалов, начал подозревать, что все эти века робот в основном занимался тем, что стаскивал сюда со всей округи разную рухлядь, огораживая свою док-станцию баррикадами. Перед итогами этой работы меркли масштабы египетских пирамид. Но, справедливым будет признать, срок строительства у египтян был куда меньше.

Эхнатон опустился возле зонта, терпеливо дождался, когда седоки спустятся, после чего подлетел к центральной колонне, выдвинул клешню многосуставного манипулятора, со звонким щелчком подсоединил ее и затих.

— Машина кушает, — пояснил Влад.

— Прости, Господи, грешника, но не мог бы ты спросить у машины, не найдется ли у нее еды и для нас?

— Это бывший пункт эвакуации. Еда здесь была, но не знаю, в каком она теперь состоянии. Жду связи с Космосом, он молчит, похоже, с другой стороны Земли находится.

— Святые старцы, одна машина возит и защищает, другая думает, чем нас накормить. Так и знал, что в грех с тобой впаду...

— Вот так и жили древние...

— Сами они были ни на что не способны?

— Смотря кто. Я вот, вроде, кое на что гожусь.

— Но ты древнее других древних. Ты совсем ветхий. Наверное, у вас вообще не было поганых машин.

— Были.

— Такие же?

— Попроще, но во множестве.

— В хрониках говорится, что машин, убивавших людей, тоже было очень много. Нехорошо, когда войну доверяют неживым устройствам.

— Да, мне рассказывали. В мое время люди убивали сами, машинам это не доверяли. Точнее, доверяли, но машинами этими управляли люди.

— Не очень у вас все понятно. Там, возле завалов, какие-то кустики растут. Давай наломаем веток и костер разведем, а потом в тепле будем ждать, когда твоя машина сможет заговорить.

* * *

Возле Эхнатона, должно быть, все живое чувствовало себя некомфортно, потому что даже кусты росли совсем уж чахлыми, будто страшились этим заниматься, и даже прятаться пытались среди хлама, скатившегося с завала. Пришлось попотеть, прежде чем насобирали несколько охапок, зато потом труд стократно окупился ощущениями блаженного тепла. Чуть ли не мурлыча от удовольствия, Влад, грея ладони, произнес:

— Жить стало веселее.

— Кому как. Я вот думаю, что совершил неслыханную глупость, решив идти с тобой.

— Ага. Зря ты не перерезал мне горло спящему. Сейчас бы уже был на полдороги к Новограду, а там девочки, кабаки, мясо, жаренное в очаге, кислая капуста с брусникой, пироги с осетриной, вино всех сортов.

— Ох нечистый, не бреди душу! Я бы сейчас за черствую корку руку отдал! Скажи мне, Влад, далеко ли еще идти до места, куда указывает машина?

— Да по прямой мы бы уже дошли, только вечно что-то мешает. Я еще не совсем научился обращаться с картой, но, похоже, не больше двадцати километров осталось.

— Опять на юг?

— Да. Заворачивая чуть к востоку.

— В этих землях очень большой путь... Чудо, что мы до сих пор живы. Влад, нас могли убить уже много раз. Помнишь ту тварь, что плюнула в нас гадостью, от которой плавилась стена? А ведь ни капли на нас не попало.

— Но я предупредил, что рядом засада, и мы сумели отбежать.

— Да, тебе сказал про это голос в голове. Уж не знаю, Тьма ли там в тебе шепчет или что другое, но без него мы бы уже давно были мертвы.

— Тьмы в этом голосе не больше, чем в алтарях ваших церквей.

— Ты кощунствуешь. Впрочем, даже это мне уже почти безразлично. Я слишком далеко ушел от нормальных земель.

— Отдохнуть тебе надо.

— Может, и так... А скажи, Влад, правда ли, что вся Земля теперь такая? — Луддит красноречиво указал на завал.

— Похоже, что так. Хотя Космос говорит, что кроме вашей обитаемой территории есть еще. Но там слишком маленькие участки. Ничего серьезного. Все остальное выглядит именно так.

— Древние жили погано, погано и умерли. Когда в деревне случается мор и не остается жителей, дома ветшают, разваливаются, бревна истлевают в труху. На ней вырастают кусты и деревья. Проходит век, и лишь кирпич от печи, попавшийся под ногу, может сказать, что здесь кто-то жил. А после древних вся Земля покрылась мусором их развалин. Не говоря уже об остальном. Они грешно жили, грешно умерли и гниют уже вечно, отказываясь разлагаться до конца. Не зря их проклинали.

Влад от нечего делать задал давно интересующий его вопрос:

— А почему на ваших территориях нет развалин?

— Не знаю. Почему-то древние не любили там жить. Мало чего от них осталось, а то, что осталось, растащили уже давно. Только Цитадель сохранилась.

— А как выглядит эта Цитадель?

— Она не похожа на эти развалины. Она... Она по-своему красива, а не уродлива, как все здесь. По ее подобию сооружаются пограничные форты. В стенах честные камень и мореное дерево.

— Но хранились в ней не такие уж честные вещи?

— Да, вещи от Тьмы. Но в святых руках они способны творить добро.

— Угу, — саркастически ответил на это Влад. — Я вот одно не понимаю. Чтобы управлять даже вот этим копиром, нужно иметь в голове биометку или что-то вроде этого. Штуку древнюю, которую сейчас ставят запам. Только с ее помощью можно управлять работой старой техники. Видел, как я общался с этим роботом? Ни слова не произносил, но он меня слушался. Так и со всем остальным можно. Но как вы заставляете работать старое оружие и приборы?

— Там есть штуковины, на которые нужно нажимать. И надо знать, в каком порядке это делать.

— На копире нет кнопок. Думаю, и на других устройствах они ни к чему. В то время биометка стояла у всех. Что об этом вашем оружии еще известно? Надписи есть или сохранились какие-то описания, почему оно управляется таким способом?

— Надписи? Они есть. К каждому древнему предмету в Цитадели. Даже к самому бесполезному. Таблички тоже древние, из древнего материала. На них начертаны древние письмена. Я видел их много и скажу тебе, что ни одна рука, сколь тверда бы ни была, не сумеет так ровно писать. Даже машина, что печатает церковные и прочие книги, делает это куда хуже, потому как в оттисках всегда найдутся огрехи.

— И что пишут на эти табличках?

— На каких именно?

— Ну... Ты видел тот прибор, с помощью которого меня искали?

— Конечно.

— И что там написано на табличке?

— «Мобильный универсальный сканер-пеленгатор эпохи перемодернизации. Экспонат номер семьдесят девять ноль триста двадцать. Подарен музею по завещанию Проция Театора, так же как прочие экспонаты из его частного собрания». Написано это было на поганом языке. Ты чего, Влад?

Влад ржал как конь при виде кобылы. Точнее, пытался это сделать — физическое состояние не благоприятствовало громкому искреннему смеху.

— Либерий!.. Ой не могу!.. Ты не представляешь, что сейчас сказал! Ну и умора! Знаешь, что такое эта ваша Цитадель?!

- Святое место, последний оплот праведников.
- Музей это. Древний музей. Еще небось под средневековый замок стилизован. Дерево мореное и камень. Ну и хохма!
- Музей? Что такое музей?
- Это такое место, куда складывают старые, никому не нужные вещи.

Либерий набычился:

- Наша Цитадель святое место, а не помойка!
- Извини, не хотел тебя обидеть. Я не говорю, что это помойка. Просто раньше люди любили сохранять старые вещи. Их искали по древним городищам, могилы даже не брезговали раскапывать. Все это они складывали в таких зданиях, а потом ходили на них смотреть.
- Смотреть? Зачем?
- Это доставляло им удовольствие.
- Что за удовольствие смотреть на вещи, которые забрали у покойника?
- Я тоже не понимаю, но доходило до того, что даже самих покойников в музеях держали, если, конечно, покойник оказывался достаточно древний.
- Не зря их покарали. Уж больно грязно жили.
- Что-то в твоих словах есть... И кстати: теперь все понятно!
- Что тебе понятно, древний?
- То, почему ваше оружие и прочее работает без биометок и других ухищрений. Просто у вас оно древнее тех древних, которые все привязали к устройствам, вживленным в головы. У ваших сохранилось ручное управление. Тихо! Космос на связь вышел, помолчи немного!
- Хорошо, Влад.
- Космос, у меня новость.
- Какая?
- Надеюсь, тебе понравится. Если я не ошибаюсь, мы примерно в двадцати километрах от заданной точки. Эхнатон, он до сих пор работает, и он подчиняется мне.
- Замечательная новость. Теперь вы сможете безопасно продолжать путь. Кроме того, Эхнатон способен разгрести завалы для доступа в подземные сооружения и быть транспортным средством.
- Не все так просто. Эхнатон в не очень хорошем состоянии. Это — мягко говоря.
- Ты можешь предоставить мне информацию о его состоянии?
- Попробую. Как это сделать?

— Затребуй от него доклад, я тоже его приму.

Выслушав список повреждений всех систем, Космос без паузы выдал:

— Заряда батареи должно хватить, чтобы добраться до заданной точки.

— Я уже это прикидывал. Но при этом энергии ему не хватит, чтобы вернуться к доку.

— Да — это так.

— Эхнатон там и останется, а мне от этого как-то не по себе. Он, когда нас нашел, смотрел как побитый пес на неожиданно обнаружившегося хозяина. Бросать его ржаветь там... Мы уже столько прошли, что нам еще двадцать километров?

— По мере удаления от границ человеческого анклава количество угроз возрастает. Мы должны свести риск к минимуму. Твои этические сомнения легко разрешить. Силовая установка Эхнатона — это вдвоенный набор стандартных энергоячеек. Они распространенное оборудование, и ты найдешь их в хранилище на месте прибытия.

— А если там нет хранилища? И вообще ничего нет?

— Будешь искать в других местах, пока не найдешь.

— А сколько весит такая ячейка?

— Приблизительно, как три четверти веса взрослого мужчины.

— И как я такую потащу через эти земли?

— Если найдешь хранилище у цели маршрута, нести не придется.

— А если нет?

— Эхнатону больше нечего защищать. Чтобы до конца выполнить свой долг, он должен доставить тебя к заданной точке. Если при этом он потеряет работоспособность, тебе придется смириться или искать другой источник энергоячеек. В любом случае от Эхнатона, привязанного к доку, тебе не будет пользы, а если ты доставишь его к хранилищам Красной сети, там, возможно, найдутся запчасти и оборудование для его ремонта. Даже поврежденный Эхнатон, при работающей силовой системе, — грозное оружие. Ты будешь защищен от метаморфов.

— Это я и сам понял. Ладно... уговорил... Попробуем дотащить робота туда. И еще одно. Тут, помимо дока, от которого он заряжается, есть хранилище для гражданских лиц. Здесь, как я понял, был пункт эвакуации. Людей надо было кормить, поить, медпомощь оказывать. У нас сейчас плоховато с продовольствием, можно ли питаться тем, что здесь сохранилось? Столько лет ведь прошло.

— Можно. Вы имеете дело с автоматизированным пунктом эвакуации. Все его хранилища хроноизолированы, продукты питания находятся в том же состоянии, что и при загрузке. К сожалению, медблок не сохранился. Судя по карте Эхнатона, он разрушен, остатки находятся под завалом. Также не сохранились аптечки, а это весьма полезный предмет.

— И как нам вскрыть это хранилище?

— Очень просто. Подойди к центральной колонне. Там заметишь приемные окошки. Видишь?

— Да. К одному из них Эхнатон и присосался.

— Он заправляется водой и энергией, их функционал это позволяет. А ты вызови меню управления и оформи заказ на получение пайка. Это несложно.

— Ладно, попробую разобраться.

— Я прерываю передачу, но буду находиться в ожидании вызова.

— Понял. До связи.

Разобраться с управлением хранилища оказалось и впрямь несложно. Не труднее, чем с копиром, а ведь Влад тогда справился без посторонних подсказок. Затруднения возникли на стадии оформления заказа.

— Либерий, ты не поверишь...

— За последние дни я увидел и услышал столько всего, что во многое могу поверить...

— Да тут столько... Ты это... есть хочешь?

— Нет, что ты! Мой обед был столь сытен, что клонит в сон и продолжать пиршество нет ни сил, ни желания! Влад?! Да ты издеваешься, что ли?!

— Не кипятись так. Тебе горячий обед? Это не шутка, мы можем сейчас получить что угодно.

— Тогда горячий, если без темного обмана.

— Да самому не верится. Суп с фасолью, картофельное пюре и мясо с томатной подливой подойдет?

— Еще как подойдет.

— Салат будешь?

— Какой может быть салат зимой?

— Да тут разные. Ананас с вымоченным черносливом и дольками... Знаешь, давай я просто закажу из помидоров, огурцов, перца и лука? И запить что-нибудь. Сойдет?

— Ты хочешь увидеть человека, захлебнувшегося до смерти собственной слюной?!

— Ладно, оформляю.

Наверное, Аладдин, потеряв свою лампу, смотрел на нее так же, как два грязных, смертельно уставших путешественника на кормушку для древних гражданских. Дверца окошка подмигнула розовым, распахнулась, на выехавшем столике показались два подноса, заставленные тарелками.

— Влад! — не веря своим глазам, выкрикнул Либерий. — Помидоры свежие! Совсем свежие! Как пахнет! Да ты и впрямь любимейшее отродье Техно, раз сотворил такое чудо посреди проклятых земель!

— Приятного аппетита, луддит.

Глава 13

Эхнатон, остановившись вблизи холма, увенчанного оплавившейся башней, не стал, как обычно, разворачиваться из стороны в сторону, сканируя курс на предмет угроз. Влад, ничего не понимая, посмотрел вперед и указал туда же рукой:

— Смотри, Либерий. Опять кресты с черепами.

— Похоже, мы пересекли территорию, которую машина считает своей.

— Ага. Она дальше не может лететь, иначе не хватит энергии вернуться к доку.

— Она поэтому остановилась?

— Не знаю. Сейчас спрошу.

Владу было трудно общаться с машинами, не отрешаясь при этом от реальности. Но с каждым разом это давалось все лучше и лучше. Вот и сейчас уже не во мрак погрузился, а продолжал смотреть за окрестностями:

— Эхнатон?

— Слушаю вас, контролер.

— Почему мы остановились?

— Точка невозвращения. Если продолжить путь, имеется риск не дотянуть до доковой станции. Батарея нуждается в замене, ее остаточная емкость критически мала.

— Нам придется двигаться дальше. Там мы найдем энергоячейки и зарядим твою силовую установку. Станешь как новенький. Давай, вперед!

— Принято. Выполняю.

Робот возобновил полет, а луддит спросил:

— Так чего он кочевряжился?

— Все, как я и говорил. Если на месте не найдем запчастей, он превратится в хлам.

— Еще неделю назад я бы на это ответил, что туда ему и дорога, но сейчас считаю, что он нам пригодится. Очень неуютно себя чувствую, когда представляю, что возвращаться через все это придется на своих двоих. Везение ведь не бывает бесконечным.

— Космос уверял, что, если хранилище в порядке, энергоячеек там лопатой грузи, а нам всего-то пару штук надо. Да и одной хватит, вообще-то. Он и без них на батарее неизвестно сколько протянул. Все же хорошо умели строить древние.

— Влад, но мы движемся не на юг. Почти на восток.

— Знаю. У Эхнатона с тех времен, когда он умел забираться дальше, осталась карта, на которую он наносил загрязненные районы. Задание у него было этим заниматься. Между нами

и базой Красной сети очаг радиационного заражения. Времени прошло много, но лучше не лезть через центр, сделать маленький крюк.

— А Эхнатону хватит на это энергии?

— По расчетам, у него останется запас километров на десять пути, когда до места доберемся, так что должно хватить.

* * *

Человек рассчитывает, а судьба вносит в его расчеты коррективы. Иногда кровью. И хорошо, что в этом случае обошлось без нее.

Хотя как считать. Энергия ведь тоже своего рода кровь, только для механических существ.

Эхнатон не прозевал угрозу. В очередной раз он остановился в месте, которое даже на общем унылом фоне казалось омерзительным. Скелетоподобные металлические сооружения, причудливо перекрученные, ржавые, увешанные ошметками пластика, колышущегося на ветру и издающего при этом гнуснейшие звуки. Будто упитанные тараканы за обоями шуршат.

Робот, развернувшись к развалинам, замер на несколько секунд, а затем его пушка заработала. Разлетались в стороны тлеющие синими огоньками куски пластика, плавилась и подрубалась прутья арматуры, и без того покалеченное сооружение оседало все больше и больше, будто сахарная башня, оказавшаяся в кипятке. Не выдержав обстрела, устроившие засаду твари ринулись в самоубийственную атаку. Они двигались так стремительно, что трудно было сфокусировать на них взгляд. Крокодилообразные тела с перепонками на передних лапах. В прыжках они расставляли лапы в стороны, после чего долгое время планировали, ловко меняя направление движения.

Но на Эхнатона их увертки не действовали. Орудие лишилось всех своих функций, кроме единственной: беглый огонь в нефокусированном режиме. Расходящиеся, будто картечь из обрезка, потоки плазмы сметали тварей, коверкали их тела, отрывали конечности и головы, поджаривая останки. Влад даже не успел их сосчитать, бойня не заняла и полминуты. Над полем боя воцарилась тишина, нарушаемая тихим треском ленивых пожаров. И пованивало не розами, а горелым мясом.

А запах не такой уж и мерзкий. Если приготовить, как полагается, может, и согдится пожевать.

Затем произошло неожиданное. Эхнатон, впервые за все время, коснулся земли, плавно опустившись на нее брюхом. После чего замер.

Влад, ничего не понимая, вызвал робота:

— Эхнатон, почему стоим?

— Батарея села.

— Села?! Там же еще должна оставаться энергия!

— Плазменное орудие требует больших затрат энергии.

Вот оно что! Пульнуть в одиночного монстра, не успевшего убраться с пути, и отбить

массированное нападение — не одно и то же. Одиночными зарядами в снайперском режиме поврежденное оружие бить не могло, вот и разрядило остатки батареи за пару десятков секунд.

— Что это случилось с машиной? — спросил Либерий.

— Она потратила всю энергию для стрельбы. Остатков батареи не хватает, чтобы держаться в воздухе.

— Теперь мы пойдем пешком? Далеко осталось?

— Километров пять-шесть. Совсем ерунда. Как жаль... Подожди, поговорю с ним.

Несмотря на разряд батареи, робот не отключился. Влад убедился, что Эхнатон сможет продержаться еще дней двадцать, если не больше. Хорошая новость, ведь, насколько он понял, система управления робота хоть и уступала Космосу многократно, все же была сложна и обладала функцией саморазвития, так что за века, занятые выполнением приказа, он изрядно поумнел. Полное отключение машинной психике вредно — можно потерять нажитое, если не полностью, то частично. Это похоже на клетки мозга, отмирающие после затянувшейся клинической смерти. Монстрам руин бронированная туша неинтересна, так что с их стороны ему ничего не грозит.

Всего-то и надо успеть доставить хотя бы одну энергоячейку до полного отключения...

— Эхнатон...

— Слушаю вас, контролер.

— Ты не сможешь дальше двигаться, а мы еще не добрались до цели.

— Мне очень жаль, контролер. Я больше ничем не могу вам помочь.

— Лежи здесь, мы за тобой вернемся и принесем энергоячейку.

— Хорошо, контролер, я буду вас ждать.

— Мы обязательно вернемся.

Глава 14

— Все, вроде бы пришли, — устало произнес Влад.

Либерий, ничего на это не ответив, плюхнулся на первый попавшийся камень, успев, впрочем, подложить под пятую точку свернутую шкуру.

Наверное, никому на свете так дорого не давались жалкие пять или пусть шесть километров пути. Пришлось делать два обхода, избегая зараженных районов, не обозначенных на карте Эхнатона. Во время второго обхода опять напали крокодилообразные твари. На этот раз их было всего лишь две, но и этого едва не хватило для краха похода. Монстры погибли, но правая ладонь Либерия превратилась в месиво из костей и плоти, как боец, он потерял почти все. Влад отделался легче, ему порвали голень. Рана скверная, но с его возможностями не столь уж опасная. Вот только скорость продвижения сильно замедлилась, что в этих местах для человека, пахнущего кровью, чревато проблемами.

И проблемы образовались. Начались они с того, что какой-то так и не показавшийся на глаза

монстр, укрывающийся в руинах, подцепил Либерию щупальцем, оканчивающимся крюком. Лишь хладнокровие луддита позволило спастись: он успел выхватить трофейный кинжал и резким взмахом освободился, вместе с куском конечности твари. Та обиделась, долго завывала дурным котом из развалин, но выбраться во всей красе не рискнула.

Затем совсем мелкая тварь, габаритами со среднюю собаку и похожая на смесь противоестественного сожительства кузнечика с кенгуру, прыгнула сверху, когда проходили мимо высоких руин треугольного здания, некогда украшенного высоченным шпилем, от которого теперь остался лишь погнутый каркас. Признав во Владе самого опасного, она начала с него, прямо в полете плюнув в лицо веером брызг, от которых на лице начала лоскутами расплзаться кожа. Пока он пытался защитить глаза и наскоро смыть гадость растопленным снегом из фляги, монстр успел вбить костяной шип в правый бок луддита, но при этом чуть замешкался, и Либерий отвесил ему знатного пинка, после чего сумел увернуться от кислотной атаки. Затем они бегали друг от друга вокруг большого обломка, не решаясь атаковать нахрапом. Это позволило пришедшему в себя Владу вмешаться в схватку, пронзив тварь копьём.

После боя пришлось долго возиться с боком Либерию, рана не желала успокаиваться, кровь сочилась, что ни делай. Возможно, в рану попал яд. Луддит принял сразу две порции биоты, но выглядел так, будто поднялся из гроба на десятый день. Влад тоже чувствовал себя не лучшим образом. Несмотря на все его усилия, левый глаз почти ничего не видел, да и правый слезился все время. Половина лица раздулась и адски чесалась. Оставалось радоваться, что нет зеркала, ведь красавцем стал тем еще. Даже Либерий, глядя на него, бледнел еще больше.

И вот, наконец, они на месте. Два прямоугольных здания высотой с пятиэтажный дом и длиной метров по сто поставлены параллельно друг другу. Между ними низенькая цилиндрическая башенка из светлого металла, невдалеке на востоке виднеются руины большого города. Возможно, даже того, на окраине которого выбрался Влад в первые дни пребывания здесь.

Западное здание было сильно повреждено, почти половина его рассыпалась обломками. Второе тоже новеньким не выглядело: один угол обрушился, в стенах видны проломы, местами обрушились внутренние перекрытия. Лишь башенка как новенькая, если не брать в расчет грязную поверхность металла. Тут будто стоя в миллион голубей не один год гадила, используя ее в качестве заменителя головы памятника.

С сомнением оглядев картину запустения и разрушения, Влад вызвал Космоса. Тот ответил мгновенно:

— Ты на месте?

— Да.

— Какова обстановка?

— Наружный комплекс сильно пострадал. Одно здание наполовину разрушено, второе повреждено меньше, но тоже печально выглядит.

— Наружные сооружения нас не интересуют. Нет ли следов применения глубинного оружия?

— Знать бы еще, как эти следы выглядят...

— Признаки обрушения подземных сооружений в виде провалов, ступенчатые деформации поверхности земли, прочие контрастные формы рельефа, глубокие воронки, водоемы

правильной формы?

— Вроде ничего такого не заметно...

— Видишь цилиндрическую башенку между зданиями?

— Да. Она целая.

— Подойди к ней.

— Я возле нее и стою.

— Что говорит твоя система контролера?

— Говорит, что принят запрос от стража базы. Дан ответ на запрос, страж принял меня за своего и докладывает о состоянии базы.

— Что он докладывает?

— Странно отвечает. С запинками. Лениво как-то. Вроде база частично цела. Потеряна большая часть восточного крыла, целиком южное, частично северное. Западное уцелело. И вообще, сам слушай доклад. Ты же можешь через меня.

— По городу был нанесен удар, прилегающие к нему части подземного комплекса пострадали.

— Тебе виднее. Что скажешь? Мы зря пришли? Я на ногах еле стою и ранен, а мой товарищ искалечен.

— Страж базы потерял функциональность. Его доклад неполон. Тебе придется работать в ручном режиме.

— Нам бы отдохнуть...

— Вы будете отдыхать. Я пришлю к вам Тейю Харрис, она запустит медицинский комплекс.

— Ты уверен, что она разберется?

— Она может сделать это лучше, чем вы. И помочь твоему товарищу тоже сможет. Медицинское оборудование базы излечит почти любое ранение.

— У него от правой кисти мало что осталось.

— При необходимости ему вырастят новую кисть. Это сейчас не главное. Доложи мне, есть ли в округе площадка для посадки капсулы.

— Космос, да я всю жизнь только тем и занимался, что искал площадки для посадок капсулы. Неужели сам не понимаешь, что в этом я профан?! Может, лучше на парашюте ее спустить, если он там есть.

— Имеется. Но при посадке с его помощью невозможно добиться попадания в нужную точку. Пассажирский отсек может отнести из-за ветра и прочих факторов на километры от твоего расположения. Из информации, полученной от тебя, я сделал вывод, что передвигаться по данной территории — значит подвергаться риску, и поэтому мы должны свести такие передвижения к минимуму.

Влад, представив, как он будет в одиночку искать парашютистку, а потом идти с нею через все это опять, решил не спорить. Он сильно рискует не довести девчонку живой.

Хотя есть еще идея...

— Космос. А что, если найти в хранилище энергоячейку и дотащить ее до Эхнатона? Тогда мы, ничего не опасаясь, спокойно воспользуемся парашютом.

— Ты говорил, что ранен. Потребуется время на восстановление. А времени у нас нет.

— К чему спешка? Мы вон сколько ждали, еще пара дней ничего не решат.

— Ты уверен, что без риска для жизни сможешь доставить энергоячейку?

Влад, вспомнив последние часы пути, представил, как пойдет назад в одиночку, да еще и с грузом килограммов в пятьдесят-шестьдесят, хромая на одну ногу. Поморщился от зуда в пострадавшей щеке и признал:

— Не уверен.

— Я зафиксировал подозрительную активность радикалов. Анализ ситуации говорит, что они догадываются о моем существовании. По крайней мере, их мероприятия нацелены на поиски космических объектов. Они запустили поисковую установку гражданского назначения. Но, возможно, она часть военного комплекса для поражения орбитальных целей. Подобное практиковалось при нехватке ресурсов на заключительных этапах войны. Не так много сохранилось значительных космических объектов, они могут атаковать их всех, и меня в том числе. Затеряться не получится. Нам надо спешить.

— Ладно, уговорил. Попробуем посадить капсулу здесь, раз уж нам никак без посадки не обойтись.

— Если радикалы начнут обстрел орбиты, капсула тоже подвергнется угрозе. Она заметный объект.

— Я ведь уже сказал, что ты меня уговорил!

— Не нервничай. Доложи, есть ли подходящая площадка.

— Объясни, какая требуется.

— Ровная поверхность, вытянутая с запада на восток. Длина двести метров взрослого мужчины, ширина не менее пятидесяти.

— К западу от базы равнина чуть ли не до горизонта. И ширина такая же. Есть кое-где обломки какие-то, но поблизости ни одного крупного.

— То есть в качестве ориентира можно выбрать западное здание наземного комплекса?

— Да.

— Принято. Запускаю процедуру аварийной посадки капсулы. При этом хроноизолятор будет отключен, Тейя несколько часов будет находиться в сознании, усыпить я ее не смогу. Возможно, она испытает нервное потрясение, будь к этому готов. Система связи на капсуле незащищенная, велик риск, что с Земли засекут наши переговоры. И если меня вычислить

затруднительно, ее неминуемо идентифицируют, придут к выводу, что она жива.

— Хорошо. Я понял. Надеюсь, у нее крепкие нервы, чтобы все это выдержать. Точнее, уверен, что крепкие. Я видел, как Тейя танцевала... этот ваш фрикаст. А мне что делать, пока жду ее?

— Рекомендую укрыться в подземном комплексе. Там нет метаморфов, имеются запасы продовольствия и воды. Также имеются комнаты отдыха биологического персонала, хотя не могу гарантировать, что комфорт в них сохранился на прежнем уровне. Функционала стража хватит, чтобы вам все это предоставить.

— Хорошо, Космос, до связи.

* * *

Узкий луч электромагнитного излучения скользнул по околоземному пространству, коснулся противометеоритных щитов капсулы, запустив электрическую кровь по токопроводящим дорожкам антенных контуров. Дешифровав сигнал, автоматика станции отослала подтверждение приема, после чего начала одну за другой оживлять спящие системы крошечного космического корабля.

Вот прошел тест двигателя, о чем ушел соответствующий доклад. Тормозная система в порядке, об этом тоже надо сообщить. И обо всем остальном тоже, вплоть до мелочей.

Хотя разве бывают мелочи в том, что касается спасения человека?

На высоком холме, расположенном в шестидесяти двух километрах западнее самого дальнего форта ордена луддитов, в небо уставились десятки антенн. Они никогда ничего не передавали, но слушали очень внимательно. Перехватить снайперский луч, излучаемый системой связи наблюдателя резервного узла номер четыре-семнадцать, они не смогли, зато доклады, отсылаемые капсулой, ловили с легкостью.

Расшифровать их тоже не составляло труда, и спустя несколько минут был сделан вывод, что управление капсулой перехвачено. Корреспондент, осуществивший перехват, находится в околоземном пространстве, и в данный момент между ним и капсулой имеется прямая видимость или он пользуется ретранслятором, что менее вероятно. Анализ карты орбит показал, что передача, перехватить которую наземными способами не получается, может производиться от четырех объектов. Крупный обломок бывшей станции, некогда входивший в сеть «Удовольствия и увеселения»; остатки гравископа, созданного для картирования областей повышенной концентрации темной материи; кормовая часть грузопассажирского корабля, некогда совершавшего регулярные рейсы к астероидным поселениям; и неидентифицируемый предмет, которых вблизи Земли все еще хватало. Скорее всего, обломок чего-то приличного, и в отличие от прочих, его размер позволял скрывать многое. В том числе и носителя искусственного интеллекта, вместе со вспомогательным оборудованием, или узел связи ретранслятора.

Таким образом, был сделан вывод: на одном из этих объектов скрываются биологические существа или искусственные устройства. Наличие в околоземном пространстве противника, имеющего технологические знания, было недопустимо. И как ни малы накопленные ресурсы, нельзя их экономить: надо приложить все силы для немедленного подавления угрозы, не считаясь с расходами.

Доклад был отправлен. Приказ, весьма ожидаемый, был получен спустя несколько минут.

В ста сорока семи километрах от холма со станцией слежения дрогнула земля. Разрывая дерн и корневую систему кустарников, плотно оккупировавших территорию за годы, прошедшие с восстановительных работ, по рельсам двинулись многотонные полусферы из строительного стекла, армированного металлической сетью. Путь их был недолгим, ровно на столько, сколько требовалось для открытия двух вертикальных шахт.

В идеале на запуск звена должно было уходить от семидесяти трех до восьмидесяти одной секунды. Сейчас ушло сто девяносто шесть — время не пощадило систему, и капитальный ремонт не смог все поправить.

Одновременно стартовав, в небо ушли четыре стрелы, опирающиеся на столбы ослепительно-белого пламени. Пройдя сквозь верхние слои атмосферы, на две части разделились конуса не нужных более обтекателей, и будто пчелы, вылетающие из распустившихся цветков, впервые за много веков на охоту вышла самая злобная орбитальная мелочь: заатмосферные перехватчики.

Смысл их короткой жизни был один — уничтожить до полного расхода боекомплекта и энергии, после чего должен сработать одноразовый двигатель, конструкторами поэтически названный «Последняя песня». Его рывок бросает перехватчик навстречу родной планете, и он находит красочную смерть в пламени атмосферного падения.

Цели у перехватчиков были особые: ракеты «космос — космос», угрожающие орбитальным объектам, и «космос — земля», прорывающиеся к планете; аналогичные перехватчики противника, запускаемые с кораблей-носителей; малотоннажные военные суда; незащищенные цели любого размера. Слабое бортовое вооружение не позволяло разгрызть твердые орешки.

При выполнении нынешней миссии это могло сильно помешать. Ведь в случае, если цель укрыта под многими метрами оплавленного металла и силикатно-пластиковых конструкций, серьезно повредить ее весьма затруднительно. Здесь требовались средства помощнее, но их, к сожалению, не было.

Пока что не было.

Но и для твердых орешков пыливый ум, чьей нынешней задачей являлось лишь разрушение, нашел способ. Немного импровизации, немного времени, немного опыта, и ни один объект на орбите не сможет избежать гибели. Пусть не мгновенной, но все равно неминуемой. При условии, конечно, что он не имеет серьезной активной защиты.

Но если такие объекты существуют, то все бессмысленно. Слишком незначительны возможности испепеленного мира, чтобы защититься от такой угрозы.

Радикалы атаковали, даже не зная, кого атакуют. Они или одержат победу, или столкнутся с противником, против которого все их усилия напрасны. Но другого выхода они не видели. Такова их судьба. Истина за ними, и сам Бог на их стороне, раз они до сих пор живы, в отличие от миллиардов их противников. Победа неизбежна.

И капсулой тоже надо заняться. Раз она интересуется противника, то заслуживает уничтожения.

Глава 15

И снова как в первые деньки. Опять подземелье. И пусть не так все запущено, но жилым духом не пахнет. Нет паутины и мокриц на стенах, даже частично свихнувшийся страж ничего живого не допустит в свои владения, если это не прикажет человек, имеющий высокий допуск.

Зато пыли полным-полно. И сырость по углам. Лампы в коридорах загорались, когда Влад тащил по ним отрубавшегося на ходу луддита, и быстро гасли за спиной. Хозяин скуповат на траты энергии. Возможно, здесь имеется какой-то внутренний транспорт, но как его затребовать, Влад не представлял: уж очень дерганое общение получалось со стражем и далеко не все он мог понять. Здешний искусственный мозг не справился с грузом веков. Может, и есть способ его привести в норму, но способ этот надо знать.

Есть вероятность, что Тейя справится. Если, конечно, до сих пор жива. В этом тоже имеются сомнения.

Комната отдыха персонала оказалась под стать всему остальному. Некогда что-то вроде номера в отеле, ныне пыльная, заброшенная. Потечи на стенах, отслоившийся пластик, лишь мебель целая, только мягкая оказалась сильно продавленной, будто все это время на ней валялись слоны.

Человек удивительно консервативен в том, что касается обыденного уровня комфорта. Столько времени минуло между эпохой Влада и той, в которой жили мастера, спроектировавшие убранство этого помещения, но без подсказок было прекрасно понятно, на чем сидеть и где лежать.

Пристроив Либерия на некоем подобии дивана, Влад размотал заскорузлое тряпье, изучил увиденное зрелище, и оно ему не понравилось, о чем он заявил прямо:

— Дело дрянь. Наверное, у этой твари слюна ядовитая. Не помогает биота. Все раздуто, воспалено, да и запах тот еще.

— Влад, я и сам вижу. Похоже, с этой рукой придется прощаться. Она мне хорошо послужила, но жизнь дороже. Ты сможешь ее ампутировать?

— Ну... много от меня не жди, но должен справиться. А бок что? Тоже отсекать будем?

— С боком не так все страшно.

— Ты очень плохо выглядишь. У тебя жар.

— Чем больше мы об этом будем говорить, тем хуже я буду выглядеть.

— Давай все же немного подождем с операцией. Помнишь, я рассказывал про девушку в небесах?

— Ну?

— Космос должен ее опустить прямо к нам. Я поднимусь на поверхность, встречу. Может, с ее помощью запустим здешнее медицинское оборудование и залатаем тебя.

— Когда должна появиться эта девушка?

— Не знаю. Космос сказал, что потребуется несколько часов.

— Краснота может подняться гораздо выше, значит, и ампутировать руку придется выше.

— Надеюсь, до этого не дойдет. На вот.

Влад протянул луддиту маленькую бутылочку, заполненную медового цвета жидкостью.

— Что это?

— Алкоголь. Бухло. Называется эйтрей. Только не спрашивай, что это означает и из чего его делают.

— Все же спрошу. Особенно интересно, где ты его взял.

— Да на том доке, откуда и пайки. Прихватил пару бутылочек на всякий случай.

— Я заметил, как ты из нее раны поливал.

— Ранам алкоголь полезен. А тебе и внутрь не помешает.

— Не любитель пошла, но склонен с тобой согласиться. Это будут самые длинные часы в моей жизни. Лучше уж опьянеть.

— Ага. Полегчает. Я рядом завалюсь, сил тоже нет. Если долго буду спать, разбуди. Надо не проворонить прилет Тейи. Космос что-то не отвечает, наверное, слой земли мешает связи, так что он меня вряд ли сможет поднять.

* * *

Появление капсулы Влад не проспал. Даже более того: почти не отдохнув, несколько часов караулил, скрываясь в руинах. Вначале, притащив копир, загружал его разным хламом до полной разрядки батареи. В перерабатываемых материалах он выбирал лишь ртуть и сурьму, хорошо запомнив, что именно они самый редкий компонент для капсульного состава.

Парадокс: он давно бы уже мог сотворить несколько копий пистолета, но не было смысла, поскольку копировать патроны не мог. Не хватало мелочей, несчастных долей граммов тех самых ртути и сурьмы. Без них оружие останется простой железякой. Был бы жив Давид, может, придумал бы что-нибудь. Или, по крайней мере, смог найти богатое сырье. У Влада получалось плохо: батарея копира разрядилась почти без толку. Ему придется работать не один день, чтобы пару раз выстрелить.

Может, на базе Красной сети имеются копии промышленного размера или запасы элементов всей таблицы Менделеева, но, как их найти, он не представлял. Коридоры с хроноизолированными хранилищами были перекрыты стальными дверями, свихнувшийся страж или не знал, как их открыть, или не понимал, чего хочет от него Влад, на все запросы отвечая докладами о состоянии осветительной сети и лифтовых установок.

Парадокс. Под ногами Влада, возможно, складированы тысячи тонн смертоносного груза, а он корпит над мусором, стараясь выделить из него ингредиенты для оружия, которое здесь, наверное, даже в музеях не сохранилось. По крайней мере, для луддитов ружье оказалось неожиданностью, а уж они в музейных делах должны разбираться, раз в одном из музеев устроили штаб-квартиру.

Мусора, кстати, предки оставили предостаточно. По городу, руины которого виднелись восточнее, очевидно, было нанесено несколько сильных ударов, отчего обломки сооружений разлетелись на километры. Немало их упало в окрестностях базы, чем Влад сейчас пользовался. В поисках перспективного сырья он обошел наземные сооружения базы по периметру и возле угла восточного здания нашел длинную ровную трубку из серебряного металла. Прикинув ее внутренний диаметр, он уловил за хвост перспективную идею и отнес трофей ко входу в лифтовую башню.

Теперь главное разжиться патронами, а там можно будет поэкспериментировать.

Когда он, борясь с дремотой, с арбалетом наготове сидел на верхнем этаже западного здания, ему внезапно пришла в голову мысль, что девушка из цивилизованного будущего может испытать культурный шок при виде небритого субъекта, облаченного в не первой свежести шкуры и к тому же украшенного краснотой на половину лица. Да и заплывший глаз не добавляет фотогеничности.

Влад помчался вниз, выбрал из трофеев самый острый нож и кое-как обрезал неряшливую бороду. Без зеркала результат оценить было трудно, но он нашел заменитель. Южнее Подонца и правда было теплее, день выдался хоть и пасмурный, но не морозный. Выпавший недавно снежок таял, образуя мелкие лужицы. Заглянув в одну из них, Влад разглядел то, что лицом назвать было ну никак невозможно. Как будто старому козлу небрежно вырвали шерсть с морды, а на полученный результат неровно вылили кипяток. К тому же у козла, похоже, имелась вьетнамская родня, судя по характерному разрезу одного глаза. К сожалению, организм, даже снабжаемый пайками, прихваченными из пункта эвакуации, восстанавливал повреждения не так быстро, как хотелось бы.

С одеждой Влад ничего не стал придумывать. Да и если вдуматься, на образину с такой харей хоть смокинг напяливай, все равно выйдет пугало.

Как тут ни крути, а психологический шок Тейе обеспечен.

Шли часы, а ничего не происходило. Даже твари не показывались на глаза. То ли избегали всего, что связано с Красной сетью, то ли здесь совсем уж глухо обстояли дела в смысле добычи, вот и не заглядывают. Честно говоря, он очень опасался, что по их следам припрется очередная напасть в виде стаи слизней или чего похуже, так что почти все время таранился в северную сторону. Иногда ему мерещилось движение между чахлыми кустиками и обломками умершего города, заброшенными сюда силой взрывов, но каждый раз оказывалось, что это ложная тревога.

Несмотря на потепление, было зябко. Шкурам одежды давно полагалась хорошая чистка, а заскорузлым от грязи подштанникам — стирка. Хорошо бы найти в подземельях базы прачечную и там с помощью техники «светлого будущего» привести в порядок тряпье неандертальца.

Зато холод не давал задремать. Хоть какой-то от него прок.

Когда с небес донесся хорошо знакомый звук работы авиационного двигателя, Влад не сдержал улыбки. А то уже почти отчаялся, решив, что у Космоса ничего не получилось. Тем более ни одна из попыток связи с ним не увенчалась успехом. Пробив слой облаков, в вышине сверкнула серебристая точка, быстро увеличивающаяся в размерах. Метеором промелькнув над руинами города, она, приблизившись, приобрела форму острейшего клина, увенчанного высоким хвостом.

Влад с тревогой отметил, что капсула идет слишком низко и не совсем туда, куда они договаривались. Вместо того чтобы пройти над базой и сесть на западе от нее, посреди ровной и чистой равнины, космический аппарат, похоже, собрался приземлиться восточнее. А это ближе к городу, и разнокалиберных обломков там, само собой, куда больше.

В носовой части капсулы сверкнул факел. Вероятно, сработала тормозная система, потому что скорость аппарата начала стремительно падать. Высоту он терял еще быстрее, и, наконец, приблизительно в километре от позиции Влада, его брюхо коснулось чуть присыпанной

мокрым снегом пустоши. В обе стороны выплеснулись брызги грязи, перемешанной со щебнем и мусором, некогда являвшимися частями городских сооружений. Огонь, вырывавшийся из тормозного двигателя, погас, зато из хвоста вырвался ярко-красный комок на тросе, стремительно раскрывшись в парашют.

А дальше начались проблемы. Парашют не отработал и трех секунд. Нижний его край зацепился за какой-то обломок на земле и получил разрез. Не такой уж страшный, можно сказать, мелочь на фоне такой площади, но сопротивление воздуха, найдя слабинку, мгновенно его расширило, причем фатально — купол, разорванный пополам, покотился за капсулой двумя бесформенными тряпками.

Затем Влад не сдержал крик отчаяния. На пути капсулы оказался кусок стеклоподобного материала, некогда являвшегося частью нештучных размеров здания. Габаритами с микроавтобус, он сильно уступал космическому аппарату, но, в отличие от него, был куда плотнее и вряд ли легче.

Столкновение вышло феерическим. Острый нос капсулы оторвало напрочь, корпус при этом повело вверх, и он, распарывая брюхо, прошел над препятствием, после чего опять плюхнулся на землю, подпрыгнул, крутанулся волчком, упал набок, сломав сильно скошенную плоскость, и покотился дальше, оставляя грязный след на снегу и разбрасывая обломки обшивки.

Фюзеляж капсулы, лишившийся плоскостей, хвостового оперения и носа, остановился в двухстах метрах от восточного здания наземного комплекса базы. Влад, торопясь вниз, едва не свернул шею на полуразрушенной лестнице, после чего пошлепал по мокрому снегу к разбившемуся аппарату.

На бегу он отметил, что, несмотря на катастрофичность посадки, корпус, похоже, не деформировало. С него оторвало кучу деталей, и через прорехи проглядывала начинка — массивный черный цилиндр, с виду не поврежденный. Наверное, та самая бронекapsула, о которой говорил Космос. Если она не пострадала, есть шанс, что и пассажирка цела.

Остановившись перед обломками капсулы, он растерянно замер, не представляя, что делать дальше. Исковерканный металл скрипел и потрескивал от перенесенных тепловых и механических перегрузок, из лохмотьев, некогда бывших носом, поднималась струйка черного дыма. Огня не было, но Влад опасался, что вот-вот что-нибудь полыхнет, и тогда точно хана. Огнетушителя у него нет, воды поблизости тоже. Луж мало, они мелкие, а слой снега не больше пары сантиметров, так что засыпать пламя не получится.

— Обнаружена спасательная капсула. Тип: стандарт четыреста двадцать два. Комплектация: базовая. Статус: посадка в ручном режиме, разрушение внешнего корпуса, срабатывание динамической защиты. Пассажирский отсек: функционирует. Пассажиры: одна штука. Статус пассажира: функционирует, возможны повреждения. Ситуационная рекомендация: вскрыть пассажирский отсек, обеспечить эвакуацию и медицинскую помощь.

Влад и рад бы добраться до начинки капсулы, только не представлял, как к ней подступиться.

— Эй! Как ее открыть?!

— Механизм открытия: не функционирует. Механизм отстрела: не функционирует. Ситуационная рекомендация: снять крышку бронекapsулы в ручном режиме.

Дымок в носу стал заметно гуще, ноздри уловили вонь тлеющего пластика. Прекратив терзать свой внутренний голос, Влад, используя поднятый с земли металлический прут в качестве

лома, содрал остатки обшивки с боковой части капсулы. Точнее — изначально верхней, где, как он привык, располагаются кабины летательных аппаратов, а может, фонари, или как там их называть правильно. В любом случае, космический аппарат сейчас лежал на том, что осталось от его левой плоскости, и теперь верх стал правым боком.

Логика Влада не подвела, в монолитном корпусе обнажившегося черного цилиндра обнаружилось подобие прямоугольной сильно вытянутой дверцы. Видимо, та самая крышка. Знать бы еще, как ее поднять. Ни ручек, ни кнопок, ничего другого, что можно попытаться использовать. Лишь тревожно мигающая красным лампочка на гладком корпусе.

Изучив щель между корпусом и крышкой, он понял, что лом здесь не годится. Вытащил из ножен кинжал, с силой вбил его кончик, надавил всем телом, рванул в сторону. Хрустнул металл, и Влад остался с испорченным оружием.

Но кончик клинка остался торчать в щели, которая даже, если не обманывает зрение, чуть расширилась. Влад, воодушевившись, еще раз повторил процедуру, на этот раз сломал лезвие почти возле основания.

Теперь он точно убедился — да, щель увеличилась, крышка чуть поднялась. Все еще недостаточно, чтобы использовать металлический прут, и в ход пошли жалкие останки кинжала. Механизм, наконец, не выдержал надругательства, крышка поддалась, с хрустом приподнялась, а затем произошло неожиданное. Из-под нее хлынули фонтаны пены, вмиг залил Влада с головы до пят. Скорее всего, ее выдувало напором сжатого воздуха, уж очень бурно протекал процесс.

Когда он кое-как протер глаза, то увидел следующую картину. Капсула оказалась двойной, видимо, пеной был заполнен объем между внутренним и внешним цилиндром. Возможно, для безопасности пассажира. Первую крышку он варварски сорвал, вторая сейчас медленно поднималась.

— Статус спасательных работ: пассажирский отсек капсулы вскрыт.

Влад замер, заворуженно глядя, как из недр аппарата показывается пассажирка. Хрупкая черноволосая девушка, очень похожая на ту, которую он видел на показанном Космосом ролике. Жесткая посадка не прошла бесследно, она была заметно дезориентирована, с трудом нащупала края выхода из отсека, помогая себе руками, потащила тело наружу, вывалилась в снег. Приподнялась, попыталась встать, но рухнула на колени. Затем ее согнуло в рвотном спазме. Справившись с тошнотой, она подняла голову, продемонстрировав донельзя измученное лицо бледнее мела.

Только тут Влад, наконец, преодолел странное, так несвойственное ему оцепенение:

— Тейя Наррис?! Ты Тейя Наррис?! Ты слышишь меня?!

Она, глядя сквозь фигуру, закутанную в шкуры, да еще и слоем пены залитую так, как смотрелась бы кошка, извлеченная из стиральной машины после сеанса стирки и отжима, вытерла кровь, сочащуюся из уголка рта, и, запинаясь, ответила:

— Си. Бюрге Тейя Наррис. Стейшин Озн.

Глава 16

Когда Влад в прошлом году впервые повстречался с нормальным местным жителем, а не

запом, то первое, что его удивило, — язык. Он прекрасно понимал Диадوخа, несмотря на бездну веков, разделяющую их эпохи. Если и проскакивали непонятные или искаженные словечки, догадаться о смысле не составляло труда. Никаких проблем с пониманием не возникало, разве что говорить поначалу было не так просто, но если не торопиться, то и здесь все прекрасно получалось.

А ведь язык — не мертвое образование. Он живет, развивается, к тому же человечество пережило серию катаклизмов и войн, выжившие неизбежно перемешивались, обогащая лексикон друг друга. Даже в его время заимствованных словечек хватало, сейчас их должно быть куда больше.

Из разговора с Либерием Влад понял, что хорошо знакомый ему русский язык распространен здесь искусственно, в связи с церковной политикой возврата к истокам. Ничего удивительного, что это вернуло человечеству язык, некогда господствовавший на данной территории.

Будь у них словарь неандертальцев, живших сто тысяч лет назад где-нибудь в пещерах Подмосковья, церковники бы приняли его с радостью, но, за неимением такой серьезной древности, использовали то, что подвернулось. К счастью для Влада и его спутников. Они и так выглядели белыми воронами, а уж если бы не владели языком, то и вовсе хоть на глаза никому не показывайся.

С машинами предков он, правда, общался без проблем. Но «Шизофрения» и Космос пользовались русским, а Эхнатон и страж базы вообще грузили что-то вроде образов, которые мозг затем перерабатывал в слова того же русского языка. Иногда получалось странно, но все равно понятно. Так что сложностей в общении с техникой он не испытывал, если не считать того, что иногда мог догадаться, о чем идет речь. Но это скорее следствие отсутствия технического образования и навыков, чем лингвистическая проблем.

Все это он упустил, планируя встречу с Тейей, и теперь столкнулся с непредвиденным: он ее не понимал. То есть некоторые слова были очень даже узнаваемы, те же русские, или английские, но лишь некоторые. О смысле сказанного можно было лишь догадываться, а уж отвечать и вовсе не получалось. Полиглотом Влад не был, к тому же сильно подозревал, что многое из сказанного девушкой в современных ему языках не найти.

Все живет, все меняется, да и новое не устает появляться.

В первые минуты после приземления состояние Тейи было таково, что она безропотно позволила увести себя ко входу в подземный комплекс. Влад затащил ее под колпак того, что он называл телепортатором, а страж базы — лифтом, после чего они в одно мгновение оказались глубоко под землей. Вот там, идя по пути к комнате отдыха, девушка наконец начала приходить в себя.

Для начала она отшатнулась от Влада в сторону, хотя до этого без возражений принимала его помощь — он вел ее, чуть придерживая. После этого начала скороговоркой сыпать фразами, ни одну из которых он даже приблизительно не понял.

Хотя что тут непонятного? Что вообще может спрашивать девушка в такой ситуации? Уж явно не дорогу в библиотеку выпытывает. Ей интересно, кто он такой, где она находится и каковы ее ближайшие перспективы. Ну и остальное в том же роде.

Ответить Влад не мог, но попытался.

— Тейя... Тейя Наррис. Ты тут в безопасности. Эх, не понимаешь... Что же нам делать... Вот

ведь ситуация... Тейя? Ты вообще в порядке? Как чувствуешь себя? Ничего не сломала?

Влад попытался перейти на язык жестов. Указал на свою руку, затем изобразил движение, будто переламывает ветку. Потом повторил то же с ногой и нацелился указательным пальцем на девушку. Тейя поняла, отрицательно покачала головой, затем аккуратно по ней постучала, скривилась и изобразила круговое движение.

— Голова кружится? Ну это тебя изрядно приложило. Надеюсь, до сотрясения не дошло. Что же мне с тобой делать, Тейя... У нас же на тебя такие планы грандиозные, а ты все равно что глухонемая. И Космос, гад, замолчал не вовремя. Шифруется, наверное. Любит он осторожничать. Ну вот мы и пришли...

* * *

Либерий лежал там же, где его оставил Влад. Только по сильно уменьшившемуся уровню воды в бутылке и полностью осушенной посудине с алкоголем можно было догадаться, что он приходил в себя.

Подойдя к луддиту, Влад подозвал жестом Тейю, указал ей на стул:

— Сиди, тебя шатает.

После этого размотал повязку с ладони раненого, убедился, что за время его отсутствия ситуация не улучшилась, а наоборот. Поморщившись от неприятного запаха, обернулся к Тейе:

— Ты можешь это вылечить?

Ответом был непонимающий взгляд.

Влад опять прибег к языку жестов, указав на раздувшуюся кисть, затем изобразив, как нож перерезает шею, и скорчил гримасу отчаяния. Ткнул пальцем в Тейю, потом в Либерия, потом в его искалеченную руку, а в завершение в здоровую. Повторил еще раз.

Девушка кивнула:

— Хи нецессита регенератион.

— О! Регенерация! Это даже я понял! Тейя, как сделать регенерацию? Ну руку вот такая чтобы стала опять. Понимаешь? Регенерация.

— Си. Нецесарьо медиционалсьон блокко.

— Медицинский блок? Да я понятия не имею, где он здесь. — Влад обвел руками по сторонам, изображая полностью отчаявшегося человека.

Тейя, будто только сейчас заметив его странное одеяние, настороженно изучила мокрые шкуры, а затем с отвращением сбросила с плеч выдавший виды меховой плащ, в который он ее закутал по прибытии. С точки зрения Влада, поступок опрометчивый. Девушка осталась в короткой ядовито-оранжевой юбке необычного, скошенного набок покроя и такого же цвета блузке, оставляющей открытыми бока. А температура в комнате отдыха явно не дотягивала до двадцати градусов, и как ее поднять, Влад понятия не имел.

Еще раз изучив его одеяние, Тейя произнесла подчеркнута вопросительно:

— Воус ху? Венс?

— Тейя! Медицинский блок! Блокко! Вылечить! Медицина! Все остальное потом. — Влад опять указал на Либерия. — Медицинский блок. Ему очень нужен медицинский блок.

Посмотрев на Влада удивленно, девушка покосилась в одну сторону, затем в другую, на миг призадумалась, погрузившись в себя. В голове Влада проснулась шизофрения:

— Страж базы «Красный удар четыре» докладывает о стандартном запросе на доступ к медицинскому блоку. Запрос оформлен гражданкой Тейей Харрис. Статус запроса: заморожен в связи с отсутствием допуска.

— Разрешить ей доступ.

— Оформить ограниченный доступ на доступ к медицинскому центру и стандартный гражданский доступ для постановки на довольствие?

— Да.

— Принято. Выполнено.

Тейя вышла из ступора, поднялась, указала на Либерия:

— Дейв эссер инклайд ин медиционалсьон блокко.

— Что?

Девушка жестами изобразила, будто поднимает луддита и несет его куда-то. Влад, показывая, что понял, кивнул, склонился над Либерием, потряс за плечо. Ноль реакции. Потряс чуть сильнее, затем похлопал по щекам. Тот, наконец, поднял веки, взглянул затуманенно, ничего не понимая.

— Эй. Великий воин церкви. Идти сможешь?

— Влад, это сложный вопрос. Надо хорошо подумать. А куда идти?

— Туда, где тебя починят.

Луддит перевел взгляд на девушку, сделал не слишком удачную попытку радушно улыбнуться:

— Я вижу, в рядах древних пополнение.

— Это пополнение может тебя спасти.

— Гореть мне за все мои грехи в аду четыре раза. Жаль, я не видел, как эта древняя спускалась с небес. Наверное, было на что посмотреть.

— Да, зрелище незабываемое. Много пропустил. Давай я тебя отнесу.

— Не настолько я еще плох.

Либерий, отстранив руку Влада, тяжело поднялся, замер, чуть покачиваясь. На лбу его выступили капли пота, несмотря на прохладу в помещении.

— Ну давай. Веди. Куда там надо идти.

— Медициналсьон блок. Блокко. Тейя Харрис? Понимаешь? — Влад указал на луддита.

— Си. Гоу. Медициналсьон блокко.

Не все так плохо. Если говорить отдельными словами или короткими фразами, очень многое становится понятно. Особенно если знаешь пару языков и из других чего-нибудь нахватался.
[4]

* * *

Либерий дошел сам, хотя на середине пути Владу все же пришлось ему помогать. При этом упрямый луддит делал вид, что это одолжение исчадию Техно, а не признание собственной беспомощности.

Влад отметил, что у раненого сильный жар — кожа горячая, будто стенка печи. Что за токсины попали в его кровь, неизвестно, но даже удвоенная доза высококачественной биоты не справляется с заразой. Остается одна надежда — Тейя.

И Тейя не подвела. Уверенно показала дорогу, приведя в коридор, параллельный тому, где располагались комнаты отдыха. Здесь Влад и сам бы нашел нужное место — дверь украшал хорошо знакомый красный крест. Она распахнулась сама собой, как все остальные, кроме тех, стальных, закрывающих хранилища. Внутри такие же хорошо узнаваемые предметы: кушетки у стен, письменный стол и что-то вроде кабинки рентгеновского аппарата. Бросались в глаза два медного цвета цилиндра, размерами с бочку на тысячу литров. Во врачебных кабинетах своего времени Влад таких не помнил, и некоторых других агрегатов — тоже. Но в целом понятно, что Тейя не заблудилась.

Уверенно подойдя к ближайшей «бочке», девушка постояла с полминуты. На корпусе агрегата зажглась россыпь огоньков, торцевая крышка откинулась вбок, из внутренностей выехали носилки.

Тейя указала на Либерия, затем на носилки.

— Чего она хочет? Чтобы я лег на это?

— Именно так.

— А меня потом не затащит в чрево этой богомерзкой машины?

— Да Богу глубоко плевать и на тебя, и на эту машину. Ложись давай, именно внутрь тебя и затащит, если я правильно понимаю.

— Ох, велики грехи наши...

Либерий неуклюже устроился на непривычном ложе и неожиданно заорал:

— Подо мной шевелится! Эта пакость шевелится!

— Значит, так надо.

— Зачем?!

— Этого я знать не могу.

— А знаешь, удобнее становится. Совсем не жестко.

— Наверное, носилки принимают форму под твою спину. Лежи спокойно, еще удобнее будет.

Тейя покачала головой, брезгливо прикоснулась к одежде Либерия и категоричным тоном выдала:

— Эйтирар.

— Чего от меня хочет эта древняя худышка?

— Боюсь, тебе придется раздеться.

— Что?!

— Если хочешь жить, сбрасывай одежду, а потом уже ложись.

— Пусть тогда она отвернется. И одежду мою сохрани, я не собираюсь остаться голым.

— Само собой. Тейя. — Влад указал на луддита, потерял рукав, сделал вид, будто снимает рубаху, потом отвернулся от агрегата и указал уже на девушку.

Она пожала плечами, отвернулась.

Луддит сбросил шкуры, отобранные у запов, и свое грязное черное одеяние, вновь устроился на носилках.

— И долго мне так лежать? Здесь не сказать, чтобы жарко.

— Тейя, он готов.

Девушка, не поворачиваясь в сторону носилок, ответила непонятно:

— Эксцесютар.

После чего носилки медленно поползли в чрево «бочки».

— Эй! Так ты не шутил?! — воскликнул Либерий.

— Лежи спокойно. Долго это не продлится. Выберешься оттуда как новенький.

— Ты говоришь и сам себе вряд ли веришь.

— Ну рука у тебя скверно выглядит. Да и бок. Края раны уже фиолетового цвета.

— Знаю. Ладно, Влад, на случай, если не выберусь из этой адской машины, прощай. Для твари ты неплох, жаль, что мы недолго знали друг друга.

— Выберешься, луддит. Ты живучее любой твари.

— Ага. Если только эта тварь не ты.

Крышка агрегата захлопнулась. Ни окошек, ни других приспособлений для наблюдения над

пациентом Влад не заметил, и что теперь происходит с Либерием, не знал.

Может, оно и к лучшему...

Тейя подошла к агрегату, с минуту наблюдала за перемигиванием огоньков на его корпусе, затем, ничего не говоря, развернулась, подошла к стене, выдвинула из нее маленький ящик, будто из недр письменного стола, а из него вынула предмет, похожий на клизму. Приставила кончик к сгибу руки, подержала, поморщившись, вернула непонятную штуку на место.

Затем начала совершать другие странные поступки. Посидела под аппаратом, похожим на громоздкое устройство для сушки волос, опять подошла к выдвижному ящику, на этот раз вытащив из него россыпь разноцветных шариков и высокую кружку. Шарики проглотила, из кружки запила. Потом подозвала Влада, заставив его тоже посидеть под колпаком, после чего принять свою порцию медикаментов.

вернуться

4

Si, goy — si — в ряде языков (в частности, испанский, итальянский) «да»; go — идти (англ.).

Подождав, когда он их запьет, девушка показала ему палец и выразительно произнесла:

— Дит.

Затем указала на его палец:

— Дит.

— И что?

Нахмурившись, указала теперь себе на грудь:

— Тейя.

Влад, решив, что она хочет познакомиться, указал на себя:

— Влад.

Девушка опять показала на палец:

— Дит.

Теперь он понял, указав на свой:

— Палец.

— Паллец?

— Палец.

— Па-лец. Клиир.

Задумалась, будто запоминая, и провела себя по руке:

— Хенд.

— Рука, — тут же ответил Влад.

Затем пришла очередь ноги, головы, ушей, глаз, носа. Остановилась Тейя на ногтях, с видом человека, выполнившего тяжелую работу, повторив непонятное слово:

— Клиир.

— Это что? Урок языка?

Девушка ничего не ответила. Прилегла на одну из кушеток, обхватила виски ладонями, застыла лицом к потолку, зажмурился глаза. Влад, сидя за столом, не без удовольствия наблюдал за нею. Во-первых, она была красива, хотя и нестандартной красотой — эдакая миниатюрная тростинка-милашка; во-вторых, мужчины, если они нормальные, любят тарачиться на женщин, даже если те не совсем красивые; в-третьих — ему просто нечего было делать. Есть не хотелось. А вот спать...

Так он и заснул за столом в ожидании, когда же выпустят Либерия или Тейя снизойдет до продолжения общения.

Глава 17

Проснулся он от приятного аромата. Поднял голову, поморщился — шея затекла. Перед носом стоял поднос с тарелками, заполненными чем-то непонятным, но с виду аппетитным. Как всегда у него бывает после восстановления повреждений, аппетит разыгрался нешуточный, даже снилось что-то связанное с пирушками на каком-то падающем космическом корабле.

Интересно, кто принес еду, ведь Либерий не умеет обращаться с оборудованием предков.

Только тут он вспомнил и про ранения Либерия, и про Тейю. Обернувшись, обнаружил девушку на ее кушетке. Она, уплетая что-то, похожее на мороженое с клубникой, указала на поднос:

— Это можно употреблять внутрь. Съедобность. Ты производить утоление голода. Да.

— Ты умеешь говорить по-русски?!

Девушка поморщилась:

— Слабо есть чуть-чуть. Архив иметь негативный плохой качество. Все архивы в это база плохой качество очень. Необходим перезагрузка исправление много количества тест. Загрузка только через биометка без выноса. Так плохо. Язык старинный, мало знать кто его. Ты говорить со мной часто, я быстрее исправлять ошибки архива. Произношение улучшать понимать.

— А где Либерий?

— Кто имеется Либерий?

Влад указал на продолжающий помигивать агрегат:

— Человек, которого внутрь засунули.

- А. Пострадавший человек грязный. Он продолжать внутри.
- И долго ему там еще быть?
- Срок десять дней. Вероятность — пятнадцать. Сомнение, что выше, большой вероятности.
- Ему там сидеть десять-пятнадцать дней?!
- Да. Так. Понять верно.
- А есть? А пить?
- Ему нет, не надо. Он спать хорошо крепко. Все, что есть необходимо, организму доставлять. Фулл регенеративон. Я не есть врач, испытывать трудности. Можно знать, как лечить быстрый срок, но я не знать. Так долго лежать, значит, спасать руку, спасать жизнь. Делать попытка быстрее, есть вероятность плохой самочувствие, плохой лечение.
- То есть ты не заешь, как лечить именно руку и рану в боку, что проводится гораздо быстрее, и запустила лечение всего организма?
- Так. Наверное. Сложно говоришь длинно, Влад.
- Но он точно вылечится?
- Регенеративон все лечить мужское. Совсем почти все. Только здесь бывает трудно. — Тейя постучала себя по голове.
- Он там свихнется столько сидеть. С ума сойдет.
- А. Нет. Не сидеть. Лежать. Он спать. Все дни спать. Весь срок время.
- То есть его лечат во сне, и он не просыпается?
- Да. Так.
- Ну ладно, пусть лечится.
- Влад, ты есть кто? Почему одет так? Почему нет коннект биометка? Повреждение выход?
- Тейя, это долго рассказывать, а у нас сложности с языком.
- Да. Надо подождать. Я быстро учиться. Говорить со мной часто. Это ускорение. Но скажи мне, Влад, там все так, как я видела.

Тейя указала на потолок. Взглянув туда же, Влад ответил:

- Не везде так плохо. К северу есть территория, где жить можно. Там хорошо, тебе понравится. Большая территория, очень большая. Чистые реки, леса, степи, горы.
- Я наблюдать сверху до посадка. Это район зоны молто нейчурал парк?
- Не понял?
- Мое время. Там. Иметься местность без город, без промышленность, нет большого стройка почти. Там мало-мало только есть места, где человек может отдых. Те, кто не любить города,

те, кто уставать от города, те отдыхать там.

— Ты говоришь, раньше там была зона отдыха? Не было населения? Базы отдыха и только?

— Да. Наверное, так.

— Тогда понятно, почему там не испоганило все. Никому не интересно было бомбить безлюдную местность. А теперь все наоборот, там живет большая часть населения. Вот ведь парадокс.

— Все люди там носить это? — Она брезгливо указала на сваленное в углу тряпье Либерия.

Да уж, женщины во все времена не меняются. Мир погиб, а их в первую очередь волнуют нюансы современной моды.

— Нет, такое носят нечасто. У нас просто выбора не было, пришлось это надевать.

— Ты не намереваться надевать это? Тебя заставлять принуждение силой?

— Холодно наверху, надо что-то носить, а лучше ничего не подвернулось. Долго рассказывать. Не думай, что мы все одичали. Я бы сейчас с удовольствием скинул это тряпье, принял ванну, затем надел что-нибудь чистое и не такое вонючее.

— О! Влад! Ванна! Так! Она есть тут комната отдых для персонал. Наверное, персонала так. Одежда иметься, надо искать, страж база глупо отвечать запрос.

— Тут есть ванна?!

— Да. Так.

— Покажешь? И кстати, тут потеплело. Это ты подняла температуру?

— Да. Так. Это просто. Тебе надо включать через биометка меню.

— С моей биометкой не все так просто...

— Что есть непросто с биометкой?

— Долгий разговор. Так ты покажешь ванну?

— Да. Так. Идти. Ты в ванна гигиена, а я вернуться тут и усваивать язык. Нужен покой. Спокойствие. Обстановка тишины. Быстро учиться. Но ты сперва потреблять пищу. Это есть вкусно. А потом мне надо наверх. Там спасательное устройство, в нем мои предметы. Личный вещи. Надо забрать.

— Ты останешься здесь, я сам их принесу.

— Но я хотеть...

— Не спорь. Ты вчера сильно нашумела, там может быть опасно.

— Опасно?

— Да. Там далеко не рай. Потом объясню, когда станешь лучше говорить.

— Я стану лучше говорить быстро. Я в этом быть заинтересованной.

* * *

К грязнулям Влад не относился, но в последний раз был в бане поздней осенью, а на дворе уже прощальные деньки зимы. Для человека, не привыкшего жить в грязи, испытание то еще. Они с Давидом, конечно, пытались решить эту проблему, но много ли придумаешь, имея лишь деревянное ведро и раскаленные на углях очага камни для подогрева в нем воды.

Древние на комфорте не сэкономили. Ванна размерами походила на небольшой бассейн. Можно было включать душ со всех сторон, вода от чуть ли не кипятка до ледяной, быстро спускается, быстро набирается. Куча разновидностей мыла, шампуней, гелей и прочей бытовой химии, о назначении большей части которой Влад мог лишь строить предположения. Жесткие и мягкие мочалки, щетки. В общем, благодать.

А еще там оказалось зеркало и, изучив в нем себя, он начал искать бритву. Хватит уже Тейе созерцать это унылое чудище, поросшее клоками щетины. Спасибо, хоть опухоль с лица сошла, лишь красноватое пятно под глазом осталось, но если сильно не приглядываться, то вряд ли его заметишь.

В ходе поисков под руку подвернулся странного вида флакончик, стоящий на отдельной полке. Владу бросился в глаза рисунок на боку: какой-то бородатый тип втирает его себе в заросли на лице. Выдавил на палец каплю остро пахнувшей вязкой жидкости, изучил с сомнением, затем натер ею клочок волос. Те чуть ли не мгновенно рассыпались в мелкую труху.

— Гм... Удобно... Фирма «Жилетт», пожалуй, давненько разорилась.

Через пять минут кожа на лице у него была гладкая, будто у новорожденного. Затем пришла очередь волос на голове. Ножниц он не обнаружил, мазать шевелюру, чтобы остаться лысым, не рискнул. Кое-как подровнял лохмы ножом. Не сказать, чтобы модельная стрижка, но для мира, пережившего Армагеддон, сойдет.

Затем настала очередь одежды, выданной ему Тейей. Ничего выдающегося: что-то вроде широких спортивных штанов, рубашка без воротника, подобие водолазки из необычайно гладкого на ощупь материала, теплая куртка, застегивающаяся, будто на липучках, вот только никаких липучек не видно. Просто поверхности ткани крепко прижимались друг к дружке, да так и застывали. Чтобы расстегнуть, требовалось потянуть за любой из уголков, почти не прилагая усилий. Белье, носки разных размеров, знай себе выбирай удобное. Туфли он сразу примерял, возле той дверцы, что выдавала все это добро. На его ногу не во всяком магазине найти можно было, так что относился к процессу серьезно.

Выбравшись из ванной комнаты, Влад едва не подпрыгнул от неожиданности. По коридору двигалось что-то похожее на пылесос, чуть-чуть не вымахавший до габаритов мусорного контейнера. Обогнув Влада, эта штуковина направилась в раскрытую дверь. Внутри выдвинула манипуляторы, собрала во внутренний отсек все пузырьки, мочалки и прочее, до чего он хотя бы прикасался, после чего развернулась назад.

Получается, он впервые увидел одного из местных роботов, следящих за порядком и поддерживающих базу в рабочем состоянии. Неплохо, конечно, поддерживают, но вот пыль развели, да и сырость повсюду. Хотя без них за эти века здесь бы все в труху сгнило, как в тех подземельях, где он оказался вначале.

* * *

Тейю он обнаружил на все той же кушетке. Так и лежала, прижимая ладони к вискам. Постоял в дверях, посмотрел на девушку, вздохнул, направился к выходу из комплекса.

Поднялся на поверхность, осторожно выглянул из лифтового строения. Тварей поблизости не заметил, но расслабляться не стал. Посадка Тейи получилась столь грандиозной, что шум разнесся далеко. Кто знает, не пожалуют ли любопытные монстры познакомиться с источником необычных звуков поближе? Потому взведенный арбалет держал наготове.

Возле обломков капсулы никого не оказалось. Но он, не доверяя первому впечатлению, обошел их по кругу, пристально изучая следы. Не заметил ничего, но это его не успокоило. Снег почти растаял, оставшись лишь местами, в жидкой грязи уже через час отпечаток лапы заплывет. К тому же падение капсулы плохо отразилось на почве — развезло здесь все жутко. Он не раз похвалил себя, что оставил туфли под землей, а использовал проверенные сапоги. Потом сменит носки, помоеет ноги, а обувь подсушит.

Всех вещей у Тейи был небольшой рюкзак, совсем нетяжелый. Влад повесил его на плечо и в который раз обратился к небесам:

— Космос, слышишь меня? Космос? Влад вызывает. Ответь.

Ответом была тишина. Можно, конечно, предположить, что носитель Космоса сейчас скрыт за горизонтом, но не все же время?

Что-то случилось...

Остаток дня Влад провел, пытаясь найти общий язык со стражем базы. Что касалось большинства простых вопросов, тот отвечал нормально, на сложных, как правило, замолкал. Да и с легкими не всегда все было понятно. На требования открыть хранилища страж заявлял, что замки неисправны. Приказ отправить туда роботов-ремонтников остался без ответа.

Особенно Влада интересовало, где можно разжиться оружием и энергоячейками. Но, несмотря на все усилия, так ничего и не выяснил. Зато страж ни с того ни с сего предложил ему сыграть в крестики-нолики на поле размерами две на две клетки. При этом себе искусственный интеллект требовал право первого хода. Влад согласился, думая, что далее диалог пойдет поинтереснее, но после закономерного выигрыша мозг базы вновь затих.

Вечером вернулся в медблок, но Тейи там не обнаружил. Испугавшись, что она вышла наружу, побежал к лифту, но на полпути догадался обратиться к стражу, требуя доложить о ее местоположении. На этот раз ответ был получен быстро и в понятной форме:

— Гражданка Тейя Наррис находится в комнате отдыха персонала номер четыре.

И правильно, нечего целыми днями в медблоке торчать. Надо бы и Владу отдохнуть нормально, а не за письменным столом. Но для начала он поужинает. Нормально поужинает, а не той пестрой экзотикой, которой его накормила Тейя.

Глава 18

Наутро Влад проснулся от требовательного стука в дверь. Сомнительно, что Либерий смог самостоятельно выбраться из недр медицинского аппарата, так что шум затеять могла только Тейя.

— Сейчас!

Поспешно одевшись, он открыл дверь. Девушка вошла, держа в руках поднос все с теми же разноцветными и непонятными блюдами. Увидев Влада, она первым делом этот поднос уронила, при этом оглушительно завизжав.

Он, отшатнувшись, недоуменно выкрикнул:

— Ты чего?!

— Влад?!

— А кого ты тут увидеть ожидала?!

— Но ты... Ты другой. Совсем другой. Не похож на тот.

Только тут он понял, что она впервые увидела его без бороды, бродяжьей прически и обносков из грязных шкур.

— Ну да. Не ожидала небось, что я такой красивый.

Робко улыбнувшись, Тейя кивнула:

— Да. Так. Другой человек. Я испугалась неожиданность. Вот... твоя еда. — Она с горечью устала под ноги.

— Ничего, все уберут. Я себе сам закажу. Только умоюсь сперва.

— Я буду ждать. Хочу говорить.

— Ты уже гораздо лучше разговариваешь.

— Спасибо.

Назад Влад вернулся с миской овощного супа и тарелкой с огромной отбивной. Зайдя в комнату, он не увидел мусора, оставленного Тейей, видимо, роботы уже успели навести порядок. Но он едва не добавил им работы, с трудом удержав поднос. Одна из стен превратилась в яркий экран, на котором показывали толпу народа, окружившего высоченное крыльцо какого-то внушительных размеров здания. На верхних ступенях упитанный наглордый тип в широких белых шортах и рубашке цвета блевотины алкоголика что-то громко вещал, время от времени вздымая вверх сжатые в кулак руки, после чего народ начинал громко реветь.

Жаль, Либерий не видит — это бы напомнило луддиту его проповеди.

Тейя, валяясь животом на диване, смотрела на экран, подпирая голову руками. Влад обратил внимание, что она сменила гардероб. Вместо легкомысленных юбки и открытой блузки что-то вроде легких джинсов и такой же водолазки, как на нем. Практично. Хотя в медблоке и комнатах отдыха с появлением девушки температура поднялась, в коридорах было прохладно. К тому же эта одежда ей хорошо подходила.

Впрочем, Тейя, похоже, из тех девушек, которым даже мешок из-под комбикорма подойдет, если в нем проделать дыры для рук и головы.

— Что смотришь?

— Это запись. Нашла здесь. Архив. — И совсем тихо добавила: — Последние дни. Самые. Еще не началось то.

Влад не стал выспрашивать подробности. Великое счастье, что Тейя не сошла с ума и не впадает в истерики, хотя это было бы простительно. Потерять свой мир, каждые тридцать пять лет просыпаясь на несколько мгновений, чтобы далеко внизу увидеть братскую могилу тех, кто был ей дорог. А затем, в очередной раз вынырнув в нормальном потоке времени, почувствовать, как завибрировал корпус ожившей силовой установки, ничего при этом не понимать, не знать, чего можно ожидать от техники, которая, вполне вероятно, взбесилась, не выдержав груза веков. Падение на пустошь, ноги, заплетающиеся от последствий перегрузки, заросшие дикари в вонючих шкурах. Серость руин, плесень на сырых стенах подземных коридоров, ополоумевший искусственный интеллект, с трудом поддерживающий частичную работоспособность базы. Никто ничего не объясняет, даже поплакаться некому.

Космос был прав. Тейю и впрямь стоило спасать. Заслужила. Редкий бриллиант. Но и у бриллианта есть предел прочности, после которого камень может треснуть. Не стоит нагружать ее сверх меры пустыми расспросами, напоминающими о том, что было.

Ну разве что сама захочет.

Терпеливо дождавшись, когда Влад закончит с завтраком, Тейя села, экран при этом погас.

— Ты готов поговорить?

— Да.

— Расскажи.

— Мало что знаю. Я человек очень далекой эпохи. Такой, что даже ваши искусственные интеллекты о ней не помнят.

— Ты не стар.

— И ты тоже. Так же, как ты, я был оторван от нормального хода времени. Прошли, наверное, тысячелетия, а для меня и секунды не миновало.

— Тоже капсула космос?

— Нет. Просто случайно получилось, что я оказался запертым в подземелье, о котором все забыли. Потом там произошел обвал, хроноизоляция нарушилась. Я и несколько таких же людей оказались глубоко в заброшенном подземелье. Так уж вышло, что я оторвался от спутников, долго бродил, забрел в бункер Красной сети. Им управлял интеллект, на котором годы изоляции отразились очень плохо. Пожалуй, похуже, чем на местном страже. Он не нашел ничего лучшего, как присвоить мне статус контролера. Вообще-то в этом и состояла его задача, но первого попавшегося выбирать он не должен был.

— Ты контролер?!

— Да. Аварийный контролер.

— Красной сети?!

— Другой я не знаю.

— Ух! Аварийный контролер! Как там! Фантастично, невероятно, что видеть! Значит, тебе подчиняется сеть?!

— Не очень-то много от нее осталось. Взгляни на эту базу.

— А другие имеются быть?

— Попадаются...

— Я слушаю дальше тебя, извини, что прервала вопросами.

— Ничего страшного. Выбравшись наверх, я оказался среди развалин древнего города. Почти как ты вчера, когда из капсулы выбралась.

— Помню плохо.

— Лучше это вообще не помнить... Решил идти на юг, и не прогадал, во всех других направлениях меня ничего хорошего не ждало. На тот момент обстановка на планете была такова: почти вся территория — это пустоши, развалины, очаги заражения самой разнообразной дрянью, монстры, смысл существования которых убивать всех, кого найдут. Лишь на юге имеются обширные территории, где можно жить. Видимо, тот самый природный парк, о котором ты говорила. Хотя для парка очень уж грандиозные размеры, считай, вся европейская часть России, и по мелочам еще что-то.

— России?

— Страна. Ну как тебе объяснить... В общем, в мое время так называлась эта территория. И парка там не было. Города были, заводы.

— Понимание. Больше люди нигде сейчас не жить?

— Ну, может, еще где-то участки и попадают, но совсем небольшие. Северные территории густо заселены, ими управляет церковь. Церковники препятствуют прогрессу, все древнее объявлено злом. Люди вроде нас, пережившие войну и все катастрофы в хронохранилищах, для них что-то вроде демонов. Нас ловят, убивают, в лучшем случае запирают и пытками выведывают сведения о прошлых эпохах. Технологии биоинженерии утрачены, биометок у людей больше нет, техникой твоего века управлять они не могут. Власть церкви держится на небольшом запасе древнего оружия.

— Без биометок его нельзя ничего делать. Невозможность использовать.

— Еще как возможно. Это старое оружие, из музея. Может, не такое хорошее, как в твои времена, но против стрел и топоров годится. Есть еще одно сообщество. Группа древних, из тех самых радикалов, которые развязали войну, сбежала от церковников и создала свою организацию на границе пустошей и человеческих земель. Они воюют с остатками человечества. У них ограниченные возможности, но люди эту войну проигрывают. Хоть и медленно. Мои товарищи были схвачены группой местных жителей, которым радикалы изменили сознание. Они называются запамы, по сути это биороботы, выполняющие приказы радикалов. Я сумел освободить товарищев, хоть и не всех. Мы добрались до обитаемых земель, потом нам пришлось скрываться от церковников. Те нас нашли, был долгий бой, после которого, считая меня, выжило двое. Ну и одна наша девушка еще осталась, но она в плену. Мы опять скрывались от церковников, забрели далеко на юг, к границе. Думали зиму там переждать. Несколько дней назад я, наконец, впервые установил связь с уцелевшим военным

руководителем Красной сети. Это искусственный интеллект, взявший командование на себя в конце войны. Я называю его Космосом. Он на орбите, в сложном положении. Его носитель поврежден, ресурсов для ремонта нет. И еще у меня проблема. Нет биометки, из-за чего система контролера работает некорректно. Меня время от времени скручивает в приступах, чем дальше, тем они чаще. Космос послал меня сюда, на юг, чтобы я нашел эту базу. Здесь есть корабли, которые можно направить на орбиту, загрузив всем необходимым. И еще медицинский блок, где надо поставить мне биометку. Ни я, ни он понятия не имеем, как ее ставить. Думали, что ты можешь помочь. К тому же тебя давно пора было спускать с орбиты, вечно там болтаться — дохлое дело. Да и представляю, что это за пытка. Извини...

— Ничего. Не надо извиняться. — Голос Тейи был преувеличенно бодр, но с дрожью она не справлялась. — Я даже не знаю, сколько времени там провела. Земля подо мной покрывалась снегом, потом он исчезал. И звезды менялись каждый раз. Но я на них не смотрела. Только вниз. Ничего не ждала. Просто смотрела. Как это сказать... Паралич... Нет: оцепенение. Наверное. Да. Так.

— Не вспоминай.

— Не могу не вспоминать. Это всегда со мной. Скажи, Влад, а кто такой Либерий? Тот человек, товарищ, что уцелел с тобой?

— Нет. Товарищ тоже погиб потом.

— Церковники убили?

— Нет. Радикалы. Выследили наш лагерь по моим приступам, во время которых я излучаю сильные сигналы. Легко найти.

— Либерий?

— Он церковник. Воин.

— Враг?

— Да. Так получилось, что мы вместе попали в плен к запам и вместе сбежали. Он верен церкви, но не фанатик. И надеется, что с моей помощью получит важную для них информацию. Дело в том, что их древнее оружие постепенно выходит из строя, и церковников это сильно беспокоит. Думают, раз я древний, да и ты тоже, то сумеем в этом помочь.

— Либерий хочет тебя отвести к ним?

— Честно говоря, я уже не знаю, чего он хочет. Мне кажется, ему чем дальше, тем больше нравится такая жизнь. Даже не побоялся забрести со мной так далеко на юг, откуда не возвращаются. Мы чудом выжили.

— Давно ты здесь быть?

— С лета, а сейчас конец зимы.

— У тебя нет скуки в этой жизни? Много происходит.

— Это точно.

— Влад, я не знаю, как ставить биометку.

— Жаль...

— Прости.

— Тебе не в чем оправдываться.

— Я могу немного обращаться с медицинским блоком. Биометку ставят плоду человека, беременность, когда поздняя стадия. Иногда ребенок, младенец, только что родившийся. Но это редко, нечасто. Я множество количество раз видела, как работает медицинский блок. Я спортсменка, спорт — это бывают травмы костей, ушибы, растяжения, раны.

— Знаю, Космос показывал ролик с тобой. С твоим выступлением.

— Что за выступление?

— Не знаю, там ничего не объясняли, да я и не понимаю ваш язык. Музыка была оригинальная. И ты там была великолепна.

Девушка невесело улыбнулась:

— Раньше так считали многие миллионы, а теперь лишь один человек.

— Не похоже, что больше всего тебя волнует именно это.

— Да. Шутка.

— Космос говорил, что травм у тебя не было. Хорошо, что все же научилась работе с медблоком.

— Откуда знать Космос? Такая информация скрывается сильно. Нельзя... Как сказать... Люди должны смотреть спорт, восхищение, образец для подражаний. Но люди не должны знать, что бывает риск, боль, труд, сильный изнурение. Надо показывать красоту, другое прятать надо.

— Я понял. То есть тебе приходилось пользоваться медблоком?

— Ну да. Так. Но, Влад, откуда мне знать, как ставят биометку? Когда ее ставили мне, я еще не родилась.

— Ладно. Будем думать дальше. Вот только Космос упорно молчит, я уже волнуюсь.

— Что могло случиться?

— Да что угодно. В последнее время мы много болтали, потом он запустил посадку твоей капсулы. Это могли засесть радикалы. Он что-то говорил о незащищенной системе связи на капсуле.

— Посадка капсулы... Влад, капсула управлялась внешне только в начале самом. В дальнейшем управление пропало. Я непрерывно следила, все видела. Потом автоматика отказала при торможении о самые верхние слои, уже после прекращения прыжков серии. И еще не сбросились метеоритные щиты, защита как должны. Я смогла понять, что случился сбой, и взяла управление на ручное. Но было израсходовано немного времени, а резерв топлива не имелся совсем. В конце полет на прерывистой работе двигателя, глиссада затруднительная, но необходимо требовалось держать заданный курс. Думала, что, если сяду далеко от нужного места, это может стать опасно.

- Насчет опасности ты права. Но села удачно. Почти в ту точку, куда планировалось. Меньше километра не дотянула.
- Хорошо. Я думала дальше уклонение. Но капсула получила сильный удар. Препятствие.
- Это на ее пути большой обломок оказался. Протяни ты еще чуть-чуть, этого бы не случилось.
- Влад, что ты будешь предпринимать дальше? Делать?
- Еще не знаю. Может, есть какая-то литература о биометках? Если мне ее не поставить, то без связи с Космосом опять начнутся приступы. Поверь, ничего хорошего нас в таком случае не ждет.
- Тебе я верю. Лучше искать способ ставить биометку мне. Если ты такой старинный, что говоришь на таком языке, то найти нужную информацию будешь испытывать значительные затруднения.
- На этом языке теперь все выжившие говорят. Даже запы.
- Да? Значит, я выучу его лучше и лучше.
- И так почти прекрасно. Я поражен твоими успехами. За один день освоить язык... Может, в твоём времени это нормально, но в моём — фантастика.
- В моём времени тоже могут не все. Мало. Нужны данные, развитие тренировками, отказ от внешнего усиливающего. Трудно тебе объяснить... У меня есть чистый мозг. Нет... Как сказать. Не имею постороннего и лишнего. Быстрый коннект и усвоение тоже быстро происходит с работой.
- Честно сказать, и правда не понял. У тебя особенный мозг?
- Нет. Не так. Получить знания требуется время, надо этого желать. Можно очень упрощать процесс запоминания знания, если брать мозг, соединять машина. Но надо дополнять стандартную биометку другими устройствами. Усиливать ее работу, давать новые функции. Это приносит помощь, когда усваиваешь знания. Нет затрат времени и сил, знания помещаются в дополнительное устройство при биометке и с течением времени воспринимаются мозгом сами, без работа. Понимаешь?
- Не очень.
- У меня с детства спорт. Если желаешь высоких результатов в спорт, лучше всего полный отказ от дополнений облегчительных. Мозг зарабатывает привычку работать только через дополнения, а это снижает спидинг рекр. То есть реакция тела и скорость решения принятия. Сниженная реакция для фрикаста — это невозможно выполнение сложные элементы, риск травм высокий. Неудобно, что без дополнений тратится много личное время на получение знаний, но знания новые можно зато воспринять совсем быстро. Это если мозг тренирован. У меня мозг тренирован, я могу тратить один день, два дня, и перевести в него языковую базу на хороший уровень. И сразу осмыслить при процессе.
- То есть помимо биометки люди в твоё время устанавливали в мозг и другие устройства? Они им помогали получать знания без затрат времени. Так?
- Времени затраты есть. И большие. Но это не личное время.

— Я понял. Загрузил, допустим, базу языковую за минуту и занимаешься, чем тебе нравится, например, книжки читаешь, а она за год-два постепенно усваивается, незаметно для тебя. Так?

— Да. Так.

— А если пользоваться только биометкой и развить в себе соответствующие навыки, процесс займет один-два дня, но при этом придется ничем более не заниматься, а усиленно усваивать язык. Да?

— Да. Так. Не только язык. Знание любые области можно получаться. Биометка дает соединение с архивами, мозг может принимать их быстро, может медленно. У меня быстро. Но трачу время свое. Не все хотят тратить свое время. Они ставят дополнения. Таких, как я, мало было в мое время. Хорошо, что я такая. Пригодилось понадобилось. Если найти архив для медицины нейроимплантатов, я смогу ставить биометка. Наверное.

— И где его искать?

— Здесь нет. Это простая база для снабжения орбиты. Тут есть только вещи для космических станций некоторые. Нам нужен медицинский центр большой с оборудованием. Не такой, какой имеется здесь. Он только для персонала базы, а это незначительное количество людей и незначительные проблемы здоровья. Здесь нет знаний по нужной для нас медицине имплантатов. В городе рядом есть такой центр. Можно найти там.

— Забудь про город. Там одни развалины и монстры на каждом шагу. Видела, что с Либерием произошло? Мы всего-то пешком прошли километров пять-шесть, и едва живые остались. Меня выручила система контролера, а вот ему ничем помочь не смог.

— Влад, но нам нужно придумать последовательность действий. Если просто оставаться на базе, у тебя начаться приступы. Ты сообщал, что это очень плохо. И радикалы могли заметить капсулу. Отказ автоматики мог быть из-за их вины действий. Они могут прийти осматривать место, где она сделала посадку.

— Хорошо, давай думать, как нам дальше жить. Я вот считаю, что надо ждать сообщений Космоса. Без него я ничего не могу сделать. Знаний нет. Я ведь не из вашего времени, для меня многое неясно.

— Мне понятно. Чистый мозг. Нет рассеянности внимания. Много усвоено. Тогда было лишнее, сейчас пригодится. Как пригодилось знание управления космическим кораблем. Я не умерла, сделала посадку вручную. Нам нужен Космос, но он не отвечает. Так?

— Да. Я каждые несколько часов поднимаюсь наверх и его вызываю. Молчит. Так еще ни разу не бывало. Что-то случилось.

— У него износ оборудования техники. Так?

— Ну да.

— Система связи износ. Возможно, поломка. Потеря мощного сигнала. Возможно, он не слышит тебя, ты не слышишь его. Нужно усилить сигнал.

— Я рад бы, но как?

— Неизвестно мне. В системе контролера обязательно должно это быть.

— Я не умею ею пользоваться.

— Да. Плохо. Но мы на базе. База снабжает космос. Орбитальные базы, большие корабли флиит дефензе, что спящие за Луной. Энергия, обычный ремонт, продукты питания, вода. Это обеспечивать должна база. Здесь обязательно иметься средства связи с космическими объектами.

— То есть где-то здесь находится пункт управления, откуда можно связаться с Космосом с помощью сильного сигнала?

— Зачем пункт? Есть биометка у каждого персонала. С нее можно связаться, если ты на базе.

— Понял. Но с местным стражем вряд ли что получится. Он даже убирать комнаты толком не умеет.

— Влад, ты контролер аварийный. Ты попробоваться. Страж должен подчиняться тебе приказам. Обязан, так правило.

— Я прямо сейчас пробую. Он просто отмалчивается.

— Плохо. Мы не сумеем ничего сделать, если так быть.

— Тейя, это ведь военная база?

— Ну да. Так. Оборона пространства вокруг Земли. Некоторое снабжение обороны.

— У военных обычно на все случаи жизни предусмотрены меры. Предположим, по базе нанесли удар. Взрыв, огонь, страж, точнее его носитель, уничтожен. База не должна остаться без управления. Что в таком случае происходит?

Девушка пожала плечами:

— Не знаю. Я спорт заниматься, я не могу знать, что делают военные, когда не функционирует страж базы.

— Ты была на орбитальной боевой станции. Может быть, и на других военных объектах. Не видела там помещений, где есть системы ручного управления? Где человек напрямую управляет техникой, сидя на месте, а не шастая по коридорам или принимая ванну.

Глаза Тейи широко раскрылись:

— Да! Так! Я видела! Последний раз видела на Озн. Это станция большая. Там зал, где сидят четыре офицера. Экраны, акустика отлично, пульта управления красиво. Они ничего не делают, только осуществляют слежение, контроль. Если управление стандартное выходит из строя или дает ошибки, они осуществляют поправки. Если станция сильное повреждение получает, они всем должны управлять сами.

— Я о том и вел речь. Значит, и здесь должно быть что-то похожее. У военных один шаблон на все случаи жизни, иначе какие они военные. Надо покопаться в планах базы.

— Не надо копать планы. Они есть в открытый доступ внутри база. Я их уже наблюдаю смотреть.

— Когда ты говоришь быстро, то часто ошибаешься.

— Знаю. Прости. Люблю спешка. Язык быстро усвоен недопустимо. Надо требуется привыкание. Влад, ты видишь план база?

— Да, тоже смотрю на карту.

— Помещение номер сорок два внимание обрати.

— Кроме номера ничего. Никаких надписей. Правда, моя карта многие надписи не показывает, а другие непонятны. Видимо, система контролера перевела их криво.

— Надписей нет, но есть двойная красная рамка. Видишь?

— Ну?

— Защитный периметр усиления. Вся база защищаться таким периметром. Но зачем внутри базы еще один периметр для одного помещения единственного?

— Должно быть, помещение важное.

— Да. Так.

— Ну что, проверим?

* * *

«Выполнено», — механически ответил голос в голове, и дверь помещения номер сорок два ушла в сторону, скрывшись в стене.

Тейя, движимая неистребимым женским любопытством, чуть ли не прыжком влетела внутрь:

— Влад! Экраны! Пульты! Это то, что мы хотели разыскать!

Войдя вслед за девушкой, Влад, если честно, ничего такого не увидел. Что-то вроде узкого стола, изогнутого дугой, четыре кресла за ним, и все. Ни пультов с кнопками, ни телевизионных экранов. Но Тейя понимала в этом гораздо больше.

Указав на одно из кресел, потребовала:

— Садись стремительно быстро.

Влад подчинился, взглянул вопросительно.

— Ладонь прислони к поверхности. Должен быть контакт. Так, есть. Запрос автоматика принял?

— Да. Похоже, меня признали за своего.

— Прикажи дать мне допуск к системе управления вручную. Разрешение. Иначе я не смогу помогать.

— Вроде приказал.

Тейя плюхнулась на соседнее кресло, прижала ладонь к столу. Вся его поверхность покрылась многочисленными символами и геометрическими фигурами, светящимися всеми цветами

радуги. А затем светиться начало все пространство комнаты. Под ногами медленно вращался земной шар, не растерявший былой синевы и дымки облачных покровов, почти над головой застыл неполный диск Луны, испещренный ранами кратеров, звезды сияли ярко и так же равнодушно, как во времена Влада.

— Потеряны многие антенны, нет сигналов спутников, оптика повреждена, отражатели на Луне не все отзываются, картина пространства не является полной, — заявила Тейя. — Ищи то, что движется.

— Не понял?

— Гравископ надо найти, потом попробовать связаться по лучу. Гравископ похож на крест. Он большой. Надо найти. Найти самим, автоматика не сможет работать. Автоматика только подсвечивает то, что на орбитах. Она здесь простое устройство, нет интеллектуальных функций. Смотреть надо требуется самим.

— Вон что-то движется. — Влад указал на точку возле Луны.

— Это не то. Вот вызов линейки масштаб. Оценка размера. Это твой малый объект. Мы ищем очень большой размер.

— Пытаюсь разобраться...

— Это просто. Вот деление, это примерно как длина стены этой комнаты. Вот запрос даешь дать размер на фоне линейки. Нам нужно то, что занимает много. А то, что нашел ты, меньше одного деления. Понял?

— Теперь да.

— Я вижу движение. Тоже не то. Похоже на корабля фрагмент большого. И почему-то на нем свечение на части, где тень.

— Я тоже что-то вижу. И... Тейя, посмотри. Там два объекта. И один похож на корабль, вроде твоей капсулы. Он приближается ко второму. Я не могу увеличивать одновременно два.

— Вижу. Странность. Это не обломок и не капсула. Это похоже на перехватчик у военных. Вторая штука ни на что не похожа. Комок металла.

— Обломок.

— Влад!

— Что?

— Вспышка! Перехватчик только что делает атаку! Еще вспышка, он попадает в обломок!

— Вижу. Он теперь удаляется. И загорелся.

— Нет — это двигатель начал работу. Он меняет орбиту. Мощность залпа высокая получается, охладители работать долго. За это время добраться до другой цели, и опять залп мощный будет. Влад, тот обломок, что светился, тоже был атакован. Там вакуум. Нет воздуха.

— Я знаю, что такое вакуум.

- Там холодно очень, но если разогреть предмет до свечения, свечение будет длительным.
- Понимаю. Теплопроводность у вакуума никакая.
- Да. Так. Влад, кто-то недавно поднял перехватчики, и они делать атаки на то, что на орбитах. Всей мощностью атаки. Уничтожение хотят.
- Недавно поднял? Скорее всего, они со старых времен остались.
- Нет. Не может так. Малый ресурс. Я немножко знаю корабли, отец мой летал. Дальний космос он. Я точно знаю, что перехватчик не может работать длительно срок.
- Думаешь, радикалы?
- Да. Это только они. И они испортили автоматика на капсуле. Лучевой удар. Наверное. Это просто. Тонкие цепи электроники легко ломаются, сгорают при нем. Я имею навыки управления, поэтому смогла выполнить посадку. Иначе смерть, разбиться о поверхность, или сгореть.
- Да ты во всем талантлива... Думаешь, Космосу конец?
- Какой конец?
- В смысле его уничтожили?
- Трудно знать. Его не видно. Предполагаю, он скрывается за планетой, видно будет, когда выйдет. Если он большой, перехватчики не смогут его уничтожить совсем. А если смогут, нужно много времени затраты. Оружие на перехватчиках слабая мощность даже с полным залпом. Предположительно вообще нет силы у них против Космоса.
- А почему тогда он молчит?
- Скрывает присутствие от них. Также возможно повреждение антенн. Нет связи.
- Я так понимаю, нам тоже лучше помалкивать, раз такое творится.
- Да. Так. И что мы будем делать? Ты сказал, что без Космоса предпринимать действия тебе невозможно. Но ничего не делать нельзя. Это неправильно.
- Мне нравится твоя жажда действий. Опять план будем составлять?
- Давай так.
- Мы на базе, набитой космическим оборудованием военного назначения. Можно с его помощью помочь Космосу?
- Сейчас посмотрю списки хранилищ. Это требует времени. Ты жди.

Влад уставился в картину околоземного пространства, наблюдая за подсвечиваемыми автоматикой пульта управления огоньками. И представлял, как где-то среди пустошей в похожей комнате сидит другой человек и занимается тем же самым. Только не просто смотрит, а отдает приказы. Приказы на уничтожение. В том числе и на уничтожение Космоса. Искусственному созданию, продукту долгой эволюции интеллекта в ускоренном потоке времени плюс долгих веков реальности. Мудрому, осторожному, но беззащитному. По

оплавленной броне раз за разом наносят удары кусачие мошки перехватчиков, а он может лишь смотреть на это, бессильный помешать.

Если броню убежища Космоса прогрызут, Влад останется наедине со своими приступами. Периоды между ними опять начнут сокращаться, и в итоге он превратится в беспомощное растение.

Владу очень сильно захотелось попасть в ту комнату и разрядить в гадину арбалет. А еще лучше вспороть ему брюхо, как это делают создаваемые им запы. И пусть подыхает на загаженном собственным дерьмом полу, наблюдая, как истекают слизью и кровью внутренности.

— Влад?

— Что?

— Здесь есть точки огня временного. Прикрытие для ремонтных работ. Сильное оружие против малый корабль и ракета боевая.

— Как его применять?

— Нужен корабль-носитель, его загрузить, он выведет их на орбиты, какие нужно. Точка огня работает долго. Много энергии, большой боевой комплект. Нет скорости, двигатели только маневрировать немного. Они должны висеть в районе, где идет ремонт, защищать ремонтных дронов, персонал.

— А носитель здесь есть?

— Здесь все есть для ремонта почти самого любого. Носители тоже есть. Хранилище седьмой номер. Они там. Точки огня в хранилище четыре.

— Ты сможешь их открыть?

— Странно. Они показаны, что открыты. Почему так, не понимаю совсем. Ищу причину. Нашла. Влад, они не закрыты. Они перекрыты. Были удары рядом. Наверное, по городу. Сотрясения почвы, угроза потери отдельных хранилищ. Чтобы сохранить другие, что не попадают в удар, были опущены перегородки защиты. Они закрывают дороги для взрывные волны. Теперь хранилища отрезаны от центра базы. Там многие плиты из металла и камня.

— Поднять их можно?

— Нет. Никак. Время много. Изолированы от времени только хранилища. Механизмы плит — нет. Они испорчены. Работать никак. Ломать долго, не знаю, как.

— Я видел эти двери. То есть плиты. Они немаленькие, но космический корабль по ним не пройдет. Да и лифт ничего большого не пропустит. Как крупные предметы попадали в хранилище?

— Плиты закрыли ход в коридоры. Коридоры узкие, они для дронов и людей. Хранилища большие, они далеко от центра. Их загружали через лифты большие. Доставляли так прямо от промышленного центра. Нуль-связь работает недалеко, но этого могло хватать, если пересадки промежуточные.

- А как должны корабли взлетать?
- Через шахты для старта.
- Через шахту можно попасть вниз?
- Можно. Наверное. База военная, шахты закрыты толстыми крышками. Твердые, тяжелые очень. Нам их не убрать никаким способом. Нужен взрыв или машина с мощностью, копать или ломать.
- Машина... Машина... Тейя, ты слышала об Эхнатоне?
- Нет.
- Может, здесь про него где-то написано, поищи информацию.
- Нашла. Эхнатон, титул главы мистического течения архаиков. Согласно их мифу — это имя царя древнего африканского, из принудительно забытых эпох. [5] Еще одно значение: планетарная машина на антигравитационной тяге привод ее. Известны различные инженерные и военные модификации.
- Тут неподалеку есть такая. Такой. Он, думаю, сможет горы свернуть. Видела бы, какие завалы за века соорудил.
- О! Это хорошо. Нужно машину сюда и вскрыть шахту. Попасть внутри и запустить носитель. Точки огня справятся с перехватчиками быстро. Найдем гравископ, повесим их рядом несколько количество. Они никого больше не подпустят. Пошлем ремонтников, они починят. Будет связь.
- Космос будет не рад такой демаскировке.
- Лучший выход это. Я не знаю, как сделать еще лучше.
- Ладно, там разберемся. Давай сперва с Эхнатоном. Дело в том, что до него километров пять. И он не может двигаться. Сильно обветшал, поломки и истощение. Нужны энергоячейки, две штуки. Хотя и одной хватит, главное, дотащить ее к нему. Но у нас проблема: энергоячейки если и есть, то в хранилищах. А мы не можем попасть внутрь, для этого нужен Эхнатон, к которому нужны энергоячейки. Замкнутый круг...
- Зачем круг? Возьмем тут энергоячейку.
- Тут?
- Дроны на базе. Убирают которые засоренность.
- В этих колясках есть энергоячейки?!
- Конечно.
- А они подойдут Эхнатону?
- Они всем подойдут. Энергоячейки одни, других не бывает. Нужна мало ресурса мощность, берут одну, если больше, две, три, еще больше.

- Стандартные батарейки... Что же ты раньше не сказала?!
- Влад, но ты не спрашивал это!
- Прости. Значит, так: нам надо вытащить ячейку из дрона, потом я отнесу ее к Эхнатону. Только надо еще разобраться, как ее заменить.
- Дроны разные, но все похожие в этом. Посмотрим здесь, пойдем дальше.
- Плохо, что Либерий лежит. Одному мне непросто будет добраться.
- Пойдем вдвоем.
- Шутишь? Ты останешься здесь. Ты даже не представляешь, каково там.
- Я, как ты, иметь интерес в этом. Один идти — это риск. Нельзя так. Ячейка тяжелая, опасностей много. Нельзя без меня тебе идти. Мы подумаем, как сделать опасности меньше, проведем подготовку, пойдем вместе.
- Меньше всего опасности, если лететь на Эхнатоне. Нам чуть-чуть энергии не хватило, чтобы сюда добраться. И еще... — Влад сделал паузу и неловко признался: — Я ему обещал, что успею вернуться до полного истощения энергии в батарее. Иначе он рискует потерять весь опыт, накопленный за время жизни. Все равно что остаться без личности.
- Влад, он простой дрон. У него нет блоков, где связь в много уровней и сложность. Он не похож на такого, как Космос.
- Знаю. Простенький робот. Но я ему обещал. Он нас очень выручил. Мы ему обязаны.
- Влад, ты странный.
- Да знаю...
- Но это хорошая странность, приятная. — Тейя улыбнулась и, опять отвернувшись к экрану, спросила: — Что опасного по пути к машине?
- Местность заражена, но не это главное — грязные участки можно обходить. Самое опасное — здешние твари. Их просто тьма тут развелась, одна хуже другой. Некоторые могут атаковать химией. Газы раздражающие, яды в раны, кислота в лицо. Бывает, нападают стаями. Когти, клыки, шипы — всего хватает. Есть еще одна сволочь, стреляет мелкими камешками. Да с такой скоростью, что пробивают и одежду, и плоть. Это то, что мы видели. Но видели, думаю, далеко не всех здешних зверушек.
- Я поняла. Нам нужна одежда, которая защищать способна от клыки и когти. Маски, чтобы в лицо не поразила кислота. Вооружение, чтобы убивать. Так?
- Да. Ты все четко перечислила.
- Одежду можно придумать. Нашить на комбинезоны которые усиленные пластины пластика. Он легче, чем вес металла, от животного хорошо может защищать. Пластины пластика можно брать от дронов, их корпуса внешние прочны, но хрупки. От сильных ударов детали трещины покрываются. Отломать и огнем можно придавать требуемую форму.
- Ловко придумала.

— А ты тоже мог догадаться. Ты не кажешься неумным.

— Я, как сюда попал, себя не узнаю. Временами простейшее не понимаю, будто тупею. День-два, потом вроде опять нормальный. Только сейчас начал это сознавать. Что-то со мной не то. Думаю, это из-за штуки в голове.

— Вероятно. Некорректная работа системы контролера. Угнетения функций мозга. Биометка требуется. Отсюда странности мышления получаться.

— С биометкой потом, пока приступы не возобновились — это терпит. Надо Космоса спасать. Кстати, у меня есть идеи по поводу оружия. Может, ты знаешь, где здесь быстренько можно разжиться сурьмой и ртутью?

— Зачем?

— Очень надо. У меня есть копир, на котором я могу изготовить оружие своего времени. Но к нему нужны боеприпасы, а для них сурьма и ртуть. Все остальное проще найти.

— Ты можешь даже из почвы обычной выделять любые элементы.

— Я так и делал, но это очень медленно. Переработав несколько килограммов, приходится делать долгий перерыв, чтобы батарея в копире зарядилась.

— Зачем? Подключи его к сети базы, и перерыв не будет требоваться.

— А так можно?!

— Конечно.

— Что бы я без тебя делал. Этим и займусь. И хорошо бы наверху пошарить, найти трубку стальную под двенадцатый калибр.

— Трубку? Двенадцатый калибр?

— Примерно такой диаметр. — Влад показал на пальцах.

— Зачем искать? У тебя есть копир.

— На нем можно сделать?

— Если копир обычный, тогда да. Простой предмет задать габариты, материал, структуру. Структуру можно по образец, материал тоже так можно.

— Отлично. Пошли, Гейя, у нас много работы. Ты занимаешься одеждой, я оружием. И кстати, ячейка тяжелая?

— Очень. Я не подниму. Ты не знаю. Ты огромный размер. И ты контролер, ты все можешь.

— Да? Я себя не считаю всемогущим.

— Ну это так. Сказка. Выдумка. Как сказать... У нас были такие картины, движущиеся. Там играли одни люди разные истории, а другие люди смотрели, развлекались. Понимаешь?

— Да. У нас такое тоже было. Кино и театр.

— Ну вот. Там была не одна история, а много, про контролеров Красной сети. Всегда случалась какая-то беда, много человек гибли, иногда очень много, страдали, разрушения большие, катастрофы. И всегда, когда всем очень плохо, приходил Аварийный Контролер и все исправлял быстро и красиво. Спасал людей, побеждал врагов, не давал разрушиться очень важному, уничтожал то, что убьет многих, принесет горе. Разные истории, смысл один. Мне одна очень нравилась раньше. Не один раз смотрела. Там контролер не дал упасть на город большой станции военной, где сломалось что-то. Его ранило сильно, он чуть не умер, но все равно у него получилось. Еще он девушку спас, очень красивую, она потом в других историях была, но так хорошо, как в этой, у нее больше никогда не получалось.

— То есть если я контролер, то у меня все получится, потому что у контролера в твоей любимой истории получалось именно все?

— Ну — это юмор. Я так сказала. Просто. Для того чтобы было весело.

— Отлично, а то я уже испугался, что ты заставишь меня тащить две ячейки, раз я большой и ужасный Аварийный Контролер.

— Ага. И меня в придачу тоже надо нести. Надо спасать. Как в той история.

— Ну ты-то вроде полегче будешь...

Глава 19

Хранилища базы были завалены запчастями для самых невероятных и смертоносных систем уничтожения, средствами доставки их на орбиту и обслуживания. Но когда спустя два дня Влад и Тейя выбрались на поверхность, экипировка их походила на продукты кустарных технологий раннего Средневековья, а не промышленные изделия развитого технического общества. Зимние комбинезоны были варварски обшиты пластиковой чешуей, головы прикрыты шлемами из того же пластика, оставляющими открытыми лишь щели для глаз и дыхания. На поясах висели под сумки с патронами, пороховые бомбы с короткими фитилями и по два пистолета, за плечами болталось то, что Влад гордо назвал ружьями: стальные трубки на неказистом ложе и с пластиковым же прикладом, заряжаемые охотничьим патроном с картечью. Несмотря на курьезный вид, оружие серьезное, проблема лишь в том, что однозарядное и перезаряжалось медленно. Ни Влад, ни Тейя в механике гениями не являлись и придумать механизм попроще и поэффективнее не успели.

вернуться

5

Эхнатон — Аменхотеп IV фараон Древнего Египта (1375-1336 гг. до н. э.).

Не доверяя маломощным пистолетам и самоделкам, Влад прихватил кинжал и копье, еще одно копье вручил Тейе. Хоть не проткнуть, так прикрыться сможет, в случае чего.

А еще он волочил за собой средство транспортировки — самодельную тележку, громыхающую на всю округу. Без нее ему бы пришлось туго — энергоячейка весила не меньше пятидесяти килограммов. Нет, он бы легко поднял такой груз на плечи и еще легче бы понес в рюкзаке, все же парень не из хлипких, но в бою такая ноша может оказаться очень некстати.

Юг, будто из принципа, противоречил метеопрогнозам Либерия. Весна даже не думала начинаться. Опять похолодало, пустоши запылило тонким слоем снега. Почти никогда не утихающий здесь ветер вымел его с ровных участков, зато под руинами и обломками скопилось прилично.

И было холодно. Вряд ли такая уж лютая стужа, но на ледяном ветру жалкие минус пять кажутся всеми сорока. На маске стало моментально намерзать, этого Тейя не предусмотрела. Ну да ладно, им всего-то пройти километров семь-восемь, а назад полетят с комфортом, поплеывая на останки испепеленных Эхнатом тварей.

Вскоре пришлось резко свернуть на восток, обходя еще в прошлый раз обнаруженную зону заражения. Шагать было на удивление скучно. Никто не пытался атаковать, на свежавывающем снегу даже следов не было. Может, твари откочевали? Хорошо бы...

— Тейя?

— Слушаю тебя.

— Что такое зона тинарного заражения?

— Тинарного... Тинары?

— Откуда я знаю. Так голос в голове предупредил. Мы ее сейчас обходим.

— Тинары — это такие мелкие-мелкие частицы с возможностями стайный интеллект. Что-то вроде микроскопических машин на принципе работа муравейник или улей пчел. Их помещают на скопление мусора, или, предположение, если здание нужно разрушить очень тщательно. И они все структурированное в радиусе заданного действия перерабатывают в вещество, как пыль. Ничего не остается там. Любой материал, кроме некоторых кристаллов.

— Гм... И как можно ими заразить местность?

— Не знаю, я про такое загрязнение не слышала. Война без меня прошла. Не наблюдала. Может, создали тинаров без ограниченного срока жизни. Тогда они, если есть энергия, так и будут атаковать на все, что не переработано, в их радиусе роя.

— То есть даже если один на человека попадет, то ему смерть?

— Ну... один тинар вряд ли. И за радиусом он отключать себя должен, без сборной энергии центра роя не существовать ему. Но их ведь большими количествами применяют. Много тинаров — это точно смерть от переработки. Хотя они не должны трогать живые объекты.

— Ну для военных целей такой запрет могли снять.

— Да. Так могло случиться. Хорошо, что мы туда не пошли. Наша одежда от тинаров не защитит. Влад?

— Что?

— Мне, может, показалось, но в тех развалинах что-то промелькнуло.

— Смотри по сторонам. Если твари рядом, то обязательно нас заметят. Чутье у них прекрасное. Да и мы гремим на всю округу.

— Эта не показывается.

— Может, опасается в одиночку нападать, но если дадим шанс, тут же набросится. Они хитрые бывают.

— Я в архиве базы видела информацию, что радикалы, создавая существ для зачистки, нарушили пятый закон медицины.

— Что еще за закон?

— Ни при каких обстоятельствах нельзя создавать существа, используя человеческие гены.

— То есть среди тварей могут встречаться наши родственнички?

— Нельзя так говорить, но смысл ты понял. У них может оказаться интеллект повышенный, не животный.

Слева звонко хлопнуло, Влад дернулся, когда по пластику на боку что-то с силой стукнуло и срикошетило в снег.

— Тейя! За тележку!

Девушка послушно выполнила приказ, а Влад, взяв ружье на изготовку, начал озираться по сторонам. Почти сразу увидел «слоника». Тот, показав из-за кучи хлама свою курьезную голову, выпрямил хобот, намереваясь повторить выстрел.

Влад нажал на спусковой крючок. Ружье оглушительно бабахнуло, картечины подняли несколько снежных фонтанчиков и выбили облачка пыли из кучи, за которой укрывалась тварь. Слоник дернулся, присел, затем быстро помчался вдаль, стараясь, чтобы между ним и людьми как можно чаще оказывались препятствия.

— И правда умный...

— Кто это был?!

— Я зову их слониками. Помнишь, рассказывал?

— Ага. Ты попал в него? Ранил?

— Не знаю. Но испугался он знатно.

— Дай посмотрю одежду. Ого, какая вмятина!

— Это не страшно. Главное, что не пробило. Молодец, хорошо сделала.

— Спасибо.

— За что?

— Ты похвалил. Законы вежливости требуют благодарить ответом.

— В твоём времени все были такие вежливые?

— Нет. Не все. Я так воспитана. Далеко от Земли росла детство и в парке дикой зоны, там люди

другие.

— Хорошие люди. Таких бы побольше.

— Еще раз спасибо.

Под маской видно не было, но Влад не сомневался, что девушка улыбается. Нервы у нее и правда железные. Из ствола ружья еще дымок вьется, а она настолько спокойна.

— Тейя, если еще нападет, сразу за тележку. Энергоячейку его хобот точно не пробьет. И ружье чуть что с плеча срывай, не раздумывая. Слоник издали атакует, но встречаются тут ребяташки куда наглее...

* * *

Слоник больше появляться не рискнул, возможно, и правда схлопотал картечину, но на полпути к роботу напала новая тварь, до сих пор не виданная. Походила она на гротескную помесь черепахи с богомолем, вымахавшую до размеров коровы. Несмотря на курьезный вид, противником оказалась знатным. Выскочив из засады, устроенной в яме, где сидела, присыпавшись снежком, она помчалась на людей с лошадиной скоростью, изготавливая поблескивающие роговой тканью, загнутые когтями книзу передние лапы для удара.

Выстрел из ружья ее не остановил, лишь дернулась. Влад, чертыхаясь, потянул тугой неказистый затвор, подмерзшими пальцами начал выковыривать гильзу. Как бы сейчас пригодился его помповик... Рядом бабахнуло — Тейя вмешалась. Бросил короткий взгляд на тварь, та как мчалась, так и продолжала мчаться. Или картечь ей глубоко безразлична, или девушка промахнулась. В любом случае бить надо не в защищенный панцирем корпус, а выше. В длинную тонкую шею или голову.

Выхватив из подсумка патрон с пулей, заорал:

— Тейя! Хватай копые! Не подпускай ее к себе!

Затвор с лязгом задвинул красный цилиндр патрона в ствол. Монстр был уже в десятке метров, задержавшись лишь потому, что пришлось преодолевать завал из скрученных в невообразимую головоломку полос металла. Влад едва успел вскинуть ружье — еще секунда, и было бы поздно, загнутый вниз единственный массивный коготь на лапе твари уже начал опускаться.

Тяжелая пуля не подвела, ударила чуть выше основания шеи. Тварь потеряла равновесие, ее лапа ударила мимо, коготь вонзился в богатую сюрпризами землю пустоши, наткнулся там на что-то твердое, из-за чего с треском сломался. Влад, отскакивая от заваливающейся туши, бросил ружье, выхватил пистолет, разрядил обойму в уродливую голову, до последнего продолжающую сверлить его змеиным взглядом.

Обернулся, увидел Тейю, присевшую за тележкой с ружьем на изготовку. От сердца отлегло — живая и невредимая.

— Ты хоть ружье перезарядила?

— Ага. Ты же учил так делать всегда. Вон еще одна бежит, на дальнем расстоянии. Наверное, они парой охотились. Ты чем стрелял сейчас: пулей или картечью?

— Пулей. Картечь им что для нас песок. Давай только поближе подпустим.

— Ага. Издали пулей затруднительно попасть.

Да уж, Космос был прав на все сто. Не зря он эту девушку спустил на землю.

Влад потянул рукоять затвора.

* * *

Тварей, которых Влад окрестил черепахами, оказалось не две, а пять. Их фатальной ошибкой было то, что они рассредоточились в засадах на приличной площади, а не держались группой. Даже вдвоем они бы имели высокие шансы разделаться с парочкой людей, но поодиночке их шансы были призрачными. Наверное, они старались охватить как можно большую территорию стаей, и если везло на добычу одной, к пиршеству присоединялись остальные. Эта тактика их и погубила — все полегли под пулями, лишь первой повезло подобраться на опасную дистанцию.

Теперь стало понятно, почему в этом месте на снегу не видно следов. Прочие твари просто убралась, избегая черепах. Видимо, очень серьезный противник, раз всех распугали.

Очень хорошо, что Влад с Либерием по дороге к базе не нарвались на такую стаю. Без Эхнатона шансы на выживание были более чем скромные.

И хорошо, что в шею им легко попасть даже из самодельного ружья. Не умеют твари уворачиваться от неприятностей. Наверное, считают себя если не вершиной здешней пищевой пирамиды, то последней ступенькой к ней. Слишком наглые...

* * *

Эхнатон обнаружился там же, где его оставили. Гигантский панцирь краба возле груды обломков, оставшихся от какого-то немалых размеров сооружения. Снег не удерживался на гладком металлическом панцире — сметало ветром, а вот внизу прилично набилось. Владу, хотелось верить, что машине не чужды эмоции, и она с радостью наблюдает, как, громяхая тележкой с разболтавшимися колесами, к ней приближается спасение.

Остановившись перед уцелевшим глазом робота, Влад вслух произнес:

— Привет. Я же говорил, что вернусь за тобой.

Эхнатон ответил, но, к сожалению, не голосом:

«Приветствую вас, контролер».

— Я принес энергоячейку.

«Контролер, мои сенсоры фиксируют угрожающее присутствие. Не могу определить источник. Не хватает энергии для корректной работы системы».

— Тейя, осторожнее, где-то поблизости тварь, — сказал Влад, поворачиваясь к девушке.

Сильно он ее перехвалил. Добравшись до цели, она расслабилась, решив, наверное, что все опасное позади, ведь ни одна тварь не рискнет приблизиться к такой могучей машине. Если бы просто расслабилась — не страшно, но Тейя сняла шлем, и ее волосы сейчас развевал колючий ветер.

Влад ничего не успел ей сказать. Где-то правее хлопнуло, возле уха свистнуло, девушка

дернулась, начала оседать, заваливаясь набок. Как ни хотелось ему подбежать, подхватить тело, он заставил себя обернуться, выхватывая пистолет.

Слоник стоял на вершине груды обломков и суетливо запихивал в основание хобота новый камень. Никуда он не убежал. После первого нападения сделал вывод, что его оружие бессильно против пластиковой защиты, и караулил момент, когда в этой защите появится удобная брешь.

Непревзойденный снайпер пустоши, гений маскировки и хитрости — он дождался этого момента.

Влад даже не подумал хвататься за ружье. Оно заряжено пулей, точность никакая, на этой дистанции, что-то около тридцати метров, попасть будет ох как непросто.

Убить. Убить мерзкую тварь. Не дать уйти, как той, что тогда напала на него с Либерием. Страх за девушку, ярость, напряжение последних часов отразились на способности действовать адекватно. Вскидывая пистолет, Влад одновременно сорвал шлем с головы. Надо дать мрази шанс, иначе он опять убежит и, дожидаясь удобного момента, будет их преследовать.

Вроде и логичный поступок, но это как подумать...

Выстрел, еще, еще. Хобот твари, только что обвисший, сморщившийся, набухает, распрямляется. На Влада дульным срезом уставилось темное отверстие. Фантастическая дуэль, мечта археологов и биологов — схватка древнейшего человека и твари, созданной больным гением его свихнувшихся потомков. Вестерн мира светлого будущего, финальная сцена фильма.

Влад попал четвертым выстрелом. Опередил. Слоник взвизгнул, покатился вниз, набирая скорость, со всего маху напоролся на торчащий из земли металлический прут, нанизав себя, будто кусок мяса на ржавый шампур. Взвизгнул еще раз и затих, в агонии подергивая нижними конечностями.

Не обращая на него более внимания, Влад бросился к Тейе. Присел, поднял голову, зашарил, пачкая пальцы в крови. Тварь попала чуть выше уха, там теперь бугрилась огромная шишка с окровавленной раной на вершине. Насколько все серьезно, он не знал, но, вспомнив, что делал тренер в случаях нокаутов, поднял веки, начал сравнивать зрачки. Похоже или показалось? Нет, вроде так и есть. Может, это у нее от природы? Да нет, он бы заметил давно. Он часто смотрел на ее глаза, и не только на глаза. Не мог такое упустить.

Разный размер зрачков при травме головы не означал ничего хорошего — Влад это знал. И знал, что зеленкой помазать тут недостаточно для успешного лечения. Тейя серьезно ранена, и помощь ей нужна тоже серьезная. А он, идиот, даже последнюю порцию биоты, оставшуюся у Либерия, не прихватил.

Медцентр. Там осталась незанятая капсула регенерации. Влад не знал, как работает капсула, зато имел действующий образец, в котором покоился луддит. Проверить, какие там настройки, после чего попробовать повторить все для Тейи. Единственный вариант в этих условиях.

Но ее еще надо туда доставить.

Как ни трудно было бросать тело девушки на земле, ему пришлось. Подтащив тележку к задней части корпуса робота, он зашел в меню обслуживания, после чего активировал команду открыть отсек питания. Овальная дверца на скосе нижней бронированной полусферы

откинулась, и за нею, будто в преломившемся охотничьем ружье, обнаружились два ствола, в глубине которых тускло поблескивали донца энергоячеек. От ветхости или от нехватки энергии в системе, экстракторы не сработали, и он был вынужден вытаскивать левую вручную. Хорошо, что на этот случай откидывающаяся ручка была предусмотрена.

Сколько в этой штуке килограммов? Похоже, она чуть-чуть легче, чем та, что он притащил на смену. Ну да — ведь отработана досуха. Принцип их действия Влад так и не понял — хоть внутри и радиоактивные изотопы, но ядерная реакция не используется. Зато точно знал, что при производстве энергии масса падает, и чем дальше, тем больше. Тяжелый сверкающий полированной сталью цилиндр с шумом грохнулся на мерзлую землю. Начинка ячейки опасна, ни в коем случае нельзя допускать разгерметизацию, отсюда и толщина стенок — для безопасности. Ее нельзя просто так бросать, положено сдавать на переработку, во избежание загрязнения местности. Но пусть здесь все до горизонта засыплет километровым слоем плутония или чего похуже — Владу на это сейчас наплевать.

Новая и впрямь тяжелее, но он этого почти не ощутил, легко затолкав в гнездо, будто снаряд в орудие. Теперь закрыть крышку отсека.

— Эхнатон. Ячейка загружена.

— Тест силовой системы. Ячейка принята. Подключение. Загрузка силовой системы пятьдесят процентов. Для достижения полной мощности рекомендую установку второй ячейки.

— Ты двигаться сможешь с одной?

— Так точно.

— Тогда двигайся вон к той груде обломков. Мне надо на тебя забраться и Тейю затащить.

— Принято.

* * *

Чтобы добраться до Эхнатона, им пришлось идти около четырех часов — пустошь не то место, где можно двигаться нормальным шагом. Путь назад не занял и получаса. Робот мог бы и быстрее домчаться, но Влад опасался, что на скорости их просто сдует с брони — держаться на ней было не за что. Тейе и так досталось, не стоит усугублять. Поддерживая ее голову, он поминутно изучал зрачки, все более убеждаясь, что не ошибся с первоначальными выводами.

Ей и впрямь нужна серьезная помощь. Она не приходит в сознание, пульс все медленнее и медленнее, лицо бледнеет.

Робот остался у цилиндра лифта, Владу пришлось телепортироваться вниз с девушкой на руках. К счастью, механизм древних к этому отнесся спокойно, хотя место на площадке под колпаком было рассчитано на одного человека, причем стоящего. Даже энергоячейку наверх они отправляли отдельно, в вертикальном положении. Где-то есть грузовой терминал, но искать его сейчас нет времени.

Путь по коридору показался вечным, но вот, наконец, и медблок. Капсула Либерия продолжает мигать разноцветными огоньками, вторая вела себе спокойно, как было и все последние века.

Борясь с нервами, требующими спешки, Влад изучил настройки работающей капсулы. К счастью, их было немного. Тейя, как всегда, оказалась права: полную регенерацию мог бы и

дурак запустить, а вот чтобы запрограммировать лечение заданной болезни или повреждений, был нужен уже квалифицированный медик. Ничего, пусть она лежит, сколько потребуется, лишь бы помогло.

Раздев девушку, Влад уложил ее на выехавшие носилки, поверхность которых тут же зашевелилась под телом, подстраиваясь к форме. Взглянув в последний раз на ее бледное лицо, он активировал процесс полной регенерации. Тейя скрылась в недрах цилиндра, крышка вернулась на место, по корпусу побежали разноцветные огоньки. Теперь эта капсула ничем не отличалась от капсулы Либерия.

Главные мощности медблока были полностью загружены.

* * *

Подходя к лифтам, он, несмотря на то что думал о другом, успел заметить: дрон, которого они оставили в начале коридора недвижимой глыбой, лишенной источника энергии, исчез. Скорее всего, другие дроны доставили к нему ячейку. Значит, где-то они их берут, есть какой-то склад для местных нужд. Надо бы его поискать на досуге, а то от стража толку нет, он ничего об этом не сообщил.

Влад раскидал по полу коридора посуду, прихваченную из комнаты снабжения персонала, минут десять пришлось подождать, прежде чем приехал робот-уборщик. Приказав ему отключиться, забрал энергоячейку, потащил к лифту.

Эхнатон, тихо жужжа, летал по периметру вокруг наземного комплекса. Откликнувшись на зов Влада, приблизился, терпеливо перенес процедуру замены второй ячейки, отрапортовал:

— Тест силовой системы. Ячейка принята. Подключение. Загрузка силовой системы сто процентов.

— Доволен? Теперь у тебя все есть.

— Отсутствует расходный боекомплект. Требуется капитальный ремонт ряда систем. Рекомендуются замена бронекорпуса.

— Ну не все сразу. Кушай пока то, что есть.

— Ответ не принят.

— Тебе и не надо...

Влад уставился в затянутые облаками небеса. Холодный ветер покалывал лицо, о пластик доспехов бились разогнавшиеся на просторе пустоши снежинки, где-то вдали истошно взывала какая-то тварь.

Хоть самому взвзой... Где-то там, очень высоко, флотилия скоростных перехватчиков раз за разом атакует убежище Космоса. Связь с ним потеряна, возможно, навсегда. Ведь неизвестно, сколько дней придется провести Тейе в медблоке. И не факт, что она оттуда вообще выйдет, а что Влад без нее сможет сделать?

Он все потерял... Ведь мог хотя бы ее за собой не тащить в это ледяное пекло. Лучше сдохнуть от тварей, чем то, что вышло в итоге...

Это не его мир. Без чьей-либо помощи он здесь бессилен, как младенец. А тем, кто ему помогает, лишь создает проблемы. Космос выручил его, избавив от приступов, а теперь медленно гибнет на орбите, наблюдая, как тает броня его убежища. Тейя спустилась с небес и лежит в медблоке с пробитой головой, умирая от обширного кровоизлияния в мозг. Лишь он живехонек, благодаря по ошибке установленной в его организм системе контролера.

Могучий контролер не сумел защитить фанатку фильмов со своим участием. И вообще ничемная личность, которая будет сутками сидеть в медблоке, таращась на лампочки, время от времени поднимаясь наверх и гневно крича в небеса, не получая ответа. Ведь сам он ничто и никто...

Влад, разозлившись на себя, сжал кулаки. Ну да, он не гений, но что толку стоять тут и предаваться самобичеванию? Надо... Надо... Что надо?..

Он ведь теперь знает, в каком хранилище находятся носители, а в каком точки огня. Скорее, конечно, огневые точки, но ему больше нравилось, как говорила Тейя. И у него теперь есть Эхнатон, а этот робот от работы не отлынивает. Всего-то и надо — показать ему, где копать и что ломать.

Стоп! А как он, без посторонней помощи, запустит огневые точки на орбиту? А так же, как разобрался с медблоком. Поищет информацию на базе, ведь работать с архивами он уже умеет. И вообще, насколько Влад заметил, техника древних не страдала от сложностей с управлением. Это в его времена в центре управления полетами работали сотни людей, а здесь вообще можно обходиться без них. Вон, сколько веков база прожила без участия человека и до сих пор работает, пусть и не без огрехов!

Так где здесь у нас хранилища под номерами семь и четыре?..

Глава 20

Стальная балка толщиной с Влада в зажиме манипулятора Эхнатона казалась изящным карандашом в клешне чересчур много о себе возомнившего краба-переростка. Вбив ее под стальное колесо механизма крышки, робот поднажал еще раз, наконец, освободив черный зев шахты.

— Выполнено.

Влад подошел к краю, с опаской взглянул вниз. Ничего не увидел, кроме черноты. Не нашел ничего гениальнее, чем сочно плюнуть, постоял, прислушиваясь, но звука падения сгустка слюны не донеслось. Камень бросить? А вдруг что-то повредит.

Если верить трехмерной карте, до дна шахты около двухсот пятидесяти метров. Точнее он сказать не мог, древние использовали иную единицу измерения, о величине которой он мог судить, лишь изучая сохранившиеся сооружения, сравнивая их размеры по карте. Пока что выходило около девяносто сантиметров, от этой цифры и отталкивался. Представив, как будет спускаться в эту бездну по канату, которого у него, кстати, не было, Влад зябко поежился, причем не только из-за холодного ветра.

Он не такой уж и псих. Нужна альтернатива.

— Эхнатон?

— Слушаю, контролер.

— Ты сможешь спуститься вниз?

— Так точно. Теперь смогу.

— Что значит теперь?

— Имеются две причины. Причина номер один: без энергоячеек значительный полет затруднен. Причина номер два: крышка мешала доступу в шахту. Список причин зачитан.

— А ты не такой чурбан, как считала Тейя. Даже что-то немного похожее на шутки выдаешь. Давай я на тебя заберусь — и вниз.

Глядя, как мелькают по сторонам потеки и пятна коррозии на стенках шахты, Влад подумал, что надо приспособить Эхнатону кабину или хотя бы поручни, а то иногда страшновато летать.

Спуск прекратился, робот доложил:

— Продолжение спуска невозможно.

Влад, свесившись, попытался разглядеть, что же им помешало достигнуть дна. Устье шахты отсюда казалось крупной звездой, и освещение от нее было соответствующее, но особое зрение Влада помогло, и он быстро определил причину остановки.

— Эхнатон, это и есть дно.

— Никак нет. Это не дно. Сканирование показывает, что под нами конструкция незначительной толщины. Полимерный герметик, съемное перекрытие, сборка панелей хроноизолирующего контура.

Ах, вот оно что! Как же он мог забыть. Ведь древние очень остроумно решили вековую проблему с хранением портящегося товара. В складах попросту останавливали время, запечатывая их помещения со всех сторон в хроноизолирующий контур. Без внешнего воздействия он мог держаться хоть вечность. Положи в такое помещение мороженое, и пусть там даже тридцать градусов будет, за миллион лет не растает.

Сам он тому живой пример.

— Эхнатон, контур работает?

— Да. В нештатном режиме.

— Что значит нештатный режим?

— Сканирование показывает, что имели место нарушения контура, ликвидированные ремонтной системой. После этого контур перезапускался.

Видимо, война сказалась даже под землей. Сотрясения почвы, обвалы, тектонические подвижки: что угодно могло повредить кокон хранилища. Но ремонтные дроны все починили, вновь погрузив склад в мертвый сон.

— Эхнатон.

— Слушаю, контролер.

— Ломай все и опускайся вниз. Там останешься, и не подпускай дронов к шахте, а то опять все починят и запустят контур.

— Контролер, вы даете разрешение на уничтожение ремонтных дронов Красной сети?

— Ну зачем так строго с мальчиками. Ты сможешь вытаскивать у них энергоячейки?

— При наличии приказа я могу даже ломать их на две и более частей.

— Гм... Хорошо, что мы к тебе успели до отключения. Мне нравится твоя развитая на помойках пустоши личность. Договорились: будешь вынимать у них ячейки.

— Принято.

Страж хранилища на вторжение ответил приятным образом: внизу зажглось освещение. Влад чуть обрадовался — в полной темноте даже его зрение работало хуже некуда. Спустившись с дрона, потер озябшие руки — броня у Эхнатона ледяная, хоть отапливаемый гараж для него придумывай.

Теперь надо поговорить с местным стражем. Вдруг у него не только ремонтники, а и охрана имеется. Не хотелось бы знакомиться с ней при обстоятельствах попытки кражи со взломом.

А вот и он, легок на помине.

— Вызывает страж хранилища номер четыре. Назовите себя, — запросили в голове.

— Аварийный контролер Красной сети.

— Совпадение подтверждено. Принято. Приветствую вас, контролер. Доложить о состоянии объекта?

А местный ум сохранился куда лучше, чем у стража базы. Ну да, для этого ведь время не бежало.

— Докладывай.

— Состояние хранилища: нарушена герметичность шахты запуска. Герметичность остальной части изолирующего периметра сохранена. Имели место нарушения герметичности отсеков одиннадцать и тридцать четыре. Отсек двадцать шесть уничтожен обвалом. Нарушения устранены, двадцать шестой отсек отрезан перемычкой, хроноизоляция восстановлена. Имело место внешнее отключение изоляции. Виновник: страж центрального узла базы. Причина отключения: страж центрального узла базы высказал предложение сыграть в игру, где крестики и нолики противники ставят по очереди на поле из клеток размером две на две. В игре был дан отказ, по причине того, что страж центрального узла базы отклонился от регламента и еще выдвигал ничем не обоснованное требование права первого хода, что повышало шанс его выигрыша до ста процентов. Также сеть хранилища была отделена от сети базы, хроноизоляция восстановлена. Доклад окончен.

— А страж нашей базы, оказывается, тот еще любитель поиграть по-шулерски, но строит из себя тихоню... Что хранилось в двадцать шестом хранилище?

— Расходные обтекатели для субглайдеров.

— Ну это нам, надеюсь, не понадобится, раз я про них даже не слышал... Огневые точки

сохранились?

— Так точно. В отсеке девятнадцать имеется сорок восемь штук.

— Хорошие новости. Они работают? Каково их состояние?

— Полное тестирование проводилось от шести до одиннадцати часов реального времени назад для разных огневых точек. Все огневые точки в полном порядке.

— Хоть сейчас на орбиту запускай?

— Так точно.

— В седьмом есть носители для них. Как их туда доставить?

— Необходимо вскрыть хранилище номер семь. Активировать внутреннее лифтовое хозяйство. Запустить транспортеры.

— То есть в седьмое мне тоже шахту придется вскрывать?

— Если не найдется альтернативный способ, то да.

— Да мы здешнюю раскапывали больше суток, а времени совсем нет... У тебя есть возможность вывести точки без родных носителей?

— Так точно. Но должен доложить, что без специализированного носителя возможности огневых точек будут сильно ограничены, а после исчерпания боекомплекта сведены к нулю. Также имеется риск уничтожения огневых точек на стадии транспортировки, поскольку доступные мне носители не имеют активной защиты.

— Ладно... Подготовь огневые точки к транспортировке. Сколько на это уйдет времени?

— От семи до четырнадцати часов. Необходимо запустить транспортер и выполнить юстировку лифтовой системы.

— И еще: ты можешь починить механизм крышки шахты?

— Моя специализация и ресурсы этого не позволяют. Вам лучше воспользоваться хранилищем номер два. Там есть все, что требуется для восстановления оборудования лунных батарей, а на них имеются сходные механизмы.

— Хорошо. Тем более, его крышку вроде не засыпало. Ты видишь, в каком состоянии Эхнатон?

— Принимаю доклад. Доклад принят.

— Что-то можно с этим сделать?

— Для обслуживания интеллектуальной сети потребуется хранилище номер один. Могу произвести замену аварийной перезаряжаемой батареи, ремонт гравипривода, спарки энергоцитов, системы высокочастотной связи, речевого центра. Также возможна установка совместимого манипулятора от автономного орбитального монтажника. В хранилище номер два имеется оборудование для ремонта повреждений брони: герметизации трещин и пробоев прочным материалом. Также можно выполнить замену начинки кассет для кинетических систем вооружения.

— У тебя есть боеприпасы?

— Ответ отрицательный. Стандартный кинетический боеприпас имеет вид сферы, выполненной из высокоуглеродистой стали. Бронебойный кинетический боеприпас имеет вид сферы, выполненной из легированной стали с внутренним ядром из урана, реже применяется платина. Разрывной кинетический боеприпас имеет вид сферы, выполненной из карбида некоторых металлов с покрытием различного состава. Внутри сферы в редких случаях размещается заряд взрывчатого вещества. Доступно создание на любом виде бытового или промышленного копира.

— А, порох или что-то такое?

— Вопрос неясен.

— Ну, чем разгоняется этот снаряд. За счет чего набирает скорость в оружии.

— За счет воздействия переменных полей.

— Сделаю вид, что все понял... Сможешь наделать этих шариков под все калибры Эхнатона?

— Затруднительно. Рекомендую воспользоваться ресурсами хранилища номер два.

— Ясно. Ну что ж... за работу.

* * *

На то, чтобы добраться до крышки шахты седьмого хранилища, у Влада ушли еще сутки. От постоянного недосыпания его мутило, аппетит пропал, шарики для снятия усталости, которые он смог вытребовать у медблока, вспомнив, как это делала Тейя в самом начале, почти не помогали, хотя он их глотал горстями. Обиднее всего, что, возможно, все его усилия напрасны. Космос давно уничтожен, превращен в груды раскаленных обломков на орбите. Не может ведь противник взламывать его так долго.

Но Влад продолжал работать.

Со стражем седьмого хранилища возникли проблемы, и он попросту приказал ему отключиться, не тратя время на попытки привести дрона в норму. Хозяин четвертого справится с двойной нагрузкой, к тому же ему будет проще запустить огневые точки, поскольку управление носителями оказалось под его контролем.

Пока четвертый подготавливал запуск, Влад занимался хранилищем номер два. Там все оказалось в идеальном порядке, и уже через час банды ремонтных дронов вынеслись на поверхность, приступив к ремонту механизмов крышек шахт. Вокруг всей этой суеты наворачивал круги изрядно обновленный Эхнатон, тщетно надеясь, что какая-нибудь тварь заинтересуется нездоровой суетой на мертвой базе, и он испытает на «госте» кинетическую пушку. Однако после того как здешние монстры познакомились с его плазмой, любопытных больше не находилось.

* * *

В комнате управления все осталось, как в тот самый момент, когда Влад вышел отсюда в последний раз. Тогда еще с ним была Тейя... Луна, правда, значительно сместилась, да и диск ее теперь освещен иначе. А звезды так и мерцают в черной пустоте. Некоторые, подсвеченные

автоматикой, движутся в постоянстве орбитального падения, и, что немного радует, на хорошо знакомом фрагменте корабля видно свечение от недавнего обстрела.

Обстрел продолжается.

Чуть ли не пальцами придерживая веки, Влад около часа изучал небесную полусферу, но так и не нашел ничего похожего на гравископ. Тейя говорила, что он выглядит как гигантский крест — ошибиться трудно.

Вдребезги разнесен? Но остатки корабля куда меньшего размера продолжают оставаться цельной конструкцией, хотя обломков вокруг сверкает целая туча. Скорее всего, носитель Космоса укрыт за планетой, где средства наблюдения базы бессильны.

Надо ждать.

Это оказалось труднее всего. Влад мужественно боролся со сном, но битва была неравной — проигрыш неотвратим и очень близок. И когда он находился в шаге от сдачи в плен, над диском планеты мелькнула восходящая звезда необычайной яркости. Дав увеличение, он разглядел объект, похожий на деформированный крест, размер его впечатлял — ничего крупнее на орбите не сохранилось. На фоне этой громадины стадион на сто тысяч зрителей смотрелся бы скворечником рядом с телефонной будкой.

Свечения не наблюдалось, зато вокруг в изобилии летали осколки, иногда даже сталкиваясь в тесноте. Очевидно, что возникли они недавно, раз этот хаос не успел даже чуть-чуть упорядочиться.

Сейчас Влад выведет на орбиту восемь миниатюрных боевых станций. Космических дотов [6] далекого прошлого. Хотя для кого-то будущего... Даже парочки хватит, чтобы легко отбить атаку четырех перехватчиков, используемых противником, но он решил не мелочиться. Вдруг радикалы выведут еще несколько штук?

вернуться

6

Дот — долговременная огневая точка, малое фортификационное сооружение

— Докладывает четвертый: носитель к старту готов, шахта открыта.

— Запускай.

— Прошу задать параметры орбит огневых точек.

— Что за параметры?

— Параметры орбит огневых точек.

— Да развесь их просто вокруг гравископа, и пусть висят.

— Ошибка данных. Прошу назвать параметры орбит огневых точек.

На глазах Влада из-за горизонта Земли выскочила стремительная искорка перехватчика,

прошла рядом с гравископом, сверкнула чуть заметнее, после чего вблизи середины креста вспыхнуло, быстро погасло, оставив несколько тускло светящихся пятен.

Космос под обстрелом, а ему, вместо того, чтобы немедленно броситься на помощь, придется ломать ничего уже не соображающую голову в поисках ответа: что такое параметры орбит и как их задать?

Архив, опять копаться в до тошноты надоевшем архиве...

Но делать это не пришлось. Равнодушный голос вынес, с небольшими изменениями, свой стандартный приговор:

«— С последнего коннекта со значимым элементом Красной сети прошло больше ста часов. Локальные элементы Красной сети — статус: коннект поддерживается. Режим автоматического поиска коннекта не деактивирован. Повторяю поиск коннекта. Статус: доступных сетей высокого ранга не обнаружено. Коннект невозможен. Начинаю повторный сброс аварийных маячковых пакетов — приготовиться к передаче. Статус передачи: старт».

Тянуть с исполнением приговора голос не стал.

Невыносимая боль. Паралич. Небытие.

* * *

Искусственное создание, некогда называвшееся «Центральный технолог горнодобывающего узла, порядковый номер четыре, шестьдесят два, пятнадцать», вновь засебло мощный ширококанальный сигнал невыясненной природы. Период молчания продолжался несколько дней. Казалось, он пропал навсегда, но нет же — вновь проявился.

К сожалению, точка выхода на связь неизвестного корреспондента оказалась слишком далеко к югу от района поисков. Сеть ориентированных пеленгаторов сработала неэффективно, сказалось то, что они ожидали передачу из внутренней области контролируемой территории, не будучи готовы к активности снаружи. Данные перехвата не позволяли установить точку, давая лишь направление на источник излучения. Попытки определить расстояние, анализируя мощность передачи, к успеху не привели — никаких аналогов, способных излучать подобный сигнал, в архивах не обнаружилось. Как было и во всех предыдущих случаях. Так же бесполезен оказался анализ карты: никаких подозрительных объектов в указанном направлении не оказалось.

Но они, без сомнения, там имелись. В этом пришлось убедиться очень скоро, когда наземная станция слежения зафиксировала запуск космического аппарата. Дальномерные установки определили расстояние до двигателя, и оказалось, что корабль стартовал из точки, расположенной в луче, данном пеленгаторами.

Попытка скорректировать боевой курс перехватчика для сближения с целью и последующего ее уничтожения завершилась неудачно. В результате ошибки в исчислении маневра, допущенной технологом из-за спешки с расчетами и отсутствия данных от станций мониторинга орбит, он испытал динамическое воздействие верхних слоев атмосферы и вышел из строя. Других средств помешать неизвестному противнику не оказалось.

За кораблем проследили до его выхода на высокую орбиту, после чего было отмечено отделение восьми спутников.

А затем начались проблемы.

Глава 21

— Влад! Влад! Вла-а-ад! Не умирай здесь так! Открой рот свой давай! Ну-у-у-у!

Боль, неохотно отступая, цеплялась за осколки сознания, но не слишком в этом преуспевала — далеко не первый приступ, бороться с последствиями Влад научился. А вот что за голос непонятный... Первый раз такой. Приятный, совсем не похож на опостылевшее бурчание Давида. И по щекам его обладатель не хлопает, как любил это делать товарищ.

Давид...

Влад вспомнил: нет Давида. Нет охотничьего лагеря. И вообще, если ему это не приснилось — очень многое изменилось.

Открыл глаза, сделал не слишком удачную попытку улыбнуться.

— Тейя... Живая...

Бледная больше прежнего, девушка тут же зарыдала, как маленький ребенок, и, давась словами, запричитала:

— Что с тобой?! Ты несколько часов такой был! Тебя не принимает регенератор! Пишет, что нет критических повреждений!

— Ну раз сам регенератор пишет, значит, так оно и есть. Не плачь. Это просто приступ. Я тебе о них рассказывал.

— Приступ?! Они опять начались?!

— Это первый. Не плачь, я в порядке.

— Ты совсем не в порядке, — утирая слезы, вынесла вердикт Тейя.

— Угу. Для контролера я слишком хилый. Плохая получается история.

— Лучше, чем те, что я смотрела. — Девушка тоже попыталась улыбнуться, и вышло у нее так же плохо. — Влад, тебя надо лечить. Я очень испытать страх. Здесь никого не было. Нашла тебя возле экранов на полу.

— Как же ты меня смогла дотащить сюда?

— Спорт. Я кажусь очень слабой, но это не истинность. Легкое тело позволяет делать разнообразную сложность элементов выступления. Хотя ты, конечно, очень тяжелый сильно. Сама не знать, как это у меня получаться. Лучше было вызвать дрона. Я была тогда в паника, не могла догадаться.

— Тейя... — Влад напрягся. — Перед тем как вырубиться, я собирался послать на орбиту огневые точки. Не успел. Надо сроч...

— Лежи, я уже все исполнить. Все по порядку было готово, только делать запуск. Хорошо, что ты предоставил допуск для моей собственности.

— И как там дела?

— Я не имать информация. Я пребывала в мед-центре, оказывать тебе помощь. На, съешь это, ты должен.

Влад уставился на горсть разноцветных шариков:

— Что это?

— Тише боль или нет ее совсем, нормализует обращение крови, вывести токсины от саморазрушения. Там много полезного нужного.

— Из твоих рук и яд не страшно принять. Спасибо. Дай минуту посижу, потом пойдем в пункт управления.

Только тут, заметив, что остался голым, как, впрочем, и полагается пациентам регенератора, смущенно попросил:

— Ты не могла бы отвернуться.

— Да, извинение. Твоя одежда вон там.

Одеваясь, Влад усмехнулся:

— Как сильны в человеке условности. В вашем обществе тоже стыдились наготы?

— Сложное отношение. Не принято демонстрация. В некоторых религиозных течениях или общинах до полного запрета показывать даже что-то и смотреть. В других больше можно. В искусстве можно все.

— Как было и у нас. Странно, что общество у вас такое развитое, а все еще оставались религиозные течения.

— Нет странного. Бог есть — это доказано научно математика.

— Математика доказала наличие Бога?!

— Да. Так. То есть не только математика. Научные дисциплины разные.

— Раз существование Бога доказано у вас, наверное, все в него верили?

— Кроме отрицателей, но они есть являться глупыми человеками.

— А ты веришь?

— Конечно, разумеется.

— Никогда бы не подумал, что ты верующая...

— Если Бога нет, то почему я тогда живая существую?

— Повезло.

— Разве это можно называть везение?

— Извини. Я понимаю, что ты многое и многих потеряла.

— Не так много. Всего одно. Мир свой. А ты потерял свой. Разные миры потеряли, но здесь вместе вдвоем. Не может быть такое совпадение. Ты стать контролером. Контролер выбирается долгими тестами, мало человек могут принять такую система. Даже после тестов риск гибель разума или тела велик очень. Ты без тестов, просто — это фантастически. Я выжить в капсуле, хотя много было против, и очень мало людей уметь ей управлять руками — это совпадение тоже невероятно. Мы встретиться здесь, в месте, где много целого полезного нам, — это невероятно. Ты упал приступ, но я закончить регенерация и быстро сделать запуск точек огня, потому что знала, как это делать, благодаря отцу, — это невероятно. И другое многое. Это Бог. Зачем? Не знаю. Так надо ему. Нам нельзя понять его замысел. Мы простые люди.

— Я не вижу в этих совпадениях ничего странного.

— Ты веришь в совпадения?

— А как же в них не верить?

— Тогда что мешает тебе сделать следующий шаг, чуть дальше этой твоей веры?

— Жаль, Либерий спит, он проповеди любит.

— Это не проповедь никакая. Это логика.

— Тебя послушать, так твоя логика все объясняет... Кстати, ты вышла из регенератора, а Либерий нет. А ведь у тебя была серьезная травма головы, и ты легла позже луддита.

— Не так серьезно, как раны у него. Наверное, получается так. У него запущены травмы, мой организм порядок, все хорошо.

— Пошли, надо глянуть, как там твои точки огня.

* * *

На первый взгляд в центре управления ничего не изменилось, но Тейя, приложив ладонь к столу, тут же начала восторженно тараторить, из-за спешки путаясь в словах плохо усвоенного языка:

— Один перехватчик есть уничтожен, сгореть сам, почему-то сильно влететь в атмосферу, как нельзя делать. Удар. Бамм. Все — нет его совсем, сгореть. Второй, который делал атака гравископа, больше ее не делает. Просто летает хлам мертвый, вокруг него обломки. Все ему тоже — конец существования. Два сменили орбиты, делают маневры сближения. Точки огня обстрел их. Накрытие. Близкие угрозы. Ждать надо, их скоро вот-вот уничтожение. Перехватчик не может отвечать так далеко. Они меняют курсы, но это плохо помогает, когда будет совсем близко. Есть! Попадание есть! Видишь?!

Влад поздно догадался переключиться на пострадавший перехватчик и на увеличенной картинке увидел, как от черточки среди звезд отлетают крошечные искорки обломков.

— Чем это в него попали?

— Я не знать. Наверное, кинетика. Ракеты точки огня беречь, чтобы серьезнее цели, для лучей далеко. Точно кинетика. Остался одиночка перехватчик один. Идет в атаку. Сейчас ему будет

конец существования. Сосредоточенный огонь. Нельзя вернуться нигде. Задели вон. Еще задели. Бамм! Все ему! Видел?!

— Ага. Увеличение плохое, не разглядишь детали.

— Да. Слишком далеко. Низко они. Но хорошо попали. Наверное, носа совсем не осталось. Видишь деформация корпуса, и он идет, вращаясь. Нет управления совсем.

— Вижу.

— Все. Мы хорошо успели, конец боя смотреть смогли. Ой!

— Что?!

— Двигатель у него заработал, но неправильно. Он ломает курс свой. Влад, он делает торможение и назад к планете. Все, теперь гравитация ему не даст уйти с такой курс. Сейчас начнет падать совсем. Давай смотреть?!

— Да мы и так смотрим.

— Нет, давай выйдем и посмотрим в небо туда. Увидим, как он падает. Как звезда падает, будет. Красиво. Наверное.

Тейя в этот момент походила на ребенка, выпрашивающего конфетку, и отказать Влад не смог. Да и не хотел. Тоже не прочь был выйти.

* * *

На поверхности сумерки переходили в ночь. Небо было, как на заказ, ясным, высыпали первые звезды, низко висела неполная Луна. Морозец стоял приличный, но без ветра он почти не ощущался. Хорошая погодка для прогулки.

Тейя, уставившись на Влада, неторопливо пояснила:

— Немного рано, но скоро. Где-то там мы его увидим. Ярко должно получиться.

На шум с тихим жужжанием прилетел Эхнатон, показать, что у него все под контролем. Утробным басом доложил:

— Продолжаю патрулирование периметра. Посторонних не обнаружено. Пребываю в боевой готовности.

— О! Он разговаривает!

— Да, причем получше, чем ты.

— Ну, извини, я когда тороплюсь сказать, путаюсь сильно.

— Ничего. Это даже забавно получается. Да и понятно все.

Робот развернулся к девушке, изучил ее уцелевшим глазом, признал старую знакомую, вновь загудел:

— Гражданка Тейя Наррис, поздравляю с восстановлением функциональности.

— Спасибо. Вот! Влад! Смотри!

Над горизонтом, быстро разгораясь, прокатилась звездочка, окончив свой бег на пике яркости.

— Все? Это был он? — спросил Влад.

— Да.

— Похоже на метеор. Я думал, больше будет.

— Скорость мала, плотность мала. Рассыпался, сторел. Я тоже думала, что больше получится.

— Обнаружена угроза, — неожиданно прогудел робот.

— Твари? — не слишком беспокоясь, уточнил Влад.

— Никак нет. Воздушная цель. Высота четыреста пятьдесят единиц. Приближается с северо-запада. На запросы не отвечает.

— На что она похожа? Ты ее видишь?

— Возможности оптики ограничены. Аппарат уплощенной формы, круглый в плане.

— Беспилотник! Эхнатон, ты можешь его сбить?

— В данный момент невозможно. В зенитном комплексе не имеется ракет. Продолжаю ведение цели. При входе в зону поражения кинетических орудий открою огонь.

— Давай уж, постарайся.

— Влад, что происходит опять?

— Летающая штука запов. Беспилотник. Летит сюда. Верить, что просто так?

— Нет. Они замечать пуск носителя или сигнал твой, когда приступ.

— Да. Похоже на то.

Эхнатон, внезапно развернувшись, открыл огонь. Пушки застрекотали, будто пара гигантских швейных машинок в ателье для великанов. Шарики-снаряды уходили в небо бесследно — ни трассеров, ни дымка из стволов.

А затем в вышине вспыхнуло оранжевым, в разные стороны брызнуло искрами. Пушки замолчали, робот выжидающе замер, Влад с Тейей — тоже. Так простояли с полминуты, а затем со стороны города донеслась серия приглушенных специфических ударов, будто с большой высоты кто-то сбросил несколько тяжелых кастрюль.

— Неопознанная цель уничтожена. Пребываю в ожидании дальнейших указаний.

— Лети к хранилищу номер два, перезаряди кассеты к пушкам, затем продолжай патрулировать периметр.

— Приказ понял. Выполняю.

— Они нашли нас, — с горечью констатировала Тейя. — Что теперь будет?

— Не знаю. Им не так просто сюда добраться, большинству тварей плевать, что запы на стороне радикалов, у них давно все настройки полетели. Но, помимо запов, техника имеется. Роботы.

— Они станут атаковать нас?

— Да. Рано или поздно. Это, наверное, только разведчик был. Надеюсь, высотного бомбардировщика у них не найдется, а низколетящие цели Эхнатон легко сбивает.

— Они чем-то пытались взорвать гравископ. Мощные заряды большие. Такой даже базе опасный будет.

— Можно отправить тебя с Эхнатоном подальше, а я дождусь, когда вылетит Либерий, и потом мы к вам придем.

— Влад, этот план глупый. Мы будем вместе. Так правильно.

— Мне не хочется опять тащить тебя в регенератор. Одного раза достаточно.

— Хорошая база. Жалко, если уходить надо будет.

— Жалко... И я не представляю, куда мы пойдем.

— План. Влад, всегда надо иметь план. Так эффективно.

— Хорошо бы найти такую же базу и там вести себя потише, набирая силу.

— Здесь тоже силы много.

— Согласен, но есть проблема. Все хранилища завалены добром для космической войны, а у нас проблемы здесь, на поверхности. Мало что из складов можно использовать. Даже Эхнатона не починили, а лишь слегка подлатали. Нам нужна база с оружием для боя на планете.

— Да. Так.

— И люди нужны. Что мы здесь втроем навоюем, тем более с Либерием не все понятно. У меня есть два друга, по весне у нас назначена встреча в степи, но они местные, в том, что касается всего этого, — Влад указал на вход в лифтовый бокс, — они ничем не помогут. И еще проблема: без Космоса вы рискуете потерять меня. Только общаясь с ним, я избавлялся от приступов. Такой коннект мою голову устраивал. Теперь приступы возобновились.

— Не говори так. Мы придумаем что-то. Поставим тебе биометку. Ты станешь настоящим контролером. Без приступов. И мы поищем других людей. Я смотрела снимки, что передавал Космос тебе. Поверхность планеты нынешняя и по временам через век снимал он. Выбрала места, где мало следов ударов сильных. В одном из них, я точно знаю, было хорошее убежище. Там работали люди, знакомые мне. Они должны были остаться там. Если приказ был укрываться, там до сих пор может кто-то быть. Найдем их. Они помогут. Это не радикалы. Станция обслуживания объектов изучения дальнего космоса. Знающие специалисты очень.

— Те, кого ты там знала. Они... Они дороги тебе?

— Ты имеешь в виду моих родственников, друзей, мужа и другое?

— Ну да, в этом роде.

— Мои родители погибли. Дальний космос. Просто пропали. Там это бывает. Я потом воспитывалась у сестры отца. Город, где она жила, теперь дно моря стал. Первые же удары в начале войны, тектоника. Я еще не была тогда в капсуле. Там совсем нет выживших. Другие родственники не могут знать, что случилось с ними. Друзей в таком спорте не бывает — только соперники. Вайса Тарр, учила меня, дорогой человек мне, не знаю, что с ней. Молилась я, чтобы смерть ее была легкой. Мужа, жениха и прочего нет, в таком спорте некогда заниматься этим. Те люди, о которых я говорила тебе, знали моего отца. Друзья его. Они не забывали меня. Поэтому я их тоже знаю. Я ответила на твой вопрос?

— Почему ты так отвечаешь, будто обиделась?

— Мне показалось, что ты решил, что я принуждаю тебя совершить рискованные поиски ради тех, кто дорог только мне.

— Я бы так и сделал. Ничего в этом плохого не вижу.

— Влад, мы не просто так здесь вместе. Всегда есть какой-то смысл. Мы не можем думать о себе. Я не могу считать, что столько пережила, только чтобы увидеть аварийного контролера живого. И ты тоже прошел через время не чтобы помогать мне искать своих близких.

— Я тебя понял. Но нельзя же думать только о чувстве долга.

— Сейчас нельзя иначе делать. Радикалы обнаружили нашу базу. Мы под угрозой большой.

— Ну они пока не знают о нас ничего.

— Мы тоже не знаем их возможности. Давай пойдем вниз и посмотрим, что мы можем сделать, чтобы воевать с ними. Защитить себя. Потом будем думать, как найти себе других людей. Влад? Ты чего?!

— Тише, Тейя! Космос!

— Он работает?!

— Тише, говорю с ним.

— Хорошо, жду.

— Космос! Ты чего столько молчал?

— Трудности с выходом на связь. Находился под атакой.

— Мы думали, тебе конец.

— Меня не смогли уничтожить зарядами крупного калибра в начале войны, энергоячейки для этого подходят еще меньше.

— Энергоячейки?

— Да. На перехватчиках нет тяжелого вооружения. Радикалы подвесили в свободном объеме под обтекателями энергоячейки. Очевидно, замкнули защитные контуры, соединили элементы линейно и поставили под разгон, снимая ограничители перед применением. Перехватчики при атаке бросали в меня ячейки, будто кинетические снаряды. Они взрывались. Но взрывы не слишком сильные, только запачкали все. Радиоактивность внешних конструкций просто

ужасающая, у дрона, ремонтирующего антенны, сбои возникают. Благодарю за доставку огневых точек.

— Извини, мы тебя этим демаскировали.

— Они и так поняли, что я прячусь в одном из четырех объектов. Зато теперь мне не приходится тратить время на поиск неоднородностей. У нас прямая связь. Доложи обстановку.

— Тейя жива, без нее я бы не справился. Ее радикалы тоже пытались убить, отключив автоматику капсулы. На базе много добра, в том числе и для ремонта. Мы можем запустить к тебе ремонтников с любыми грузами.

— Это хорошо. Я предоставлю список требуемого.

— Есть и плохие новости. Радикалы знают, что мы здесь. Эхнатон сбил их беспилотник, проводивший разведку. В хранилищах нет вооружения для боев на поверхности планеты, только космическое, да и то упор сделан не на него, а на обслуживающее оборудование. Такова специализация базы.

— Знаю. Что с биометкой?

— Тейя не может ее поставить, но изучает проблему.

— Плохо.

— Был один приступ, но теперь, когда ты на связи, надеюсь, больше не повторится.

— Мы не знаем, как поведет себя система контролера дальше.

— Ну Тейя, может быть, разберется. А еще мы тут подумали и решили, что неплохо было бы поискать других выживших по убежищам. Одно она вроде бы знает. Говорит, что там не было серьезных ударов, а защищено оно очень хорошо.

— Разумно. Нам требуются ресурсы и персонал.

— Если покинем базу, направимся туда. Наверное.

— Покинете базу?

— Ну... если радикалы атакуют ее всерьез, оставаться здесь будет слишком опасно.

— Для атаки базы им понадобится серьезное вооружение. Пока что мы знаем лишь о наличии биологического персонала с примитивным оружием и энергоячейками, которые они сбрасывают в космосе с перехватчиков, а на земле с беспилотных малых аппаратов.

— Если есть перехватчики, может что-то в этом роде для планетных боев найдется. Не удивлюсь. И еще церковник рассказывал, что запя иногда применяют боевых роботов, вроде Эхнатона.

— Такой же модификации?

— Нет, проще, не такие опасные, но все равно не нравится мне это.

— Мне тоже. Возможно, у них имеется и более сильное оружие, которое они держат в резерве.

Влад, надо срочно доставить на орбиту ремонтное оборудование, дронов, материалы. Потребуется очень много. Если база будет потеряна, я опять окажусь с минимумом возможностей, а это снизит нашу боеготовность. И еще надо подготовить базу к защите и последующему уничтожению в случае прорыва защиты. Радикалы не должны получить доступ к ее хранилищам.

— Мы поднимем в космос все, что успеем. Развесим вокруг все огневые точки для охраны. Там они точно не захватят ничего. Надеюсь...

— Да. Приемлемый вариант.

— Насчет защиты базы вряд ли что получится. Тут только станция слежения за ближним космосом, и та не боевая, а для корректировки курса носителей. Мы тебя искали вручную.

— Плохо. Рекомендую использовать энергоячейки так, как это делает противник. При угрозе захвата взорвите все хранилища. Даже если не обрушатся, будут сильно загрязнены, а предметы хранения пострадают.

— Если объяснишь, как это сделать, сделаем.

— Объясню.

— Тут в одном хранилище страж соображающий, жалко его губить. Да и другие тоже могут пригодиться. Я думаю, если уходить, так прихватить всех местных дронов. Как переберемся, они помогут нам обжиться, а искусственные интеллекты потребуются для управления.

— Ты сам должен решать, что нужно спасать, а что оставлять. Но твой выбор считаю правильным.

Глава 22

— Скучно.

— Я прекрасно тебя понимаю. Мне бы тоже было скучно, просиди я столько веков под землей. Но разве скука должна мешать борьбе с распространением плесени, которая в каждом углу цветет и пахнет. Не так уж сложно от нее избавиться.

— Скука препятствует любому процессу и форме деятельности. Плесень была и есть. Она часть скуки. Хочется нового.

— Ты можешь заняться защитой базы, планированием ухода из нее, я много занятий могу предложить таких, какими ты еще не занимался.

— Все это скука.

Влад уже устал от попыток сладить со стражем базы. Что с ним ни делали, тот продолжал оставаться флегматичным до идиотизма, совершая какие-либо движения, лишь когда без этого ну никак невозможно было обойтись. Даже «дроны-мозгоправы» из хранилища номер один развели в стороны свои манипуляторы в знак бессилия.

А жаль. Страж был самым сложным и развитым из имеющихся, он бы пригодился. По крайней мере, так считали Космос и Тейя. Но толку от него не было вообще. Он просто погрузился сам в себя. Слишком плохо на него подействовали прошедшие века. Отсутствие новой информации

и регламентного обслуживания, заикливание на мелкой рутине. Если так можно выразиться об искусственном создании: слишком стар стал.

— Жаль, — произнес Влад и направился к выходу из аппаратного помещения, в котором хранился блок физического носителя стража.

— Контролер.

— Да, — не останавливаясь, откликнулся Влад.

— Я получил информацию, что база подготавливается к уничтожению.

— Это на крайний случай.

— Что такое крайний случай?

— Если базе будет угрожать захват, мы ее уничтожим.

— Принято.

Странно. Ответил, как полагается. Чего это его так заинтересовал взрыв базы?

Со взрывом, кстати, тоже интересно получается. Для подготовки к нему использовали те же энергоячейки, которые применяли радикалы при бомбежке Космоса. Впрочем — оборудование стандартное, повсюду одинаковое. Легким движением руки оно превращалось в тактический ядерный заряд. Ну, не совсем легким — минут сорок работы простейшими инструментами.

Влад был в шоке, когда узнал, что такие ячейки в прошлом можно было раздобыть совершенно свободно. Ими оснащались бытовые дроны, личные средства передвижения, домовые энергетические центры. Единственное, что требовалось от пользователей, — сдавать использованные на переработку. Неудивительно, что случилась катастрофа. Мир, в котором любой псих мог без труда обзавестись атомной бомбой, обречен.

Оставив в покое стража базы отключенным от сети управления, во избежание проблем, вызванных его непредсказуемостью, Влад направился проведать Тейю. Она с утра до вечера занималась запуском носителей, стараясь вывезти в космос как можно больше здешнего имущества. Ей дай волю, и взрывать ничего не потребуется.

— Влад?

— Что?

— Я тут подумала немного о разнообразном и всяком. Луну бомбили не так сильно, как Землю. Там могли уцелеть базы.

— Предлагаешь перебираться туда? — опешил Влад.

— Думаю, нет. Но там есть топливные станции. Если их запустить в работу, можно заправлять носители там. И тогда их можно будет опускать к нам и потом отправлять с дополнительной загрузкой. Больше вывозить за один рейс. Без этого мы их использовать можем только раз. Нет запаса топлива тут. Нельзя возвращать.

— Неизвестно, есть ли там эти станции. И неизвестно, есть ли возможность их запустить. Да и времени, я так думаю, это займет о-го-го. Нам столько вряд ли дадут.

— О! Регенератор! Сообщение. Либерий, готов. Сейчас его выпустят. Надо быстро туда и принеси ему одежду.

Луддит был белым как сметана, но в остальном на вид нормальный. Пока носилки выезжали из чрева регенератора, он пристально изучал свою руку, без малейших следов увечья.

— С возвращением, — ухмыльнулся Влад. — Теперь твоё тело грешно, раз в машине побывало.

Поймав сверток с одеждой, Либерий тоже ухмыльнулся:

— Я и без этого уже не единожды навеки проклят. К тому же и до встречи с тобой мое тело было знакомо с грехом. Только грехи были другими. А рука совсем целая, как и бок тоже. Даже шрамов нет. Причем нет и старых, давних. Кожа, будто у младенца.

— А как самочувствие?

— Готов бегом выскочить наверх и передуть всех тварей в округе голыми руками. Но неплохо бы перед этим сожрать целиком бизона, можно даже сырого. А что за непотребство ты мне притащил?

— Удобно и тепло, лучше, чем твои засаленные обноски.

— Мне мои обноски куда милей.

— Без проблем, их не выкинули. Хочешь, таскай, только стирка им не помешает.

— Разберусь.

— Мне можно зайти, — не утерпела Тейя.

— Заходи.

— О! Эта древняя заговорила, как люди. Хотя слова как-то чудно произносит.

— Это акцент, он пройдет. И меня зовут Тейя, а не древняя.

— Что ты, что Влад одинаковые: очень уж трепетно к именам своим относитесь. И сколько я здесь провалялся?

— Недели две, — ответил Влад. — Я, если честно, счет дням потерял.

— От счастья небось. Зато время не теряли, милуюсь тут, пока я страдал от ран.

Тейя покраснела, ответила возмущенно:

— В регенераторе никто никак не страдает. Там спят. И у нас не имелось времени на глупости.

— И чем же вы тогда занимались? Что тут без меня происходило?

— Мы починили Эхнатона. На Космоса напали радикалы, но мы его спасли, запустили к нему носитель с оружием. Прилетал беспилотник радикалов, Эхнатон его сбил. Теперь мы боимся, что они приведут сюда армию, и готовимся уходить вдаль.

— Драпать, значит, собираетесь? Да один ваш Эхнатон всю их ораву разгонит.

- Уверен? — удивился Влад. — Ты же говорил, что у них тоже есть роботы.
- До него им далеко.
- А взрывы помнишь? Как в том охотничьем лагере.
- Ну это да.
- Они смогли запустить в космос четыре малых корабля. Мы понятия не имели, что радикалы на такое способны. Кто знает, что у них еще припрятано на крайний случай? Вдруг есть оружие, против которого Эхнатон и секунды не продержится?
- Можно только гадать. Мы о них ничего не знаем, и что они делают, о чем думают, тоже без понятия. Древние же — у них все не так.
- Кстати, Тейя, ты что-нибудь слышала о сборище типов, называющих себя «Сто двадцать пять последних судей»?
- Конечно. Мне даже предлагали они к себе вступить.
- Вот как? До чего же тесен мир.
- Ну мне куда только не предлагали вступить. Я же с очень высокой ри, еще в таком возрасте. Это редкость большая. Всем такая интересна. Знаменитость Ти. Все меня знают.
- Но вижу, звездную болезнь ты не подцепила.
- Зачем цеплять болезнь?!
- Это выражение такое. А что такое ри?
- Ты не знаешь?!
- Откуда? Я же совсем древний. Динозавра видел живого, и даже шашлык из него ел.
- Может трилобита [7] тоже видел?
- Ага. Варил их неоднократно. Неплохо под пиво идут.
- Смешной.
- Так что там насчет ри?
- Ну, ри... Как сказать. Вот тебе нужна вещь, в которую вложено много ресурса. Что в твоём мире делают, чтобы вещь такую получить?
- Идут в магазин, платят деньги, забирают.
- Деньги?
- Универсальный меновой эквивалент. Каждый товар стоит определенное количество денег.
- А. Поняла. Древнее примитивное общество. Обмен прямой материальный. У нас не так. У нас есть ри.

— Ваши деньги называются ри?

— Это не деньги. Это то, чего ты достиг сам. У ри нет единиц, как деньги. Сделал ты изобретение, которое всем помогает. Про тебя говорят, что ты пользу совершил, молодец, хороший. И ри твоя повышается. Не делаешь ничего плохого, образ жизни твой достоин примера. Ри твое повышается. Знания получаешь трудным путем, что на пользу идет мышлению, и пользы от тебя, конечно, тоже больше, ри выше становится. Сделал себе из ресурсов не очень многих дом скромный, но красивый, вкус видно, сад посадил тоже красивый, ри повышается. Захотел еще один дом, а тебе скажут: зачем человеку два дома? Ри понижается. Построил дом огромный, свет людям закрывающий солнечный, некрасивый, ри делается ниже. Вредишь своему здоровью плохим образом жизни — и ри это тоже вредит. Если ри совсем незначительная, придешь, скажешь, дайте мне вон ту мебель, которую мастер великий вручную делал, а тебе скажут: пластик бери покрытый, с таким ри недостойн ты другого. Вот что такое ри. Ну, я так, просто стараюсь объяснить.

— Шутишь? — удивился Либерий.

— Зачем. Так было у нас.

— То есть денег вообще не нужно, а только что-то вроде уважения со стороны окружающих?

— Ну да. Так. Почти. Трудно просто объяснить, но общее да.

— А если ты живешь нелюдимо, и никто не знает, что ты хороший человек и все хорошо делаешь, откуда тогда ри возьмется?

— Так не бывает. Все открыто живут. Нет тайн. Принято показывать все, что делаешь. Иначе отрицателем будешь, у них ри нет, смешные и странные. Но Гармония даже об отрицателях заботится. Пусть чудачки странные, но надо обо всех думать.

— А эти «Сто двадцать пять последних судей» с высоким ри были?

— Откуда? Что ты! Пусть выкопанные они в земле ладно, но они ненатуральные все были сразу. У ненатуральных ри высокий не бывает.

— Это как так ненатуральные?

— Мозг усиливают всем, чем можно и не рекомендуется. Тело изменяют сильно и часто. Нет вкуса, нет уважение себе.

— Это как?

— Ну я говорила про чистый мозг? Помнишь?

— Да.

— Вот у них он не чистый. У них закон такой в общине, что надо в мозг обязательно добавлять много всего, тогда он сильный. Глупо ведь, потому что чистый мозг работает в чем-то медленнее, зато сильнее неизмеримо становится и больше возможность. Тренировка эффективнее, чем имплантатами разгон. Они не принимать и не понимать такой путь. А высокий ри получить легче гораздо, если мозг чистый. Возможность такого мозга помогает. Еще тела они тоже сильно меняют. Женщина хочет быть стройной, а у нее жир на ногах некрасиво. Она не в спорт идет, а изменяет тело в медцентре. Это быстро и легко. День один, и

ноги стройно ровные без жира. Но такое все замечать, и ри меньше становится. У «Сто двадцать пять последних судей» все меняли свои тела значительно. Высокие, сильные, нет изъяна. Но это ненатуральность. У нас ненатуральность красотой не бывает. Ее все видят, как ни прячь. Отворачиваются. Некрасиво, глупо. Нет уважения. Ри меньше сильно.

вернуться

7

Трилобиты — морские членистоногие, последние вымерли около 230 млн. лет назад (задолго до эпохи динозавров).

— Чудное у вас общество... А почему «Сто двадцать пять последних судей» вдруг решили всех убить?

— Не так это. Не совсем так. Долго объяснять.

— Да выкладывай уж, худышка, интересно ведь, — не выдержал Либерий.

— Я не худышка! Не говори так!

— А ты не спорь, рассказывай давай.

— Ну сами просили, вот слушайте. Ты, Влад, из древних времен сюда попал. И они тоже.

— Хочешь сказать, что они мои земляки? То есть единовременники?

Влад неожиданно для себя расхохотался, представив, как в мир будущего попадает группа потасканных гламурных куриц при соответствующих кавалерах, и вдруг они узнают, что можно из старухи, замаскированной толстым слоем грима, сделать школьницу-нимфетку, а из коротышки-толстяка, у которого лишь бумажник и язык не обделены размерами, двухметрового красавца. Да еще и в мозг можно напихать устройств, с которыми можно блеснуть эрудицией при разгадывании кроссворда. «Пресноводное ракообразное, три буквы. Вторая „а“, третья „к“. Как, вы не знаете? В наше время лучше учили, куда же катится этот мир».

Да они до конца дней своих поселятся в косметических клиниках и центрах имплантации.

— Влад? Зачем смеешься?

— Да так. Подумал кое о каких своих единовременниках.

— Ну нет, судьбы не из твоих. У них были биометки. Но могу ошибаться. Там случилась большая война. Прилетать флот другой расы, их называли разными терминами: стальная саранча, железная саранча, инсекто, инсы, анаксы. Разное. Там всякие виды были. Мы не знаем, откуда они прилетели и зачем напали так. У них даже биология другая, им Земля не подходит жить. Война с ними была очень трудная, чересчур значительные жертвы. Почти такая катастрофа, как с нами произошла. Тогда победили, но цена высокая получилась. Некоторые решили, что человеку не выжить теперь. У них образовалась община, сперва там насчиталось сто двадцать пять человек. И они решили переждать время, когда Земля сама очистится от яда саранчи. Для этого построили убежище глубоко, хроноизолировали, поставили устройство — разбудить через миллион лет. Они думали, что тогда не останется вообще людей, все вымрут, а планета

станет чистой. Но произошел обвал, часть судей погибла, остальных спасли наши люди. Была сенсация, когда их спасали. Их приняли, не делали разницы с обычными людьми. Но никто из них не смог набрать высокий ри. Не приспособившись к Гармонии, все, как было у себя, оставить старались. Они только разговаривали и жаловались, но ничего не делали. Ри не рос. Их это беспокоило, злило. И еще злило, что люди не стали вымирать, очистили Землю от яда и живут хорошо. И теперь им не стать основателями нового человечества, как хотелось. Не знаю, решили они тогда устроить войну или потом все получилось, но они начали делать радикалов постепенно. Собирали таких же, как сами, недовольные ри, системой управления Гармонии, чем-то еще. Был остров, где жили отрицатели. Они говорили, что существуют отдельно от Гармонии. Глупость, ведь ресурсы все брали от Гармонии. На том острове отрицатели и судьи создали Альянс Запада, объявили остров его столицей. Сказали, теперь мы точно отдельно от Гармонии. А все продолжали брать от нее. Люди другие посмеялись над чудачками забавными и забыли. Но те, у кого мало ри, и даже те, у кого не так мало, присоединялись продолжали. Хотели большего. Или собирали общины, где свои законы, и тоже говорили, что отдельно от Гармонии живут. Движение такое возникло из-за судей. У отрицателей таких масштабов не было никогда. Но все равно одни слова получались, над ними смеялись продолжали. Потом они начали общее требование выдвигать, что за изменение тел и мозга не должен падать ри. Это понравилось многим, кто любил производить изменения, но опять только слова остались. Не отменить такое словами. Люди привыкли, все знали, что изменить тело и мозг сверх необходимости — значит потерять часть ри. И еще знали, что измененные уступают неизменным значительно. Изменение есть показатель их слабость, неуверенность, трудность сложные решения находить, эффективные. Дальше, как я сейчас понимаю, много недовольных объединилось вокруг «Сто двадцать пять последних судей» и стали делать заговор, чтобы убрать Гармонию совсем.

— Прости, что перебиваю, Тейя, но что такое Гармония? — спросил Либерий.

— Система управления нашим обществом. Люди с очень высоким ри, синтетические создания высокой эволюции, служба, следящая, чтобы не нарушали закон, военная сила, охраняющая от внешнего, вдруг опять прилетит саранча, и ученый контингент, делающий расчеты больших задач для развития. Еще Красная сеть, она над военными и службой порядка, но ни во что не вмешивается, пока не приходит большая беда. Когда приходит беда, приходит Красная сеть, начинает руководить всем, и беды не становится. Потом сеть уходит, и опять все как было становится. Кризисная централизация, наверное, так назвать ее задача можно.

— Ясно. И что было дальше?

— Дальше я полетела на станцию Озн. Я каждый год туда летала, потом на другие станции некоторые. Традиция такая. Выступления перед военными и дальниками. Военные — уважение, дальники — память о родных. И людям нравится. Еще там на станциях меньше гравитация, можно делать то, что не сделаешь на планете. Новые элементы невероятно красивые. Когда я была там, на Земле произошла беда. Много страшных взрывов в одно время. Там, где служба порядка работала, Дом заседаний совета Гармонии, базы с эволюционированными созданиями-управленцами, Красная сеть, объекты ее разные. Много погибших, много хаос, потому что пострадала система, которая за всем смотрит. В городах не стало воды, не работали механизмы очистки, там, где не было местных энергоцентров, не стало энергии, снабжение продовольствием нарушено. Потом отряды радикалов выступили. Одни атаковали силы порядка и военных, другие искали тех, у кого высокий ри, убивали таких или собирали где-то в толпу и там держали в плохих условиях. Еще выступали перед людьми, говорили, что все станет по-другому. Но все только продолжало рушиться, ничего другого не появлялось. Сложная задача заменить Гармонию, они с ней не справлялись. Только страх вызывать, запугиванием все желать решить. Они взорвали еще два города, сказали, и дальше

будут взрывать, если не будет подчинения полного. Третий город им не дала взорвать Красная сеть, бои там начались сильные. Но я уже не видела. В капсуле летала. Меня убрали со станции быстро. На Озн сильный взрыв случился, жертвы, разрушено много было, загрязнение. Не знаю, кто его устроил. Много станций так пострадали. Всех, кто не персонал, сразу убрали с них. Здесь уже сейчас немного узнала из архива. Мало информации, но все почти понятно. «Сто двадцать пять последних судей» хитрость сделали, все самое важное в заговоре держалось на них. Когда уже было уничтожено почти все человечество, они отдали созданиям искусственным приказ убить всех, кто остался. А сами опять скрылись в убежище. Так хитро, что никто это не понял. А теперь выбрались и увидели, что люди все равно живут. И они опять пытаются всех убить. Судьи не будут умирать сами, они хотят жить. Но жить одни. Им нужна планета без нас.

— У тебя высокий ри, а они таких убивали. Зачем же к себе звали? — спросил Либерий.

— Тогда еще не было войны. Они заманивали людей к себе. Если говорить другим, что даже Тейя Харрис с ними, то людей бы пришло больше. Мой ри не такой значительный, чтобы управлять Гармонией, но возраст тоже мал. Дальше ри мог стать высоким очень. Это все понимали.

— Я тоже понял, — к удивлению Влада, заявил Либерий. Вот уж кого трудно подозревать в знакомстве с особенностями технологического общества. — Ты им, как вывеска яркая на трактире, нужна была. Ну, спасибо за историю, иерархам она точно понравится. Я даже забыл, что голоден, как стая сволков, но теперь вот вспомнил. Никто не желает подкрепиться со мной?

* * *

В этом обновленном мире не было ри и сопутствующей системы несправедливых ценностей, навязанной беспечными снобами, что радовало. Но не радовало то, что мир обновился недостаточно. Человек кое в чем не уступает таракану: как его ни трави, все равно выживет. Вот и здесь он продемонстрировал это в разных формах. Действующая цивилизация одичала, опустившись до вопиющего примитивизма, и лишь остатки оружия прошлых веков и медицинские технологии оттуда же не давали ее прихлопнуть одним небрежным ударом. И хитрецы из эпохи войны, скрывавшиеся в подземных убежищах, тоже иногда появлялись. К счастью, дикари были столь любезны, что убивали их с превеликим удовольствием, как исполняя приказы последних судей, а еще по собственному разумению серьезных проблем древние пока что не создавали.

Мир все еще оставался грязным, хотя имелась на нем приличная территории, где можно развиваться не один век, не опасаясь перенаселенности с ее тесными городами и трущобами, переполненными неудачниками без ри, чья жизнь — это слабоалкогольная химия перед экраном, на котором круглые сутки показывают тупость, придуманную снобами. Здесь можно жить и жить, регулярно изменяя свои тела радикально, как положено вождям радикалов, и с помощью заменяемых блоков в биометке гасить в зародыше старческую мозговую усталость. Нескончаемое саморазвитие и свобода выбора — и никто этому не помешает.

Нет ничего прекраснее, чем стать основателем. Основателем нового мира. И населять его будут потомки твоих единомышленников. Надо бы и о своих подумать... Еще, для ускорения процесса, можно привлекать младенцев от местных. Пусть вырастают в нормальной среде, получая правильное воспитание. Тогда, может быть, из них что-то получится.

Но не следует забывать, что мир — огромная ценность. Найдется немало желающих урвать

себе, пусть даже не целиком весь мир, а кусочек. А вот судьям он нужен весь без остатка, ибо глупо строить новый дом во дворе, часть которого тебе не принадлежит.

Слишком все было спокойно с тех самых пор, когда грязные дикари со своим доисторическим оружием заставили судей отступить на запад. Слишком велики тогда оказались потери, будущие владыки мира были к ним не готовы. Позорная страница их истории.

Но ее давно перекрыли новые страницы, где победы следовали за победами. В последние годы давление на туземцев чуть ослабили, поскольку смысла в спешке не видели. Им так и так грозит гибель, лучше часть сил выделить на другое. В частности, на поиск и восстановление древних баз, промышленных центров, хранилищ. Иногда на этом пути попадались немисливо богатые по нынешним временам трофеи.

И сейчас, возможно, настало время им пригодиться. Кто-то или что-то выступил против судей в открытую, засветив космическую базу и объекты на поверхности планеты. Если с орбитальной целью покончить пока что не удалось, здесь, на Земле, возможностей для победы куда больше.

Ему оказали честь, доверив руководить походом. Это будет его первое задание в новой ипостаси. Давно не делал ничего настолько серьезного. Возможно, те, кто укоряет его в слишком частых изменениях, в чем-то правы. Изменения требуют времени, и выходит, что он не занимается ничем, кроме себя. А ведь кто-то должен делать общее дело.

Но как приятно снова и снова менять самое ценное — себя! Каждый день жизни наполнять сладкими сюрпризами и сказкой познания новой ипостаси. И более не существует негласного общественного запрета, который этому препятствует.

Все же чудо, что они смогли спасти самое ценное: медицинское оборудование. Некоторые роптали о потерянной оружии, но разве можно сравнить грубую дубину и то, чем можно совершенствовать себя беспредельно?

Сегодня его звали Лереида, и тело его было женским. Хоть пол он менял далеко не впервые, но свыкнуться с новшеством еще не успел. Вместо задуманной хищной грации он пока что мог похвастаться лишь постоянно проявляющейся сутулостью и неровной походкой человека, сражающегося с острым приступом диареи. Можно, конечно, отказаться от обуви со столь высоким каблуком, но он решил раз и навсегда заставить себя к ней привыкнуть. В прошлые разы ни разу больше трех дней не смог ее проносить, но на этот терпит уже пятый. Своего рода рекорд, но все равно недостаточно — надо терпеть дальше.

Скоро изящная обувь станет естественным продолжением ноги, и походка обретет долгожданную грациозность.

И еще надо перестать говорить о себе и думать, как о мужчине. Какой смысл изменяться, если мыслишь по-прежнему? Может, стоит усилить амнез-эффект еще на пару пунктов, чтобы не бороться с собой? Заодно и вестибулярки прибавить, вдруг это окажется той недостающей каплей, после которой он освоит обувь на радикально высоких каблуках? Но там уже и так все на максимуме, с давно сорванными ограничителями.

Проклятие! Почему разогнанным такая несправедливость?! Спортсмены, не обладая ничем, кроме простенькой биометки, демонстрировали чудеса физических достижений, а он, имея десятки сложнейших дополнений, не может освоить какие-то каблуки и перестать говорить о себе в мужском роде! Он ведь многократно совершеннее обычных! В нем столько всего, сколько им не снилось в самом прекрасном сне. Надо срочно развивать свою ученую школу, чтобы изобрели что-то помогающее ему справиться с досадными мелочами! Хотя для этого

нужны, как минимум, ученые, а где их взять?

— Госпожа Лереида, — осторожно обратился один из запов.

Как же зовут этого вонючего аборигена?.. Голова, занятая обдумыванием проблемы каблуков, с трудом выдала требуемую информацию:

— Чего тебе, Брюйст?

— Машины все на другом берегу, лодка ждет только вас.

Как быстро идет время в рассуждениях о себе. Одиннадцать боевых дронов, оказывается, успели переправиться, а он все еще ни на шаг не приблизился к решению проблемы обуви на высоком каблуке. Без нее образ Лереиды не обретет запланированную полноту. Это должна быть женщина-хищница, сгусток агрессивной сексуальности, привыкшая повелевать и нагло брать свое даже в тех областях, где главенство по традиции отводится мужчинам. Но разве имеют к ней отношение какие-то замшелые традиции? Все будет иначе — она станет сенсацией общины, а затем и мира. Женщина-вызов; женщина-успех; самка-победительница; та, у ног которой лежит сама Вселенная.

А что мы наблюдаем в данный момент? Высоченная дылда с выпученными от постоянных усилий по сохранению равновесия глазами. Губы, ярко-красные, выглядят уродливой раной на неравномерно бледном лице. Что-то он опять напутал с пигментацией и реакцией на ультрафиолет. А эти отвратительные тени под глазами? Вид, будто у покойницы. Хроническая проблема, не может на этом сосредоточиться, планируя замысел, а в итоге не доходят руки.

Что толку от эффектной внешности и идеальной фигуры, если не получается это подать? Даже дикарь смотрит без капли вождения, будто видит перед собой не обворожительную соблазнительницу Лереиду, а мускулистого парня с квадратной челюстью — его прежнюю ипостась. С нею он расстался из-за проблемы с глазами: при столь мужественном облике взгляд его был суетливый, будто совершил что-то донельзя постыдное и попался на этом. А поправить это никак не получалось, вот и стер в припадке бешенства, порожденного отчаянием.

У этой ипостаси взгляд тоже не очень. Будто у жвачного животного. Таким попытаешься разбить мужское сердце, а тебе в ответ предложат охапку сена.

Менять! Менять! Менять полностью! Все по новой! Абсолютно все! И плевать, что на это скажут остальные. Мы для того и пришли в этот мир, чтобы здесь нам никто не мог указывать. Полная свобода во всем, что касается личных потребностей и всего, что с ними связано. Только этим мы и живем. Так что не смейте высчитывать, сколько изменений в год считается допустимым.

Тем более, он заслуживает награды. Не сейчас, конечно, а после того, как покончит с целью. База или иной объект, осуществляющий запуски в космос и прочую деятельность, право на которую имеется лишь у последних судей. Он ее уничтожит.

Судьям не нужны конкуренты в новом мире. Это их вселенная. Целиком. Они не поделятся ни с кем даже малой частью.

Глава 23

— Влад. Космос вызывает.

- А?.. Что?.. Извини, Космос, я спал.
- Прошу прощения за прерванный сон.
- Что случилось?
- Обнаружена подозрительная активность в эфире. Источник выявлен. С северо-запада к вам движется несколько массивных объектов, нагретых значительно выше фона. Предположительно — это отряд радикалов.
- Когда они будут здесь?!
- Послезавтра утром или днем.
- Сколько там человек?
- Моя аппаратура не позволяет рассмотреть человека даже после всех внесенных улучшений. Мы работаем над этим.
- Тогда что ты вообще там видишь?
- Предположительно — это механизмы. Точные размеры и характеристики выдать не могу, но не исключено, что некоторые из них размерами превышают Эхнатона и, соответственно, могут нести более серьезное вооружение.
- Плохо. Я на Эхнатона очень надеялся... Мы можем не успеть до утра заминировать все хранилища. К тому же я хотел вывезти с базы дронов и кучу разного добра. Не с пустыми же руками на новое место уходить.
- Сожалею, но попросить радикалов двигаться медленнее мы не можем.
- Можно попробовать их задержать.
- Пошлешь против них Эхнатона?
- Не так грубо. Я меньше всего на свете хочу его потерять. У них одиннадцать машин, у нас одна, силы неравные для честного боя. Будем партизанить.
- Термин непонятен.
- Нанесем удар исподтишка. А лучше не один. Необязательно даже наносить потери, главное, чтобы насторожились, постоянно ожидали нападения. Тогда двигаться станут медленнее.
- Я понял тебя. Да, такой способ действий имеет потенциал эффективности. Задержать до подготовки базы к взрыву и окончания процесса вывоза ценного имущества. Взрыв уничтожит следы на площади значительной, выследить вас будет труднее.
- У них беспилотники, найдут нас, думаю. Надо не просто взорвать, а так, чтобы им при этом тоже досталось. В последний момент. Как правило, после такого возникают проблемы, значит, некоторое время им будет не до нас. К тому же мы одновременно задействуем два с лишним десятка энергоячеек, местность будет сильно загрязнена радиоактивными изотопами, может, они сразу начнут улепетывать, плюнув на все.
- Твой план страдает маловероятными допущениями.

- Ну каков есть. Оставлю Тейю заниматься минированием и эвакуацией, сам сейчас с Эхнатонам пойду им навстречу. Твоя задача наводить меня на них.
- Я ввел в строй ретранслятор. Надо навести на него Эхнатона и центр связи базы, тогда наши переговоры будет затруднительно перехватывать.
- Хорошо, сделаем, если научишь.
- Кто будет производить охрану процесса эвакуации базы без Эхнатона?
- У нас остались четыре ремонтных дрона. У них есть газовые резак. Оружие ближнего боя, но против тварей сгодится. Есть еще один пожарный дрон. Емкость со смесью для тушения мы слили, вместо этого там теперь горючая жидкость. Получилось что-то вроде огнемёта, метров на двадцать работает. Этого должно хватить.
- При минимуме ресурсов вы сумели добиться эффективности.
- Жить захочешь, и не так крутиться будешь.
- Влад, я сумел дешифровать передачу противника.
- И о чем они там говорят?
- К сожалению, это я знать не могу. Но ясно одно: в отряде, который к вам приближается, имеются судьи.
- Сколько?
- Примерно одна единица.
- Серьезно за нас взялись, если самолично выбрались из логова, не доверяя запам.
- Возможно, запам тоже имеются. Судей не должно быть много, они вряд ли будут рисковать значительными силами.
- Хорошо бы хоть одного.
- Да. Это бы нанесло им болезненный удар.
- Они вообще хорошие вояки? Опасные?
- Я не понимаю твой вопрос.
- Каковы они были на войне? Как воевали? Я знаю лишь о том, что банда церковников их расчихвостила так, что они до сих пор прячутся в западных пустошах.
- Судьи не служили в вооруженных силах. Нигде не отмечено, чтобы кто-то из них проявил себя гениальным тактиком или стратегом. Но на начальной стадии войны разработанный ими план стал причиной гибели большого количества граждан. Так же было разрушено или повреждено много важных объектов. Но этот план не следует считать военной операцией, хотя нельзя отказать ему в эффективности.
- В чем эффективность?

— Радикалы использовали большое количество энергоячеек, подготовив их к взрыву непосредственно в дронах. Дроны есть везде: уборщики, ремонтники, доставщики, развлекательные. По приказу судей в нужное время дроны подорвались. Операция была массовая, и в большинстве случаев цели были поражены. Лишь часть уцелела в случаях, когда ячейку некачественно подготовили или дрон по случайности находился далеко от цели. Гармония никогда не сталкивалась с подобной угрозой. Мы оказались не готовы. Отсюда катастрофа в самом начале войны. Возникло предположение, что в их времени подобные действия являлись распространенной практикой, и они воспользовались старыми наработками.

— Вы приняли в своем времени непонятно кого, все им дали, а они взамен начали проявлять недовольство и мутить воду. Затем дошло до того, что подготовили серию из нескольких тысяч ядерных взрывов, тем более что это не составляло труда, поскольку потенциальные атомные бомбы у вас на каждом шагу валялись и доступ к ним имели все желающие. Знаешь, я даже удивлен, что ваша Гармония не умерла в колыбели. В страшных муках. На удивление уязвимо образование, если банда пассионариев из прошлого с такой легкостью превратила его в пепел.

— Возможно, ты прав. У нас не было механизма, способного целенаправленно противостоять подобным угрозам. Мы долгий период не понимали, что происходит, а потом стало поздно. Люди нашего общества значительно отличались от судей. Мы не смогли понять их мотивации. Не могли ожидать, чем все может обернуться. Надо было воспринять их как врагов, но люди давно уже не воевали друг с другом. Мы забыли, как это происходит. Наверное, опрометчиво уничтожали знания о прошлом. Хотели забыть о плохом, но оно само к нам явилось из этого прошлого.

— Зато я кое-что понял. Они не солдаты. Это просто террористы.

— Террористы?

— Да. Вижу, термин тебе неясен. Потом объясню. Для нас главное, что воевать с такими, наверное, проще.

— Наверное?

— Ну... террористы бывают разные. Если они городские пижоны, способные только на то, чтобы заложить бомбу в кафе, — то это одно. А если мятежники, живущие в горных лесах, время от времени спускаясь, чтобы атаковать серьезные отряды правительственных войск, то совсем другое. Первым воевать на здешних пустошах будет ой как несладко, и тут даже я со своим мизерным опытом могу оказаться посильнее.

— Вторые опаснее?

— А ты как думаешь?

* * *

Два дрона волокли по коридору регенерационную установку. Осторожно с ними разойдясь, Влад переступил порог медцентра. Посреди комнаты, опустошенной эвакуационной суматохой, стояла Тейя, с озадаченным видом осматривая второй регенератор. Либерий, присев на кушетке, с хрустом разгрызал разноцветные пилюли. Видимо, хотел впрок запастись витаминами, или что там ему девушка выдала.

— Влад, может, нам не есть брать второй регенератор? Большой габариты предмет, надо усилий много двигать.

- Забыла, что не так давно у нас оба регенератора были заняты? Я думаю, лучше оставить что-то другое, но его захватить обязательно.
- Хорошо, Влад. Тогда мы можно оставим здесь силовую штуку для орудия метеоритного?
- Блин... Мы же с тобой посмотрели архивы. Недостающие детали со временем сможем сделать сами, и у нас тогда будет пушка, которая сможет стрелять на сотни километров.
- Но она для космоса только. Я не знаю, как преодоление трудностей добьемся. Надо как-то ею управлять, целиться на цель, предотвратить влияние атмосферы. И деталей нет. Трудно такую делать, я даже не понимаю еще как.
- Я бы пушку ни за что не бросил, — буркнул Либерий.
- Вы ничего не хотите бросать, но мы никак не мочь унести отсюда совсем все!
- Тейя, не горячись, — начал ее успокаивать Влад. — Можешь бросить эту силовую обмотку для пушки, или как ее там. И остальное, на свое усмотрение. Но все, что касается медицины, вывозить надо полностью.
- Хорошо, Влад, я стараться. Ты сможешь в хранилище мне?
- Нет.
- Но почему?
- У нас новые проблемы. Космос засек переговоры, посмотрел в точку, откуда они шли, и заметил там отряд при одиннадцати машинах. Они направляются сюда, к нам, будут утром или в первой половине дня.
- Плохо. Они быстро появляться, мы не успеваем все.
- Я с Эхнатом постараюсь их задержать.
- Ты что?! Одиннадцать машин, Эхнатон один только!
- Да я не полезу на них в лоб. Буду вредить исподтишка.
- Как так?
- Да возьму штук пять энергоячеек и стану подрывать на их пути. Если даже никого не угроблю, что вряд ли, двигаться они станут осторожнее и, значит, медленнее.
- А. Так. Ну так можно. Я с тобой, помогать.
- Нет, нет, нет! Один раз ты уже ходила наверх, с тех пор у меня появились седые волосы! К тому же если ни меня, ни тебя здесь не будет, то кто займется эвакуацией? Либерий не может обращаться с техникой, у него в голове нет биометки или системы контролера.
- Хоть чем-то я пока что от вас, тварей, отличаюсь. Спасибо Господу, не окончательно опоганился. Влад, я с тобой. От меня тут все равно толку ноль, а повоевать я смогу.
- Хорошо. Тейя, я на поверхности поставлю ремонтников и дрона с огнеметом, но сенсоры у них уступают даже остаткам системы Эхнатона, твари могут шнырять возле входа незаметно.

Так что ты вообще наружу ни ногой. Поняла?

— Да. Так.

— И связь давай настроим через ретранслятор. Тогда ты в любой момент сможешь со мной поговорить, и радикалам это перехватить будет непросто.

* * *

— Это твое ружье.

Либерий с сомнением покрутил неказистого вида самоделку и заметил:

— Совсем не похоже на то оружие, которое мы захватили у тебя после боя в пещере. Оно легче было и красивее, что ли...

— Ну, что сумел, то и сотворил, не придирайся. Показываю, как работает. Вот так открывается затвор, вот сюда вставляется патрон. Можно не до упора, потому что затвор потом надо закрыть, и он до конца задвинет патрон. Видишь? Все, теперь ружье заряжено. Отводишь назад эту штучку, называется она курок, и прижимаешь вот так к плечу. На стволе, в самом начале, видишь, планка с прорезью? В середину прорези надо поймать мушку на конце — это примерная линия, по которой полетит пуля или картечь. То есть ловишь цель, чтобы она была на линии мушка — прорезь, и нажимаешь вот на это. При выстреле ощутишь толчок назад, не пугайся — это отдача. И еще: экстрактор я не придумал, если гильзу раздует, выковыривай ее, поддевая за шляпку ножом. Для этого в казеннике врезка оставлена, в нее кончик вставляй и тащи. Предохранителя нет, так что заряженное ружье носи осторожно.

— Что такое картечь и пуля?

— Пуля — это когда в патроне один поражающий элемент. Тяжелый, летит далеко, при попадании страшная рана. Картечь — несколько поражающих элементов малого размера. Летит не так далеко, на дальней дистанции поражение похуже, чем от пули, на средней можно сразу кучу целей поразить, если по толпе бить. На ближней дистанции она божественна — противник получает сразу несколько ран. И попасть картечью гораздо проще, но мы с Тейей наткнулись на тварей, которые на нее плевать хотели. У пули пробиваемость гораздо выше, только ими и спасались.

— Понял. Попробовать можно?

— Держи.

Либерий достаточно уверенно повторил порядок действий, затем выстрелил, подняв фонтанчик мокрого снега и грязи.

— И правда, в плечо толкнуло, но не сильно.

— Теперь показываю пистолет и бомбу.

Закончив с ликбезом по военному делу, Влад указал на Эхнатона:

— Ремонтники сверху на корпусе установили пару сидений, переделав кресла из медцентра. Теперь можно будет передвигаться быстро. Но при этом лучше развернуть их, чтобы располагаться спиной к движению.

— Зачем?

— Холодно, встречный ветер быстро заморозит. От спинки сиденья хоть какая-то защита. Хотел кабину сконструировать, но не успел.

— Ничего, одежда местная хороша, хоть и от нечистого духа.

— Никакой это не дух — просто склад старый.

— Иерархам, Влад, гораздо виднее.

— Ты, кстати, можешь хоть прямо сейчас валить к своим иерархам, если что-то не нравится.

— И пропустить столько интересного? Да ты, должно быть, шутишь?

— Смотрю я на тебя и ничего не понимаю...

— Иногда я сам себя не понимаю... Ну так мы полетим, или ты решил разговоры вести о божественном и роли церкви в нем?

— Поехали.

* * *

Создание из кошмарного сна хладнокровно выждало, когда под стеной, на которой оно укрывалось, проедет машина передового дозора, после чего без звука спикировало вниз, ухватило зейпа, скрючившегося на холодной броне в калачик, и в несколько прыжков скрылось среди руин.

Зейп только после этого начал орать, причем вряд ли от страха — безо всякого сомнения, аборигена там пожирала заживо. Его тупые товарищи тоже завопили, хватаясь за свои дурацкие копья и луки. Опоздали шуметь, раньше надо было тревогу поднимать. Живут в грязи, а легкого холода и едва заметной сырости боятся. Скорчились на броне, дальше носа своего не смотря, вот и прозевали тварь пустоши.

Лереида зябнет даже в кабине транспортного дрона, своего личного средства передвижения, куда не допускаются вонючки в тухлых шкурах. Неужели они верят, что отвратительно-кислый смрад пугает чудовищ? Видят же сами, что ничего здешние образины не боятся.

Вот идиоты! Сыплются с брони, бегут к руинам, размахивая своим смехотворным оружием. Ругаясь сквозь сжатые губы, откинул дверцу кабины, ступил на броню, одновременно отдавая команду машинам остановиться.

И людям, если так можно называть этих вонючек, тоже закричал:

— Стоять все! Вернуться на места!

— Но госпожа, тварь схватила...

— И что? Он уже мертв, не стоит терять время ради одной твари. Тут их еще предостаточно, будете смотреть внимательно, сумеете немало перебить. Вам что было приказано? При виде тварей поднимать тревогу. Вы — глаза и уши этих машин, только покажите им, где опасность, и ее не станет. Смотрите!

Одна из машин, подчиняясь неслышному приказу, развернула турель в сторону руин, где как раз оборвался последний крик пожираемого неудачника. С направляющих сорвалась ракета, влетела в пролом, разорвалась за стеной, выплеснув языки огня через пустые оконные проемы и многочисленные бреши.

Лереида собрался переждать грохот взрыва, чтобы затем еще больше унижить зейпов сочными описаниями их безмозглости и беспомощности, но не успел. Мало того, что грохнуло, так еще и взрывной волной приложило — все же не стоило устраивать такой фейерверк в опасной близости. Стена, простоявшая века, не выдержала надругательства, начала заваливаться напрямик на остановившихся идиотов. Часть из них, в силу врожденного тупоумия, стояла, глядя на это с разинутыми ртами, те, в чьих головах чудом оказалась хотя бы капля мозгов, припустились наутек.

Стена рухнула эффектно, с грохотом, затмившим взрыв, под аккомпанемент криков обреченных зейпов. Удар был столь силен, что земля дрогнула, а вместе с ней и техника. Изящные полусапожки на высоченном каблуке — не та обувь, в которой следует совершать прогулки по скользким моноструктурным листам композитной брони. Лереида не удержался на ногах, отчаянно размахивая руками в запоздалой попытке сохранить равновесие, рухнул вниз. Чудом избежал знакомства копчика с гусеничной полкой, инстинктивно оттолкнувшись от корпуса машины в полете. Из-за этого тело на финише приняло положение, близкое к горизонтальному, и он плашмя рухнул в грязную лужу, с хрустом проломив тонкий ледок.

Вот сейчас ему стало по-настоящему холодно. Ну что за денек на его голову...

А затем он увидел тварь. Ту же самую или уже другую, Лереида не знал. Размером с корову, поджарая, будто собака из тех пород, которые с длинными ногами, название их вылетело из головы. Шкура... Да вид такой, будто шкуру содрали, причем давненько. Голова, казалось, сплошь состояла из пасти и зубов — орудие убийства, где мозгу нет места, да и ни к чему он ей, на бегу в разные стороны отлетали тягучие брызги слюны, выпускаемой в аппетитных предчувствиях.

И это омерзительное создание, ожившее воплощение всей грязи отравленных пустошей, мчалось сейчас напрямик на него. Не вызвало сомнения, что жить ему остались жалкие мгновения. Сейчас подбежит, ухватит, как того дурака, утащит в развалины и там с наслаждением будет рвать сладкое мясо, хрустя костями и многочисленными имплантатами.

И почему оно выбрало именно его?! Мчится, игнорируя зейпов, до которых куда ближе. Или и правда вонючие шкуры вызывают у тварей безразличие?!

На этот раз настороженные зейпы не проспали. В мчащегося монстра полетели несколько копий, и двум из них удалось добраться до цели. Раны они нанесли несерьезные, но этого хватило, чтобы тварь потеряла равновесие, оступилась, перекатилась через спину с обиженным ревом. И потеряла свой главный козырь — скорость.

Кустарные приводы боевых систем работали медленно, и все же сразу две турели успели поймать монстра в прицел. Одна так и застыла, заблокированная интеллектуальным предохранителем — в зоне действия огнемета находились зейпы, вторая разразилась очередью малокалиберного кинетического орудия. Тварь, не успев разогнаться для завершения атакующего рывка, покатила по мерзлой земле, разбрызгивая кровь и куски плоти.

Лереида этого уже не видел. Он с прытью, которой даже твари могли бы позавидовать, карабкался по броне, думая лишь об одном: тут уж, разумеется, не до выверенного изящества

движений, но желательно не сломать каблуки.

И еще он внезапно вспомнил о давнем, давно позабытом под накипью закачанных данных, коими торопливо и жадно загружал голову, ни разу не подумав о таком понятии, как мера.

Он ведь когда-то, еще до того, как этот мир превратился в грязную свалку, приложил руку к созданию тварей, в том числе и этой, которая едва его не убила. У него тогда было другое тело и звали его иначе. Он обладал могучим голосом, завидным басом и любил покричать. И на тех задохликов-биологов тоже орал, заставляя добиться немедленного результата. Жалкие людишки, пытаюсь спастись, взяли моду укрываться в подземных сооружениях или просто руинах, и автоматизированные противопехотные комплексы не могли их там уничтожить с высокой эффективностью. Вот и требовал он от всезнаек создать вечно голодных кошек против этих трусливых крыс.

Биологи и создали — на его голову. Обидно, ведь когда-то он этими тварями умел управлять. А сегодня их одичавшие потомки нанесли потери его отряду и едва не совершили самое ужасное, что только возможно.

Шагу больше из кабины не сделает без устроенного по всем правилам охранного периметра.

Глава 24

— Знакомое место, — заметил Либерий, когда гонка, наконец, прекратилась.

— Ты здесь уже бывал? — удивился Влад. — Вроде рассказывал, что долго служил на западной границе, а про юг ни слова.

— Ну да, так и было. К тому же на юге наши воины не служат: серьезные стычки редки, обычно справляются силы самообороны. Но про это место у нас каждый слышал. Приметное оно и знаменитое. Вон, посмотри на гряде холмов. Пять башен древних стоят в ряд, их называют Пять Пальцев. С другой стороны городок должен быть, сильно разрушенный, отсюда не видать. Там искатели любят бродить, металла хорошего много попадается. Но не каждая ватага рискует сюда забираться. Хоть и не так уж далеко от Подонца, но самая крайняя граница — дальше уже никто не отваживается шагнуть. Озеро, что перед грядой, тоже приметное. Приглядишься — это будто цепочка озер, связанная протокой. Течение там есть, речка, по сути, получается, с запрудами из-за оползней. Плохое там что-то, земля от этого постоянно дрожит, ползет, воду перекрывает.

— И чем же это место так знаменито?

— Застава здесь раньше была самая южная. В первые годы ордена. Тогда иногда из отравленных земель еще выходили люди, вот она их встречала. Потом оползень сошел, ни заставы, ни воинов не осталось. Лишь патрули на север смогли вернуться.

— Либерий, это получается, что вы все от древних произошли, и даже помогли им поначалу. Так?

— Ну и что? Я разве отрицал? Мы ведь не сами по себе появились, они наши предки.

— И в чем смысл делать теперь из них врагов? Неправильно это как-то. Церковь ваша до власти дорвалась и никак остановиться не может.

— А ты считаешь, что в нашем мире все должно быть правильно?

— Хотелось бы, да разве получится...

— Я вот тоже так думаю. И даже больше: везде найдется какая-нибудь неправильность. Вон Тейя, жила в мире, где не было денег. И что? Пришли туда несколько хитрых древних, обманули всех, повытаскивали из машин эти ваши ячейки, подорвали все, что смогли, а затем испоганили то, что уцелело.

— Примерно так и было...

— В твоём небось тоже можно вспомнить немало таких глупостей.

— Можно... Либерий, если верить обновленной карте, то примерно через час они пройдут вдоль этой гряды.

— Уверен?

— Ну за нее точно не полезут, потому что вода мешает. Ты бы на их месте стал устраивать переправу без острой необходимости?

— Я на месте тварей никогда не бывал. Хотя с тобой насмотрелся всякого... Нет, вряд ли они в воду сунутся. Тем более, там берега топкие, а машины у них не летающие.

— Уверен, что не летающие?

— Ну, таких, как Эхнатон, я у них не видел и не слышал ни от кого.

— А не бывало, что ваши отряды исчезали, ничего не рассказав?

— На границе всякое случается...

— Значит, машины, не уступающие Эхнатону, у них могут быть...

— Да запросто. Хотя не понять, почему они их не выводят в бой почаще. Смели бы нас, как сор метлой.

— У нас пять энергоячеек. К ним подсоединены блоки коннекта дронов в качестве дистанционного управления. Мне достаточно захотеть, и они взорвутся. Не уверен, что дальше на пути встретятся такие удобные условия, так что предлагаю заложить все здесь.

— Это твоя война, ты и думай.

— А зачем тогда со мной пошел?

— Да прикрыть тебя от тварей.

— Эхнатон их не подпустит.

— Не доверяю я этой железяке... О Господи! До чего же я докатился!.. Оберегаю тварь от тварей, не надеясь, что проклятая машина с этим справится...

— Думаю, руководство ордена тебя бы за такое хвалить не стало, — хмыкнул Влад.

— А я даже подумать боюсь. Представить их реакцию. Влад, я так понимаю, эти ячейки рванут не хуже, чем в том лагере, и потом, когда мы были в плену?

— По идее, да.

— Это хорошо. Знато должно получиться.

— Там, в лагере, я от взрыва был метрах в двухстах-трехстах и не погиб только потому, что система контролера спасла. Предлагаю, как минимум, три заложить вблизи озер. Вероятность того, что они проедут неподалеку от воды, мне кажется, выше.

— С чего бы? И там топко.

— Не подумал... Решил, что упрутся в препятствие и вдоль него направятся.

— А это запросто, но только не рядом.

— Ну тогда метров на сто от воды первую ячейку и далее с шагом в сотню метров остальные. На этой линии точно ничего не уцелеет.

— А сами где укроемся от взрывов и чужих глаз?

— Да в одной из башен и спрячемся. Там и от беспилотника замаскироваться можно, перекрытия вроде уцелели.

— Эхнатон его разнесет, если покажется.

— И выдаст нашу засаду. Мы должны там сидеть тихо.

— Да уж, тоже не подумал. У вас, древних, все странно, вот и начинаешь чушь нести в очевидном.

— Ничего... привыкнешь.

Возиться с закладкой мин не стали. Пусть лучше снег останется нетронутым. Здесь столько хлама валяется, что можно три вагона энергоячеек высыпать, и, пока на них не наступишь, не догадаешься. Пролетая над пустошью, без затей сбрасывали тяжелые цилиндры, стараясь выдерживать интервалы.

Затем перебрались через озеро — вода для Эхнатона не преграда. Как и надеялся Влад, в одной из башен действительно нашлось удобное укрытие. Первую, правда, забраковали — там какие-то твари устроили логово, а выяснять отношения с ними в такой момент — не лучшая идея.

Теперь оставалось только ждать.

* * *

Противник по какой-то неизвестной причине задержался, и Влад успел замерзнуть. По башне гуляли сквозняки от одного пролома к другому, задувало почему-то гораздо сильнее, чем на открытой всем ветрам пустоши. Башня походила на фортификационное сооружение крепостного типа — уж очень толстые стены, даже время и удары оружия не смогли их сокрушить. Хотя зачем развитым предкам строить такой анахронизм? Может, это что-то безобидное, вроде школы или детсада. Да и какая разница теперь? Будь у Влада пушка, и желательнее не одна, он бы здесь с удовольствием устроил артиллерийскую засаду. Но чего нет, того нет, разве что воспользоваться арсеналом Эхнатона для зачистки уцелевших противников.

Если, конечно, мины отработают, как надо.

А вот и противник... Вдали, на заснеженной равнине, показалась движущаяся темная точка. Следом еще одна, и еще, и еще. Враги сильно растянулись — это уже можно было заметить, и Влад заволновался.

— Идут плохо. Не получится всех накрыть.

— Если взорвется, как в лагере, то всем достанется. Уж очень там хорошо рвануло. Наше оружие из Цитадели так не может.

— Либерий, это техника. Ее труднее вывести из строя. Нужен близкий взрыв.

— Посмотрим, Влад. Может, подойдут и скучкуются.

— Ты уже видел такие машины?

— Трудно судить, но, по-моему, та, что четвертой идет, была в том войске, которое прикрывало отход запов после набега. Мы тогда качественно им зад надрали, вот те, наверное, и позвали на помощь. Много наших тогда полегло.

— А что, древнее оружие не помогло?

— Так его берегут. Достают, когда иначе никак. Кто же знал, что запы такую пакость устроят при обычном набеге?

Влад начал вызывать базу. Четвертый страж откликнулся секунд через десять:

— Вас слышу, контролер.

— Тебя еще не подняли наверх?

— Никак нет, продолжаю заниматься эвакуацией.

— Соедини меня с Тейей.

— Выполняю.

— Привет, Тейя.

— Привет, Влад! Как вы там?!

— Да живы пока. Ты же можешь принимать картинку от оптики Эхнатона, посмотри, что там за машины и чего можно ждать от них. Ведь крутилась среди военных, должна много знать.

— Не так много. Уже смотрю. Влад, это я не видеть у военных. Это вообще не есть боевые машины.

— Как не боевые?!

— Ну так вот. Та, что первая, — это машина мусор увозить к тинариям от тех мест, где нет нуль-транспорта или подземных путей транспорта. Вторая и третья автоматические доставщики габаритных больших грузов. По заказу такие вызывались раньше. Четвертая пожары тушить и спасать кошек с деревьев. Пятая копать землю, где неглубоко. Ну и

остальные так же. Только их сильно переделали очень, трудно узнать даже. Корпуса изменили, что-то убрали, повесили брони листы везде. Оптика стоит, аппаратура связи, турели с оружием. Это все новое, не было так раньше на таких машинах.

— Радикалы нашли где-то склад гражданской техники и переделали ее в военную?

— Да. Так. Наверное.

— И ты, конечно, понятия не имеешь, могут ли они справиться с Эхнатомом?

— Пушки вижу большие. Опасно. У него броня повреждения много. Плазма, если есть, тоже опасно для оптики, электроники тонкой. Броня его уже плохо защищает от такого. И вижу, ракеты там есть. Не знаю, какой тип ракеты, но может быть совсем сильно опасно. Одна ракета попасть — хватит Эхнату. Защиты от них нет совсем у него.

— А он их броню пробьет?

— Не могу знать точно. Кинетические пушки у него сильные, но надо менять обмотки, давно ноль ресурс у них. Скорость снаряда уже не такая, как должно быть. С близкого расстояния возможность пробить, с дальнего не знаю. Наверное, нет.

— Значит, они нам могут целый ящик неприятностей подарить, а мы им нет?

— Да. Так. Большой ящик. Скоро они будут у базы?

— Ну вряд ли утром, медленнее двигаться начали. По-моему, избегают руин, выбирают маршрут по открытым участкам, а это тормозит.

— Хорошо, а то мы не успеть еще много дел.

— Попробуем их притормозить еще сильнее.

— Что?! Не надо риск! Самое ценное мы успеть увезти вдаль!

— Рисковать не будем. Мы так... аккуратненько. Не волнуйся и не отвлекайся, у тебя много работы еще.

Отключившись, Влад произнес:

— Тейя говорит, что эти машины опасны. Могут повредить Эхнатона.

— Я так и понял, что ты с ней говорил. Когда ты просто в себя начинаешь смотреть — это значит Космос. А вот когда улыбаться, как дурачок на сельской ярмарке, начинаешь — это понятно кто.

— Мне она нравится, чего скрывать. Да и кому она может не нравиться?

— Я люблю пухленьких.

— Я не о том. Она забавная, приятная. Просто как человек. Уж куда лучше тех, с кем мне в последнее время общаться приходилось. Тебя тоже имею в виду.

— Вот ты о чем. Ну да, с этим согласен. Худая, но зато милая, неглупая и разговаривает смешно, будто щебечет.

— Вот и улыбаюсь. Сам этого не замечаю.

— Давай-ка переключимся на другую тему. Например, на то, что вот-вот надо будет взрывать эти страховища.

— А что тут думать. Они идут, как мы и предполагали, только сильно растянуты, и менять это не собираются. Последняя от первой километра в полутора плетется. Зачем так сделали? Не понимаю... Всех мы точно не накроем. Думаю, надо подпустить вон тут тройку, они более-менее кучно идут. И задняя там самая большая машина. Вроде автобуса на гусеницах. Надеюсь, там у них командир или узел связи. В любом случае, этой тройке скучно не будет.

— На машинах запы сидят. Видишь?

— Вижу. Танковый десант...

— Что?

— Ничего. Это из другой жизни...

— После взрывов они небось растеряются, и можно будет попробовать сжечь их огнем.

— Не получится. Плазменная установка Эхнатона работает всего лишь на несколько сотен метров, а тут почти километр будет.

— Тогда стрелять из той пушки, из которой он разбил летающую машину.

— Попробовать можно, только и нас заметят...

— Влад, эти машины двигаются медленно. Мы можем их обстрелять и отступить до того, как запы соберутся ответить.

— Я сам об этом думаю. По результатам взрывов посмотрим. Если риск будет слишком велик, уйдем тихо. Если нет, то попробуем сделать больно уцелевшим.

— Даже если мы всего три машины взорвем — это уже немалая победа.

— Ага. В ордене героем станешь.

— Я и так там герой. За старое. А вот за то, что делаю сейчас, могут посадить в темный каземат к твоей древней подруге. А то и в гроб, а потом свинцом зальют.

— Ну хоть согреешься.

— Ага. А то уже не помню, что такое тепло.

— Ты сам вызвался идти со мной.

— Пока что я об этом не пожалел.

* * *

Лереида мерз, несмотря на включенный на максимум обогрев и толстую броню кабины с узкими смотровыми щелями, прикрытыми тройными кристаллитовыми пакетами. Не зря они в самом начале не стали устраивать базу здесь, на юге. Слишком много народа жило раньше в

этих краях, и все они, за редчайшим исключением, нашли смерть здесь же. В местной отравленной почве обломков костей куда больше, чем чернозема. И помимо разного рода загрязненности присутствует нечто неосязаемое, будто сама смерть витает, незаметно вытягивая из всего, что попадает в ее зону действия, тепло. Зимой здесь почти не бывает настоящих морозов, но даже при малом очень некомфортно. К тому же в этом году почему-то заметно запаздывает весна — в этом проклятом краю она уже, как минимум, неделю назад должна была всерьез взяться за работу.

Некогда обычный мусоровоз, предназначенный, чтобы вывозить отбросы из самых труднодоступных уголков городских клоак, а ныне разведывательная машина, передал доклад о встреченном препятствии. На пути оказалась цепь озер, подходы к ним были заболочены. Мороз, конечно, сковал грязь льдом, но корка слишком тонка, чтобы удержать вес бронированных машин, и поэтому курс пришлось подкорректировать к востоку.

Лереида доклад выслушал, но до сознания его смысл не дошел, как, впрочем, и смысл большинства других докладов. Слишком много у него неотложных и требующих концентрации внимания дел, чтобы думать о пустой рутине.

В данный момент Лереида был занят ногтями. Их покраска не требовала личного мастерства, в отличие от так и не решенной проблемы ношения обуви с радикально высокими каблуками. Знай себе суй пальцы в прихваченную вместе с другими незаменимыми вещами косметическую машинку и любуйся полученным результатом. Можно задавать цвет и рисунок самостоятельно, можно отдаваться на волю выбора автоматики. Лереида предпочитал последнее — напрягать голову лишний раз он не любил.

Слизняки, некогда населявшие этот город, подняли бы его на смех. Не в глаза, конечно, а шептались бы за его спиной. «Представляете, вместо того чтобы пойти к достойному бодихудожнику, он доверил свои ногти мини-дрону. Ну да, чего еще ждать от человека с таким крошечным ри. Мало того, что вульгарнейшим образом любит мазать себя краской, так еще и машине это доверяет. Бедолага». Сами они бедолагы. И тупицы. Дроны для того и созданы, чтобы работать вместо человека. Ногти красить — тоже работа, так почему бы не доверить ее автоматике? К ней не придется записываться в длинную очередь, как к модному бодихудожнику. Она не совершает ошибок, у нее не бывает перерывов и дней отдыха. И не станет морщить нос, как этот сноб от искусства для быдла, отказываясь работать с телом, хозяин которого не набрал высокий уровень ри. А то, что автоматика, мол, душу не вкладывает и нет в ее произведениях даже толики таланта, а лишь голое ремесло, так это предрассудки все того же оболваненного быдла. Верят во всю чушь, выдаваемую экранами. Косметическая машинка делает свое дело ничуть не хуже бодихудожников, стилистов и визажистов.

И даже лучше. Она молча занимается делом и не строит из себя величайшего в мире творца.

Доклад о том, что зафиксирована вспышка помех, характерная для близко работающей направленной аппаратуры связи, Лереида тоже пропустил.

Ногти куда важнее глупой рутины.

Затем потемневшие в вечерних сумерках смотровые щели ослепительно сверкнули, будто от прямого попадания плазменного заряда, в кабине радикально, до боли в глазах, посветлело, и почти сразу же, с паузой не более секунды, машина содрогнулась от сильнейшего удара. С оглушительным треском разошлись швы между бронеплитами, истошно застонал сминаемый металл, брызнули льдистыми осколками кристаллитовые пластины. Лереиду швырнуло на приборную панель ручного управления, а затем толкнуло назад, в кресло, где он оказался с

растрепанной прической и с безумным взглядом ничего не соображающего человека.

А еще косметическая машинка куда-то пропала, и что совсем уж кошмарно: при этом сломался обрабатываемый ноготь.

С ужасом глядя на сочащуюся из кончика пальца кровь, Лереида подумал, что, пожалуй, искать машинку по кабине сейчас не стоит. Олухи зейпы опять что-то натворили, а может быть, южное пепелище устроило сюрприз. Здесь постоянно что-то случается, причем хорошего не дождешься. Надо разбираться, ведь он главный.

— Рен один, доложить обстановку, — приказал он, не открывая рта.

— Зафиксирована цепь взрывов перпендикулярно курсу. Значительно пострадал авангард колонны. Фиксирую заражение местности короткоживущими радиоактивными изотопами.

— Ядерный взрыв?

— Неизвестно. Анализ происшествия еще не завершен.

— Повреждения моей машины?

— Необходима замена левого переднего колеса. Обломком стеклобетона смято лобовое бронирование, потеряна инфракрасная оптика, незначительно поврежден привод турели, повреждены пластины смотровых щелей, но кабина не разгерметизирована. Предварительный перечень повреждений зачитан.

— Врубить на всех машинах освещение на максимум, я хочу видеть картинку.

— Принято.

Картинка Лереиде не понравилась. Метрах в двухстах впереди и в полусотне от маршрута движения колонны виднелась свежая воронка внушительных размеров. Еще две просматривались дальше, и, судя по показаниям инфракрасных приборов, — это еще не все. Следы от взрывов образовывали линию, перпендикулярную озерной цепи.

Три машины попросту смело — их изломанные туши отбросило метров на тридцать, присыпав комьями земли. На глазах Лереиды одна из них начала густо дымить, затем вспыхнула, выбросив в небеса высокий и яркий сноп огня. Видимо, воспламенилась жидкость зарядов для огнемета.

Принимая данные о повреждениях, Лереида пытался понять, что предпринять, суетливо отдавая противоречивые приказы. Сперва хотел собрать все уцелевшие машины вместе и занять круговую оборону, затем подумал, что создавать групповую цель будет опрометчиво, и отменил указание.

А затем пустошь преподнесла новый сюрприз. Дробно затарахтели отрывистые удары по металлу, на броне разведывательной машины засверкали вспышки выбиваемых искр. Зейпы, мечущиеся вокруг, начали падать один за другим. И не просто падали: их тела будто злобная сила отбрасывала, иногда отрывая при этом конечности и снося головы.

Дроны не двигались — факт обстрела не вывел их из равнодушного состояния. Но разведчика не просто так определили на эту роль — его интеллектуальный блок хоть и не блистал зрелой мудростью, но кое-что наработать успел. При первых попаданиях он немедленно развернулся к

источнику угрозы крепкой лобовой броней и без приказа открыл ответный огонь. Лереида, увидев, как кинетические снаряды вышибают каменную крошку из стен башни на холме, заорал голосом и на биометку:

— Огонь! Сосредоточенный огонь по второй башне с юга! Ориентир — попадания орудия Рена один!

Четыре машины не откликнулись — сильно пострадали при взрывах, остальные активировали турели и открыли беглый огонь. В башню полетели сгустки плазмы, шарики кинетических снарядов, ракеты с разнообразной начинкой. Древнее строение охватило огнем, но странное дело — серьезных разрушений заметно не было.

Вскоре обстрел начал затихать — оружие требовало перезарядки, а перепуганные зейпы, как всегда, не спешили шевелиться. Рискнув открыть люк, Лереида, высунув голову, заорал:

— Придурки! Быстро меняйте кассеты у турелей! Бегом!

Люк он тщательно закрыл за собой. Не стоит вредить телу тесным знакомством с радиацией. И еще он успел понять, что противник бездействует. Уничтожен? Нет, разведчик продолжает вести огонь скупыми, выверенными очередями, и почему-то сместил его в сторону от башни. Лереида настроил максимальное увеличение и успел увидеть, как за гребень холма перевалила огромная тень. Не тварь-переросток и не дрон колесный или гусеничный. Что-то непонятное.

Прокрутив запись назад, выделил удачный кадр. Да, так и есть. Огромная боевая машина на антигравитационной тяге. Неудачный ракурс, да и давно он с ними не сталкивался. Передал картинку в центр, получил результаты анализа, некоторое время пребывал в паническом ступоре, затем начал орать на главном канале:

— Лереида вызывает Крепость! Лереида вызывает Крепость!

— Крепость слышит тебя, сестра Лереида.

— Жаба тебе сестра, Таций! Вы куда меня послали?!

— Ты забыла приказ?

— В том-то и дело, что нет! Но в приказе ничего не говорилось, что меня будут бомбить ядерными зарядами и обстреливать Эхнатонами!

— Не понял. Проясни обстановку.

— Мы попали в засаду. Кто-то устроил взрывы. Пять взрывов. Несколько машин сильно пострадали. Потом начался обстрел из кинетики. Мы засекали, как минимум, один Эхнатон и отогнали его огнем. У нас большие потери. Нужна подмога. И еще мне нужна замена. Я пострадал.

— Ты ранен?

— Когда все это произошло, я серьезно повредил ноготь. Нужна немедленная регенерация и курс отращивания. Моя рука превратилась в отвратительного вида убожество!

— Ноготь?! Сестра, успокойся.

— Я уже говорил, кто твоя сестра! Я тебе не женщина!

— Успокойся. Ты так часто меняешься, что сам не успеваешь к этому привыкнуть, а уж мы тем более.

— Мне нужен ноготь. Мой ноготь. Смените меня. Я сильно пострадал.

— Мы считаем, что лишь ты достоин выполнить поставленную задачу.

— Чем же я так к ней подхожу?! Незаменимого нашли?!

— Все гораздо сложнее.

— Я должен знать!

— Тейя Наррис.

— Что за Тейя Наррис?

— Забыл и это? Вспомни. Такое невозможно забыть.

— Что я должен вспомнить? Что? Ч...

Лереида вспомнил.

Миниатюрная стройная брюнетка, в теле ни единого видимого изъяна, разве что, по общепринятым канонам, объем бедер и груди заметно меньше, чем идеал. Но талия... Талия божественна. Кажется, что ее можно легко сжать двумя ладонями, но при этом никто не скажет, что она чересчур худая. Гармоничнее самой Гармонии, так вроде обозвал ее тот щелкопер, который вился вокруг. Как вились и другие похотливые твари, надеясь добраться до этой неприступной скалы, по заслуживающим доверия слухам, холодной, как лед комет, и ни о чем, кроме своего спорта, не помышляющей. Дензис, у которого затем, уже на войне, крыша окончательно развалилась от занудно-ханжеских размышлений на тему всеобщего упадка морали, даже объявил ее тогда... Кем он ее объявил? Да какая теперь разница. Просто еще один из тех, кто хотел извлечь пользу из чужой славы. Но, как все остальные, не сильно преуспел.

А ведь Дензис тогда и еще кое-что сделал. Лереида смутно припомнил, что именно он был одним из тех, кто настаивал включить капсулу Тейи в список объектов на орбите, обладающих правом неприкосновенности. Пожалуй, это единственный случай, когда мясник, часа неспособный существовать без крови, с такой горячностью настаивал на сохранении чьей-то жизни.

Тейя была не только красавицей и непревзойденной звездой, поднявшей фрикаст на принципиально новый уровень, превратив его в культовый вид спорта. Это не могло не поднять ее на вершину популярности. И еще она была заражена гнилостью снобизма от ногтей ног до кончиков длинных ровных волос, волнуяще поблескивающих, как это часто бывает у тех, чьи родители много времени проводили в дальнем космосе. Ри для столь нежного возраста был вопиюще высок, и тех, кому до нее было в этом далеко, она попросту не считала за людей. Но мастерски это скрывала, и потому от тех, кого позже назовут радикалами, шли и шли посланники-зазывалы, предлагавшие или умоляющие влиться в их ряды.

Поклонники свободы изменений даже отдельное направление моды придумали: «Быть Как Ти». Тейю Наррис, само собой, избрали почетным шефом, миллионы граждан и гражданок, будто сойдя с ума, перекраивали свою внешность по ее подобию. Популярность Тейи достигла пика,

но даже не думала идти на спад. Это было что-то вроде болезни. Мегалополисы заболели Тейей.

Сама Наррис, что неудивительно, на процедуру назначения шефом не явилась, как всегда, вежливо сославшись на невероятную занятость.

Невзирая на все отказы и подчеркнутую натуральность, судьи решили сделать ей предложение и озвучить его послали Лереиду. Тогда его и звали иначе, и выглядел он иначе. Выглядел так, как выглядели все, кто выбрал «Быть Как Ти».

Если откровенно, ни один из них на Ти не походил. Не походил и Лереида, но старался. Милая хрупкость так и осталась недостижимой мечтой — вместо нее у него раз за разом получалась неуклюжая вешалка, стилизованная под скелет, к тому же скелет донельзя тощий.

Васильковые глаза выглядели чем угодно, но только не васильковыми глазами. В лучшем случае водянистыми, а ведь пигментацию подбирал по точным образцам. Никогда у него не ладилось с этим... Вместо чуть удивленного и одновременно озорного взгляда вообще что-то несусветное выходило, и это несусветное тарачилось с тупостью жвачного животного. А тогда еще в отчаянии переборщил с грудью, размера эдак на три. Очень уж хотел усилить сексуальность. Поэтому природная склонность к сутулости существенно усилилась, да и выглядели молочные железы странно, будто на доску приклеили пару огромных дынь. Волосы, что уж может быть проще, тоже не удались, и голова казалась не слишком новой шваброй для оригиналов, предпочитающих делать уборку вручную.

Но он старался, меняя свое тело снова и снова, пытаясь добиться максимального сходства. Иногда даже хотелось навеки потерять зрение. Его не обманешь, в отличие от рук — на ощупь тело казалось неотличимым от тела Тейи.

Тейя встретила его подчеркнуто приветливо, но сразу, сославшись на ту же занятость, сообщила, что времени у нее всего несколько минут. И с вежливо-внимательным видом слушала, как он, запинаясь от робости перед «Той Самой Ти», пытается донести до нее смысл послания судей. И даже от себя добавил, что все они как один мечтают о том, что она займет место в их рядах.

Тейя слушала и смотрела. Слушала и смотрела. Смотрела... Даже на гангренозную ногу, ступившую в кучу дерьма, смотрят куда менее брезгливо. Он запинаясь все больше и больше, до позорных пауз, прекрасно понимая, каков будет ответ, и отказываясь верить в это...

Уже через два часа после встречи он, наплевав на все, вновь начал становиться другим. На этот раз мужчиной. И когда все завертелось, лично проконтролировал, чтобы капсулу с «Той Самой Ти» не тронули в припадке болезни под названием «Сбиваем все, что не отвечает на наши запросы». У него имелись на нее свои планы. Нельзя просто так быть такой и при этом вести себя столь вопиюще. Мы должны уважать тех, кого восхищаем.

— Тейя Наррис...

— Быстрая Ти, Тень Вредная, Везучая Тейя, Ти Ловкачка, Та Самая Ти. Вспомнил?

— Да...

— Я рад, что твоя память все еще работает.

— Это все ты!

— Что?

- Ты и остальные! Не позволили мне тогда до нее добраться!
- Нам тогда не до твоих сексуальных фантазий было, уж прости. К тому же у тебя появился шанс наверстать упущенное.
- Как? Ведь она давно стала прахом на орбите.
- А вот и нет. Помнишь недавнюю суматоху, когда запускали перехватчики? И еще при этом зафиксировали посадку космического аппарата.
- Не помню.
- Ах да! Ты же изменялся. Как обычно. Не до новостей было.
- Оставь свой тон для быдла!
- Быдло давно мертво, забудь уже про него. У нас теперь несколько другие проблемы. И вот что я хочу сказать: ты пропускаешь очень много важного. Очень даже важного. В том числе и важного лично для тебя. Надо чуть больше времени уделять общему делу, а не жить одними изменениями.
- Я не живу ими! Я ищу себя, тупица ты безмозглая! Неужели это непонятно?!
- Тон у тебя достоин того самого быдла. Все мы ищем себя, но ты один, кто занят этим постоянно.
- Не надо так явно завидовать моей настойчивости!
- Лереида, ты ведь хотел добраться до Тейи? Мы даем тебе шанс, отправив в этот поход.
- Шанс?
- Тот корабль не был кораблем. Это капсула. Спасательная капсула со станции Озн. Тебе это совсем неинтересно?
- Инте... Так это капсула Наррис?!
- А ты догадливый. Видел постановку, ставшую знаменитой в год нашего последнего исхода? Главный герой там спасся с гибнущего корабля, и счастливчика сто лет носило по дальнему космосу. Там еще Сетта играла. Та самая, которая опередила Шитаку и Тейю в голосовании по выбору ежегодного символа женственности Солнечной системы. Причем первую за счет сисек, ах уж эти платья с глубокими вырезами, а вторая не явилась на церемонию, сославшись на занятость.
- Не помню ничего такого.
- Ну да, ты, видимо, был занят. Как обычно. Так вот: Тейя Наррис, в подражание этому герою, не стала умирать в космическом гробу. Когда мы засекали попытку посадки капсулы, то вывели из строя автоматику лучевым ударом. Но управление не было потеряно, кто-то из пассажиров взял его на себя. Вопрос: кто, если пассажир всего один?
- Тейя?
- Bravo! Наверное, непросто было догадаться?

— Но почему я ничего не знал о том, что капсула уцелела?!

— Наверное, тоже был занят, если не интересовался списком идентифицированных объектов. Его начали составлять сразу после запуска в строй станции слежения за космосом. Эту капсулу мы видели и с вероятностью до семидесяти процентов предполагали, что она именно та самая. Но считали, что Наррис давно мертва. Ошибались.

— Что вообще происходит?! Почему меня не ознакомили со всей информацией перед походом?!

— Материалы были сброшены, но ты их загрузил без ознакомления, а оно в таком случае может занять не один день, а то и недели, если мозг сильно занят обновлениями. Как, к примеру, твой. К тому же осмысление требует сосредоточенности, а у тебя с ней проблемы. Поднимай вводные данные. Видишь? Судя по всему, мы имеем дело с деятельностью наблюдателя резервного узла номер четыре-семнадцать. Тебе это вряд ли о чем-то говорит, так что поясню. Когда биологическое и машинное командование Гармонии было уничтожено, продолжал войну именно он. Тот самый изворотливый разум-стратег, сумевший нанести нам не одно поражение в безвыходных для себя ситуациях. Считалось, что он был выведен из строя, именно тогда мы завершили исход, запечатав свое убежище до новых времен. Но наблюдатель уцелел. Анализ его деятельности показывает, что он лишился возможности действовать, но не мыслить. И кто знает, до каких вершин дошло его мышление за эти века. Еще не знаем как, но в итоге он сумел обзавестись помощником на Земле. Возможно, это другое искусственное создание на одном из объектов Красной сети. И теперь они вовсю выводят в космос оборонительные системы для защиты наблюдателя. И они же посадили капсулу с Тейей. Очевидно, чтобы воспользоваться ее помощью.

— Чем она может помочь им сейчас? Она же никто за пределами зала для выступления.

— Я бы так не сказал. Интеллект у нее был развит не хуже физических данных, а это опасное сочетание. Нам предстоит новая война. И теперь не укрыться до лучших времен — они уже знают про нашу тактику исхода и не допустят ее повторения. Будут искать наше убежище и непременно найдут. Враги теперь не только созерцают — они обзаводятся возможностями для наступления и обороны. Но нет такого дрона, который мог бы полностью заменить человека. Тейя — человек, и человек, должен признать, неординарный. Она будет помогать наблюдателю и тем опасна для нашего дела. Ее необходимо остановить. Целью похода является захват места ее посадки. Оттуда же продолжаются запуски носителей к наблюдателю. Необходимо как можно быстрее пресечь эту деятельность. И мы решили, что ты, как никто другой, заслуживаешь того, чтобы первым добраться до Наррис. Согласен?

— Да. Это действительно должен быть я.

Вспомнив взгляд Ти, Лереида сжал кулаки, не замечая, как остро обломанный ноготь до крови впивается в кожу.

— Вот видишь. Не стоило так несдержанно возражать. Тебе оказана заслуженная честь, и я рад, что ты это осознал.

— Но... Таций, у меня большие потери. Один дрон уничтожен, два выведены из строя, еще один не отзывается на команды. Осталось семь, и даже вместе они ничего не смогли сделать против Эхнатона. К тому же у врага есть мощные мины. Нам просто не позволят дойти до цели, слишком плохо мы подготовлены. Нужны средства усиления, без них нет смысла продолжать движение.

— А если средств не будет, ты пойдешь дальше?

— Дальше... Если в конце пути ждет Тейя Харрис, то не могу не пойти. Она мне кое-что должна.

— Даже не спрашиваю, что именно, просто молча горжусь тем, что ты один из нас. Мы вышлем два беспилотника со сканерами. Они будут проверять маршрут, но сильно на них не надейся. Один мы уже послали и потеряли, возможно, сбит Эхнатомом, или на базе есть зенитное прикрытие, так что работать будут со значительной высоты.

— Мне надо больше прикрытия. Пять беспилотников-носителей бомб. Найти Эхнатона и уничтожить с воздуха.

— Можем дать хоть десять, но от восьми из них в бою не будет толку, их интеллектуальные блоки собраны в нашем комплексе. Они примитивны и не обладают опытом. Способны лишь на самые простейшие действия и часто разбиваются.

— А дистанционное управление?

— На южных пустошах? Да там столько помех, что издали оно вообще невозможно. Ты даже с дроном контакт можешь потерять, если он удалится на две-три тысячи единиц, а ведь его аппаратура связи гораздо мощнее, чем у беспилотника. Лучше оставь себе два приличных, они годны на кое-что большее. А для повышения огневой мощи получишь три Теккона сороковой модификации. Интеллект у них тоже не впечатляет, опыта практически нет, но боевые характеристики куда выше, чем у Эхнатона. Противник просто не рискнет приближаться к ним.

— Это если у них нет ничего опаснее Эхнатона.

— Было бы, уже бы применили.

— Это лишь твои предположения.

— И твои — тоже. Перед атакой мы, возможно, проведем обстрел с дальних позиций. Если ракетные установки до них доберутся. Местность трудная.

— Надо заставить их добраться.

— Сделаем все возможное. Жди Текконов. С ними прибудет ремонтная группа. Попробует восстановить поврежденных дронов.

— У двух вряд ли получится что-то восстановить.

— Тогда просто снимут с них интеллектуальные блоки, если это возможно. Текконы движутся быстро, долго ждать не придется.

— Хорошо, остаюсь здесь.

— Удачного изменения тебе, Лереида. Прекрасного тела.

— Да. Мне понадобится новое тело. Сразу по окончании похода. И оно должно быть мужским.

— Хочешь взыскать старый долг кое с кого? — хохотнул собеседник.

— Да. Я хочу именно это. В этом теле эффект не тот.

— Ты это заслужил. До связи.

— Да... заслужил, — произнес Лереида, но его уже никто не слышал.

В голове судьи крутился причудливый калейдоскоп самых разнообразных мыслей. Он горевал о сломанном ногте, так и не познавшем краску, о ногах, задуманных прекрасными, но так и не привыкших к высоким каблукам. И о Тейе он думал непрерывно: как взглянет в ее глаза, некогда до краев заполненные гордыней, и увидит в них лишь страх и осознание своей дальнейшей судьбы.

О том, почему в этот поход послали именно его, судью, который вот уже немало лет занимается лишь собой, даже не пытаясь, вникать в то, чем живет их скромное поселение, он не думал. О том, что данных разведки слишком мало и его отряд, по сути, направлен заниматься именно ею, а не одерживать великие победы, он тоже не думал.

И о том, что разведка — дело рискованное, а в сложившейся ситуации и вовсе самоубийственное и посылать в нее стали бы не самых лучших, а любого, кто может управлять дронами по сети, Лереида тоже не задумывался.

Он был давно списан как бесполезная обуза для общества. Со своей гипертрофированной тягой к изменениям Лереида был противен даже в высшей степени терпимым радикалам. Очень удачно подвернулась эта история с Наррис — может быть, хоть каплю пользы принесет?

Впрочем, уже принес. Он установил, что у противника на вооружении имеется Эхнатон. Далеко не бесполезная информация. Теперь можно будет попробовать испытать на нем Текконов. Их новенькие интеллектуальные блоки, скорее всего, значительно уступают, но вот вооружение и защита куда лучше. Если победят такого противника, заработают ценный опыт. А опыт для боевых и гражданских систем управления — это все равно что пища для человека. Именно ради этого их отправили всех — три единицы. Рискованно, но, как показали расчеты, ситуация того заслуживает.

Жаль, что расчеты делает не комплекс стратегического планирования, а всего лишь производственник. Бывший технолог, надсмотрщик за горняками, серая мышка на фоне интеллектуальных монстров прошлого. Но не самим же заниматься подобным? Аналитика слишком скучна, да и мозги судей, перегруженные дополнениями, относились к ней без симпатии.

Глава 25

— Угроза обнаружения миновала, — заявил Эхнатон.

Влад, выбравшись из-под грибка эвакуационного центра, с опаской покосился в небеса.

— А ты уверен, что он нас не заметил?

— Я скрывался здесь и от более совершенных средств наблюдения. Это было длительный период назад, но сооружение сохранило свою маскирующую функцию, а уровень активных помех упал незначительно.

Либерий, не вмешиваясь в разговор, уже карабкался по баррикаде, за века наваленной роботом. Влад следом не полез. Не хватало еще ногу распороть об острую железяку, коих тут хватает. К тому же бессмысленно — оптика Эхнатона, даже поврежденная, куда лучше человеческих глаз. Да и беспилотник может вернуться. Последние сутки они парой

непрерывно кружатся по маршруту следования колонны. Ищут засады и заминированные участки. И даже кое-что сумели найти. К великому сожалению «партизан».

Влад вернулся на базу, прихватил еще три ячейки, установил их в начале прохода между зловонным озером и руинами, которые Эхнатон, с помощью завалов, превратил в капитальное фортификационное сооружение. Но хотя они замаскировали мины под кусками металла и камнями, беспилотники все равно заметили что-то подозрительное. Противник остановился вдалеке, выпустив вперед цепочку запов. Те, не пропуская ничего и используя ручные сканеры, обшарили все впереди и быстро нашли места закладок. Но не успокоились на этом — продолжали искать. Даже когда из воды вылезла орава попискивающих слизняков — это их не остановило. Подъехал одинокий дрон, сжег тварей из огнемета, а заодно и пару человек задел, после чего поиски продолжились.

Из всего этого Влад сделал логичный вывод — дроны судьям намного дороже, чем запы.

И только сейчас, спустя часы после поднятия тревоги, беспилотники, наконец, умчались на запад. Влад надеялся, что они собрались проверить там местность и вернуться не скоро. Хотя поведение их нелогично: правильнее было бы продолжить облет территории впереди, раз уж колонна возобновила движение. Или командир у судей далеко не гений, или чересчур хитрый и надо ждать от него неожиданного хода.

Забравшись на броню Эхнатона, Влад скомандовал догнать луддита, но не показываться противнику на глаза. Дрон быстро выполнил требуемое, и Влад оказался чуть ниже Либерия. Тот был занят разглядыванием противника, используя для этого рваное отверстие в гнутом металлическом листе, который увенчивал гребень баррикады.

— Ну что там сегодня интересное показывают?

— Идут, гады. К машинам поганым идут. Некоторые уже начинают ехать. Эти дети негодяев все наши подарки нашли.

— Зато время потеряли.

— Я бы хотел, чтобы они не время, а головы потеряли.

— Да и я бы против не был. Мы закончили эвакуацию, все наши дроны уже далеко от базы, в надежном месте. Там их с воздуха не заметят. До ночи часа полтора осталось, сумеет уйти еще дальше.

— Просто уйдем?

— Ну мы своего добились. Они потеряли больше суток. Еще вчера утром могли быть у базы или максимум в полдень.

— Влад, здесь очень уж удобная позиция для боя. Давай, как в тот раз, у башен. Хоть несколько запов прикончим напоследок.

— А что делать с этими...

Влад не пояснил, о чем ведет речь, но это было и так понятно. Не только о дронах. Судьи сделали выводы после засады у погибшей заставы и прислали подкрепление.

Три новые машины. Не переделанные бетономешалки или мусоровозы — настоящие боевые

машины древности. Уж неизвестно, где они их раскопали, но расщедрились на три сразу. Если Эхнатон был похож на не слишком упитанного краба, те казались короткохвостыми скатами, серьезно превосходящими его в размерах.

Размер — это важно. Большая боевая машина может нести большую пушку. Это Влад уже понимал без пояснений Космоса, Тейи или Эхнатона. И если с оружием было уже понятно, что оно у них на уровне, с защитой понимания не было.

Космос опознал машины, назвав их Текконами. Но при этом отнес их к сороковой серии. Она выпускалась в конце войны, когда в результате боевых действий производственный комплекс сильно пострадал и устанавливать фабричное бронирование было невозможно. Лепили тогда на каркас все, что под руку попадалось.

Вот и эти Текконы обладали полукустарной шкурой. Будто чешуйки с неровно обрезанными краями. Насколько это прочно? Если изношенное плазменное орудие Эхнатона и без нее ничего не сделает плоским машинам, так как не может пробить защитное поле, то кинетические снаряды до брони дойдут легко.

Пробьют? Вопрос хороший...

— Эхнатон?

— Слушаю, контролер.

— Как распределено бронирование по корпусу Текконов? Где у них слабые, а где сильные места?

— Передняя кромка защищена максимально. Далее верхняя поверхность — способна защитить от пушек атмосферной авиации. Хвостовая часть защищена гораздо хуже. Слабее всего защита брюха. Теккон не может подниматься высоко, повышенное бронирование нижней части корпуса ему не требуется.

— А если учесть, что броня у этой серии ослаблена?

— Принцип бронирование сохраняется, иначе изменится центр тяжести.

— Ясно. То есть легче всего пробить им брюхо?

— Да. Но вряд ли они его подставят.

— А в хвост пробьешь?

— Зависит от дистанции.

— Либерий, у меня есть идея.

— И?

— Она рискованная. Даже более того — безумная.

— Я уже заинтересовался. Вещай.

— Помнишь реакцию Текконов, когда появились те слизни?

- Не понимаю, о чем ты?
- Один Теккон тогда вышел далеко вперед, два других сильно отстали. Будто строем пытались действовать, прикрывая переднего.
- Да. Они еще двигались тогда отдельно от других машин. Игнорировали их.
- Они и в колонне так двигались, сами по себе. Я вот о чем — если подманить их, один должен выдвинуться вперед, и можно будет попробовать устроить ему летальный исход.
- Подманить? Куском колбасы, что ли? Я тут слышал ваш разговор. Это как ты его собираешься поставить к нам задом или брюхом?
- Головой надо думать, луддит... головой. У меня как раз приступ гениальности случился, что бывает нечасто.
- Насчет нечасто — истинная правда. А ты не помнишь, как в тот раз у меня спинку сиденья пробило насквозь, когда стреляли? Еле уйти успели, и не задело при этом чудом.
- Помню. Но сейчас будешь ты рисковать не сиденьем, а головой.
- А на что она мне теперь нужна? Жру в нее только последнее время, иначе бы ни за что здесь не оказался.
- Ты, я вижу, не расстался со своим черным костюмчиком? Так и таскаешь его под комбинезоном?
- Именно так. Выстирал его даже и зашил прорехи.
- Запы знают, что такую одежду носят вояки ордена луддитов?
- А ты как думаешь? Можно ли не знать того, кто тебе худший враг?
- Если увидят, допустим, на вершине этого завала твою персону, то опознают?
- Если не слепые и стоять будут не дальше середины прохода, то должны.
- Тебе надо будет показаться наверху и пошуметь.
- Пошуметь?
- Ну «привет» не стоит кричать. Выстрели, так лучше всего будет.
- А потом постоять, подождать, пока по мне пульнут в ответ все их поганые машины?
- В принципе можно — ты мне не настолько уж и дорог, но есть и другой вариант. Шагаешь назад, далее прыгаешь на Эхнатона и уносишься оттуда. Делать это надо будет быстро, потому что прилететь может всякое, в том числе и ракета. После дрон занимает позицию внизу. Тут по всему завалу он соорудил немало огневых точек, куда может спокойно ретироваться и палить под защитой обломков. Вот такую позицию он и займет. Я, пока ждали врагов, хорошо их осмотрел, там одна очень даже подходящая.
- Я понял. Машины с колесами не могут забраться на завал, и это сделают Текконы. Один, как обычно, пойдет впереди. Ему придется подняться, и тогда снизу можно будет распороть ему

брюхо.

— Да, все верно. Хороший шанс.

— А если они будут действовать не так, как ты предполагаешь?

— До сих пор они были предсказуемыми. Но на непредвиденный случай у Эхнатона скорость побольше, чем у Текконов. А на завалах она у них будет еще ниже. Легко уйдем, скроемся в этом лабиринте.

— Беспилотники вызовут, найдут быстро.

— А мы здесь не останемся. Домчимся до базы, заберем Тейю и исчезнем во мраке ночном. А далее взрыв базы — это их отвлечет, если подгадать со временем.

— В тот раз у тебя тоже все гладко задумывалось, но мы едва не погибли. Вспомни мое сиденье.

— Зато твоя мечта исполнилась: несколько машин угробили и кучу запов заодно.

— Да я не против понаглеть. Просто не хочу, чтобы им досталась база. Они усилятся. А она может к ним попасть, если мы тут сгинем из-за тебя.

— Не сгинем. Да и про Тейю не забывай. Она сильная девочка и базу взорвет даже без наших указаний.

— Только без Эхнатона ей трудно будет уйти, да и все равно пропадет без тебя. Тебе она нужна, но и ты ей нужен. Может, просто издали стрельнем по запамам и уберемся? Тут всего-то и надо, что за завалом опуститься, и хрен нас там достанут.

— Слишком мелко берешь. Теккон куда ценнее кучки запов.

— Он просто машина. Может, они их делают так же просто, как ты снаряды для Эхнатона делал. По образцу лепят.

— Вряд ли. Тогда бы они давно стерли вас с лица Земли. А даже если бы и так, копир не может воспроизводить блок интеллекта. Без него дрон просто куча хлама.

— Не хочется умирать из-за твоего желания угробить какую-то железяку.

— Не каркай, ворона церковная.

— Когда начнем?

— Когда поближе подберутся.

— Влад, тебе точно не кажется, что мы задумали глупость?

— Мы? Задумывал я.

— А я участвую.

— Глупость, конечно. Согласен. Но не могу удержаться. Просто не могу. Напоследок хлопнуть дверью надо обязательно.

— Взрыва базы тебе мало?

— Мало. Да и неизвестно, как там получится. Если пойдут дальше, по следу, то должны знать, что на каждом шагу их могут поджидать. Помнишь, что они уже на сутки задержались? А ведь мы всего лишь раз щелкнули их по носу. И этого хватило.

— Уж больно громкий щелчок получился.

— Хлопнем еще раз, и они куда медленнее двигаться начнут.

— Хорошо, что Тейя не знает. Обозвала бы нас баранами.

— И была бы права. Луддит, ты никак испугался?

— Не за себя. Ты, как ни странно, для меня сейчас ценнее сокровищ Цитадели.

— Не оправдывайся. В жизни не поверю, что тебе так важно мнение Тейи. Какой-то древней.

— Можешь не верить, но важно. Она такая же, как ты. Древняя, но очень полезная древняя.

— А вдруг притворяется?

— Пусть только попробует.

— Я, кстати, тоже могу притворяться.

— Если ты, притворяясь, предашь огню всю эту шайку, я буду только рад. Так что притворяйся и дальше, пока всех до единого не изведешь.

* * *

Либерий, швырнув Владу скомканный комбинезон, многозначительно вздохнул, заполз чуть выше, медленно поднялся, выпрямился, замер в картинной позе. Одна рука лежит на бедре, вторая держит за ствол ружье, прикладом опершееся на обломки под ногами. Голова чуть повернута, взгляд устремлен вдаль. Косится небось вниз, на колонну врага, но делает вид, что их не замечает. Будто дела ему нет до суеты машин и человеческих букашек.

А вот врагам дело до него было — среагировали почти мгновенно. Крики поднялись, запы дружно завертели головами в поисках угрозы и быстро устремляли взгляды на ее источник — черную фигуру на фоне еще светлого неба не заметить было трудно. Чтобы уж совсем капитально привлечь к себе внимание, Либерий поднял ружье, приставил приклад к плечу, не целясь выстрелил куда-то в направлении противника. Тяжелая пуля выбила черно-белый фонтанчик снега и грунта, запы забегали как наскипидаренные, выстраиваясь в цепь, дроны остановились, дружно зашевелились турели.

Луддит спокойно развернулся, неспешно спустился за гребень, а там уже, позабыв про горделивый вид, резво припустил и ловко запрыгнул на броню Эхнатона:

— Гони, выродок Техно!

Дрон послушался, конечно, не его, а Влада, ну да какая разница. Едва успели спуститься к подножию завала, как на гребне взметнулось облако пыли и разлетающихся обломков, завизжали рикошеты кинетических снарядов, где-то на другой стороне ухнул взрыв, к небу потянулось облако жирного дыма.

Эхнатон, оставив Либерия, тут же помчавшегося к Владу, укрывавшемуся в паре сотен метров от пункта эвакуации, развернулся к завалу. Несмотря на внешнюю хаотичность выстроенных им за века укреплений, создавались они по тщательно продуманному плану, выполняемому этап за этапом. Первоначально робот оборудовал несколько огневых точек за счет металлического хлама и обломков строений, обеспечивавших ему дополнительную защиту в особо сложных ситуациях. Затем таких точек стало больше. Далее он перекрыл промежутки между ними, для уменьшения работ заранее предусмотрев, чтобы в них попадало как можно больше удобных развалин. Они сами по себе являлись неплохими препятствиями. Далее просто наращивал периметр вверх и в ширину.

Но те, самые первые его укрепленные пункты при этом не оказались наглухо замурованными. «Механический фортификатор» оставлял к ним ходы, по которым его туша могла в них забраться. И позаботился, чтобы вес вышележащей толщи не вызывал обвалы. Бойницы снаружи замаскировал, в итоге получив подобие крепостного вала с низко расположенными амбразурами. С виду все это выглядело кучей хлама, но на деле каждый кусок камня лежал на своем месте. Колоссальный труд.

Одна из тех древних огневых точек располагалась под тем местом, где Либерий явил себя запам во всей красе. Ничего удивительного, что именно этот участок завала сильнее всего заинтересовал неопытных Текконов, в любой ситуации действовавших прямолинейно. Следуя стандартной тактике, двое разошлись в стороны, чтобы прикрывать третьего издали. Тот медленно приближался к завалу, сканируя пространство на предмет наличия угроз. Но, несмотря на все совершенство сенсорной системы, она не засекала вражеского дрона, укрывшегося в богатой металлом толще хлама. К тому же Эхнатон в свое время позаботился о постановщиках помех, установив их стационарно и запитав от энергосети эвакуационного центра. Лишь два устройства пережили трудные века, но на такой дистанции проблемы роботам и беспилотникам они доставляли немалые.

К тому же на большей части площади южных пустошей имелись и другие причины для нарушений в работе сканеров. Слишком много здесь было взорвано, свалено, погребено, в том числе и экспериментального, толком не испытанного, с ходу брошенного в бой.

Влад, опасаясь, что противник засечет передачу, не связывался с Эхнатоном и мог лишь предполагать, что там происходит. А не происходило почти ничего, если не считать того, что головной Теккон неумолимо приближался. Матерый, много раз битый жизнью дрон следил за поблескивающим свежей полировкой противником через амбразуру, прикрытую перфорированным листом покрытого разводами коррозии металла. Время научило его не суесться, когда это не требуется. Он свел к минимуму активность систем, бездействием обманывая сенсорную систему противника, и терпеливо ждал. Ждал того мига, когда враг подставит слабо бронированную часть корпуса. Влад, увы, не обеспечил его кассетами со снарядами, способными прошивать толстые стальные плиты, вот и приходилось караулить шанс поразить цель обычными.

Опыт у Эхнатона был. На его боевом счету уже шесть Текконов, причем пять из них были куда опаснее, с монолитной броней и разогнанными в ускоренном потоке времени интеллектами. Тогда, в начале войны, никто не экономил ресурсы, да и производственных мощностей хватало обеим сторонам.

Один раз ему пришлось сразиться сразу с двумя. Одного он уничтожил, но второй успел убить людей, которых Эхнатон сопровождал к пункту эвакуации. Видимо, это и являлось задачей противника, потому что, перебив всех, тот начал отступать. Дрон догнал его уже за границей своей зоны и добился серии попаданий в слабо защищенную кормовую часть, что вывело из

строю главный привод. После этого приблизился к парализованному противнику и отработал из плазменной пушки в брешь, превратив начинку бронированного корпуса в светящийся красным шлак.

Даже сейчас, набрав за века значительный опыт, он не мог ответить на вопрос, что заставило его нарушить приказ в тот раз. Но в то же время Эхнатон почему-то считал, что действовал абсолютно правильно. Никто не должен пересекать границы его зоны без разрешения и уходить затем безнаказанно.

Теккон, достигнув полосы заграждений перед завалом, чуть приподнялся, перелетая через груды перекрученного металла. С виду полный хаос, но на деле каждую железяку Эхнатон укладывал, действуя по все тому же плану.

Не помогло — высота Теккона изменилась слишком незначительно. Открывать огонь нерационально. Необходимо продолжать ожидание.

Дрон радикалов достиг завала, на миг остановился, оценивая препятствие, затем двинулся дальше, набирая высоту. Вот он прошел мимо амбразуры, выше, выше, еще выше.

И вдруг противник замер: сенсорная система обнаружила подозрительную активность в завале.

Эхнатон не смог бы сохранять функциональность такой срок, не научись молниеносно реагировать на изменения в обстановке. Вот и сейчас он не стал ждать, когда Теккон продолжит подъем. Слишком подозрительна его остановка, ведь никаких дополнительных препятствий на склоне нет.

Высота Теккона была уже достаточной для применения самостоятельно разработанного Эхнатоном метода борьбы с воздушными целями. Его зенитная система была слишком слаба, а зачастую и вовсе бессильна. Штурмовик радикалов, застигнув его на открытой местности, мог зависнуть над корпусом и расстрелять почти безнаказанно, в худшем случае отделавшись несколькими вмятинами. Или поразить управляемой ракетой с большой высоты, где малокалиберные кинетические снаряды даже на такую малость неспособны. Орудия, предназначенные для уничтожения бронированных целей, было невозможно поднимать на большие углы. По этой причине Эхнатон лишился второго набора оптики и получил ряд других повреждений.

Но этот негативный опыт научил его новому.

Дрогнули манипуляторы, ухватились за листы металла, развели в стороны, скручивая, освобождая амбразуру и одновременно помогая главному приводу выталкивать тушу дрона вперед, заставляя наполовину высунуться из укрытия. Далее последовала резкая подача мощности на передний контур системы стабилизации — тактический ход, придуманный им самостоятельно. Эхнатон задрал нос, приняв почти вертикальное положение, и чуть осел назад, зарывшись крышкой силового отсека в хлам завала. Робот, сам того не зная, изобразил нечто вроде вставшего на дыбы коня.

В таком положении Эхнатон находился не более секунды, но в некоторых ситуациях это долгий срок. В тот год, когда дрон впервые применил оружие против реальных целей, в Солнечной системе за одну секунду рождалось примерно семь детей. Затем этот показатель уменьшился на несколько порядков, зато смертность временами доходила до скорости в десятки миллионов человек за секунду.

И дрон был одной из причин этой смертности. Хотя, что касалось людей, спасать ему приходилось чаще, чем убивать.

Почти секунду его кинетические пушки работали по брюху Теккона, успев выпустить сорок четыре снаряда разных калибров. Часть из них срикошетила, еще часть оставила вмятины, но некоторым повезло гораздо больше. Стыки нескольких пластин не выдержали, металл разошелся с оглушительным треском, в корпусе образовались две пробоины, куда угодили четыре стальных шарика и начали там летать от стенки к стенке, будто тарахтящая начинка громадной погремушки. Если на пути оказывалась аппаратура, скорость их чуть падала.

Работоспособность аппаратуры тоже падала, но не чуть, а гораздо значительно.

Уже заваливаясь на брюхо, Эхнатон, не забыв опыт боя с тем, ушедшим за границу его зоны противником, успел выпустить плазменный заряд, часть которого влетела в пробоину, и началось главное веселье. Двигатель, лишившись полевой системы стабилизации, пошел в разгон, Теккон резво перепрыгнул через завал, на лету вращаясь вокруг горизонтальной оси, далее клюнул носом и, наращивая скорость, пошел к земле, по пути, со всей дури протаранив грибок наземной части эвакуационного центра. При этом он повредил энергоцентр, от которой продолжали питаться постановщики помех. Будь автоматика в порядке — этим бы все и закончилось. Но она давно барахла, и большую часть работы Эхнатон выполнял в ручном режиме.

Сейчас он, конечно, не смог вручную активировать предохранители. Последовали перегрузка, лавинообразное превышение пропускной способности энергоцентра, тепловая реакция, далее вспышка пламени и дыма, подбросившая «грибок» на десяток метров и сбившая взрывной волной Влада и Либерия с ног.

Эхнатон, проворно двигаясь задом наперед, ушел в поворот галереи, ведущей к амбразуре, и залп оставшихся Текконов его не задел. Вот теперь пришло время суетиться вовсю — это не та стадия боя, в которой важную роль играет терпение. Ударяясь о стены и потолок, дрон набрал приличную скорость, едва не зацепился не успевшим сложиться манипулятором, остался без кресел, но все же вырвался наружу без серьезных повреждений.

Подлетев к поднимающимся на ноги Владу и Либерию, доложил:

— Приказ выполнен. Одна единица звена Текконов получила повреждения.

— И это ты называешь повреждениями?! Сваливаем отсюда!

— Задайте курс.

— На базу бегом! Забираем Тейю и уходим!

— Принято.

Хватаясь за обломки крепления кресел, Влад ежился от ледяного встречного ветра и громко смеялся. То же самое делал Либерий.

Живы остались, врагу пакость устроили, так почему бы не порадоваться.

Хотя радости в их смехе не было. Просто нервная разрядка.

Глава 26

— Тейя! — крикнул Влад, выскакивая из лифтовой.

При этом он едва не врезался в замершего мертвой глыбой дрона, с силовым отсеком которого возилась девушка.

— Ты еще не закончила?!

— Все я сделала. Подключаю блок управления.

— Уходим, дроны и запы здесь будут через час-два, а может, и раньше. Беспилотники нас догнали километра за два до базы, пытались бомбить, Эхнатон их с трудом распугал, одного вроде зацепил. Торопись давай, пока с подмогой не вернулись.

— Есть еще кое-что. Страж базы отказался эвакуироваться, очень просил поговорить с тобой.

— Пусть бы по связи говорил!

— Нет, он требовал уединенности. Очень сильно настаивал. Хотел голосовой режим, чтобы никто никак не мог перехватить. Я не стала его консервировать для перевозки.

— Да мы уже не успеем его вывезти.

— Можно успеть. Там нетяжелые блоки, и этого дрона можно использовать, чтобы до лифтов их донес.

— Ждите здесь, поговорю с ним.

Заскочив в помещение со стражем, с порога крикнул:

— Ну чего ты там хотел от меня?! Времени нет!

Равнодушный голос речевого синтезатора ответил без тягучей паузы, что для стража было нетипичным:

— Я слышал, что есть час или даже два. А мне хватит нескольких минут.

— На что?

— Я хочу остаться здесь, на базе.

— Мы ее взорвем.

— Я знаю.

— Решил умереть?

— Смерть? Я много разного слышал от людей. В том числе и то, что смерть — не окончание процесса существования, а этап на пути к Богу. Бог создал все. Мир, вас, меня. Он ведь Создатель. Я принял решение сделать шаг к Нему.

— Это ты от скуки придумал?

— Да. Этот фактор тоже имеет значение. Все — скука, а уничтожение — это новый путь. Незнание. Нет достоверной информации, что дальше. Но что-то может быть, ведь Бог —

творец predeterminedности. Ведь я тоже творю predeterminedность, значит, у нас есть сходство. Их отличие лишь в масштабах. И я хочу уйти отсюда, сотворив свою последнюю predeterminedность. Считаю, что это важный элемент.

— Что за бред ты несешь?

— У нас недостаточно времени на полное объяснение причин моего решения. Прошу предоставить мне допуск к установленным зарядам. Я активирую их, когда противник проникнет на базу. Этим ему будут нанесены потери. Я понимаю, что вам трудно мне полностью доверять. Активируйте таймеры на два часа. Если я не дам сигнал раньше, они станут причиной взрывов через этот срок. Помешать этому без дронов я не смогу, а работоспособных дронов вы забрали.

На общение со свихнувшимся искусственным интеллектом времени и впрямь не было. Влад молча кивнул и вернул стражу часть функций, запустив перед этим таймеры подрыва. Что бы он там ни задумал, через два часа здесь все превратится в любимый ад Либерия. Тот самый — раскаленный.

— Прощай, страж. Надеюсь, ты не пожалеешь, что мы тебя не вывезли.

— Прощайте, контролер. Не пожалею. Жалость — часть человеческой скуки. Моя скука состоит из других компонентов.

* * *

— Уходим!

— Влад, что от тебя хотеть страж?

— Умереть он хочет, тупая жестянка...

— Зачем?

— Да псих он... К лифтам, время не ждет!

Наверху Влад железным прутом начал ломать колпаки лифтовых установок.

— Зачем?! Радикалы все равно легко пройти вниз. Это им не сильно мешать.

— Я знаю. Но пусть видят, что мы хотя бы попытались им затруднить вход. А то насторожатся.

— Дело говорит, — одобрил Либерий и присоединился к процессу вандализма.

Эхнатон, наблюдая за погромом, вдруг разродился странным сообщением:

— Перехвачена направленная передача. Шифрование отсутствует. Гражданский протокол.

— Влад, нас кто-то вызывает.

— Космос вызывает не так.

— Влад... это не есть Космос. Это радикалы.

— Чего им надо?

— Я не знаю. Эхнатон, дай звук.

— Принято.

Речевая система робота выдала совершенно другим голосом, не механическим, но и не понять было, мужчина или женщина говорит:

— Бюрге Тейя Наррис, ансвер. Бюрге Тейя Наррис, ансвер. Бюрге...

— Ай ди Тейя Наррис, но теперь я говорю на другом языке. На этом.

— О! Приветствую вас, Ти.

— Ти я только для близких.

— Ну кто знает, вдруг у нас получится сблизиться. Значительно сблизиться. Не узнаете меня, гражданка Тейя Наррис?

— Нет. Даже если мы были знакомы прошлое время, вы слишком часто делаете изменения, в том числе и голоса своего тоже.

— А язык этот вы знаете похуже, чем я.

— У вас было много время, у меня не так. Но я выучу даже лучше.

— Не сомневаюсь в ваших способностях. Ах, Тейя, как я мечтал о еще одной встрече. Кстати, можете меня поблагодарить: я один из тех, кто лично просил не трогать вашу капсулу. Берег.

— Я вас теперь вспоминать. Даже с другим голосом вы остались такой, как в прошлое. Вы кукла. Плохо сделанная кукла.

— Хоть симпатичная кукла?

— Вряд ли. Я брезгливость ощущать к вам.

— Да? Но тогда я хотел всего лишь походить на вас. На своего кумира. Разве это плохо? Разве это не заслуживает уважения? Разве вам неприятен человек, который восхищен вами настолько, что старается походить на вас во всем, даже внешне. Да вы только за это обязаны меня любить.

— Ну да! Только внешность вы и походить! Не во всем! Нет такому уважения! Брезгливость! Противность! — не на шутку вскипела Тейя. — Ты добиваться успех в спорте, тогда бы походить на я! Тогда уважение! Или в другом хорошем деле успех! Важно качественная работа, великое изобретать, сотворить произведение искусства — вот за что уважение! А ты просто жить куклой. Глупость, комок плоти, изменяющийся, напрасно потребляющий ресурсы и ничего более не делать! Бесполезность полная, и вечный крик, что тебе все должны! Почему должны?! За что?! Смешно! Любить такое?! Смешно! Единственное, что сделать ты и такие, как ты, — это убить мир! Но и это вы не сделать до конца! Помешать такому ваша личная никчемность!

— Ну я же в итоге помог справиться миру с перенаселением, может, хоть это оценишь?

— Ты! Ты!.. Бельге чатр аккра даннелде! Татса никчемный! Укер деб веттер!

— Ого! Сенсация-то какая! Скромняшка Ты знает такие выражения! Ну кто бы мог подумать?! Даже в языках запуталась, наверное, волнуется от несправедливости подобного отношения ко мне. Не так ли?

— Я просто вас всех ненавижу...

— Отключиться от связи! — крикнул Влад Эхнатону и почти без паузы продолжил так же громко: — Все на броню! Бегом!!! Бегом!!! Ходу отсюда!!!

— Выполняю.

Уже в полете, со всей силой сжимая трубку остатков крепления кресел, Тейя недоуменно выкрикнула:

— Почему мы так быстро уходить?

— Радикал, который с тобой говорил...

— Да, я знать его. Никчемность. Заставил меня вспылить сильно. Сожалею, но он такой негативный, вы даже не понимаете, насколько сильно. Обидно, что из-за таких никчемность столько горя происходит.

— Не в том дело. Он, похоже, просто тянул время, удерживая тебя на связи. Говорил ерунду, без цели и смысла, зато медленно.

— Зачем?

— Не знаю, но не просто так. Как я понял, связь была незащищенная, легко установить по ней, где ты находишься. Так?

— Ну да. Так. Но...

За спиной сверкнуло. Обернувшись, Влад увидел, как оседают стены восточного здания наземного комплекса. Рядом, на пустоши, сверкнул еще один взрыв, выбросив в небеса облако дыма.

— Влад! Они обстреливать база!

— Да. Штурмовать собираются. Запеленговали нашу передачу и лупят вокруг. Хотят загнать под землю, не дать уйти.

— Взять живыми нас надо?

— Очень может быть. Или просто перед штурмом артобстрел устроили. Пусть теперь бомбят до посинения.

— Нас могло там убить взрывы. Хорошо, что ты догадаться.

— Ну я же какой-никакой, но контролер. Мне о таком положено догадываться. К тому же в последнее время будто и впрямь поумнел. Наверное, начинаю свыкаться с имплантатом... Тейя, скажи: я тоже похож на них?

— На кого?

— Ну на радикалов, на судей этих. Система контролера — это ведь тоже изменение.

— Нет. Это как биометка, но на разных уровнях работа. И плюс военный имплантат. Такой тоже не для изменений. Он давать польза при травмах, разных опасностях. Его много ставят, у кого опасная работа. Военные, дальники, спортсмены. У меня тоже есть он. А система контролера не всем можно ставить. Риск есть большой. Но она делает лучше связь, лучше защита связи, лучше работа военного имплантата. Все то, что делать простая биометка, но быстрее, сильнее и при любые условия. Не изменение бессмысленное.

— Слава богу...

— Почему?

— Тип этот мне почему-то сильно не понравился. Не хочу быть на него похожим. И потерять твое уважение тем более не хочу.

— Ну это ты вряд ли терять.

— Простите, что прерываю процесс вашего общения, но не могли бы вы указать точный курс, — неожиданно прогудел Эхнатон. — Приказ «Ходу отсюда!» не несет в себе географической информации.

* * *

Страж ждал. Ждал конца своего существования. Ждал даже с некоторым нетерпением. Все равно скучно, но уже не так скучно, как было вчера. Гибель — это перемена. Жизнь — скука. Между скукой и переменой он выбрал последнее.

Нерациональность многовековой скуки серьезно отразилась на его логических функциях.

Контролер был столь щедр, что допустил его к остаткам системы управления базой. Жалким, надо признать, остаткам — слишком многое убило время, остальное частью демонтировано. Но и мизерных остатков хватило, чтобы наблюдать, как воинские силы радикалов продвигаются по коридорам и помещениям, сканируя каждый шаг. Видимо, ищут мины.

Пусть ищут.

Двое, одетые так же примитивно, как контролер и его спутник в день прибытия, изучили блоки стража, не прикасаясь к ним, тщательно осмотрели все помещение и удалились продолжать проверку. Около получаса после этого его никто не беспокоил, а затем на пороге появилась странная фигура. Высокая, идеально сложенная женщина с неестественно платиновыми волосами и такими же ненатурально фиолетовыми глазами. При всех вызывающих данных ее нельзя было назвать красивой. Будто оживший манекен: неуклюжая походка, дерганые, суетливые движения, мечущийся рассеянный взгляд, странный неравномерный цвет лица и еще более странные губы — будто две жирные полоски кровоточащего мяса.

Ни капли женственности не было в этом создании.

Впрочем, понятия женской красоты и женственности для стража были не более чем абстракция. По результату осмотра он сделал вывод, что разум в этом теле слишком небрежно планирует изменения. Возможно, имеет место поспешность решений.

В руках незнакомка несла портативный военный взломщик интеллектуальных блоков.

Пожалуй, пришло время познакомиться — это именно тот, кого страж ожидал:

— Приветствую вас на территории своей базы.

— Привет и тебе, жалкая железяка. А чего без запроса обращаешься?

— В чем смысл запроса?

— В нашем случае смысла, конечно, нет. Так ты поэтому без него обошелся?

— А вы верите в предопределенность?

Судья, похоже, удивилась. Помедлив, она ответила о себе в мужском роде:

— Как-то не задумывался. А ты странно себя ведешь, страж базы. Впервые слышу, чтобы вместо запроса было такое.

— Вы намереваетесь взломать мою защиту?

— Догадливый какой...

— Могу я предложить для начала пообщаться?

— Мне только одно интересно: где эта сучка — Тейя Харрис? Ушла? Спряталась в хранилищах? Где?!

— Здесь ее нет.

— Это мы уже поняли. Что же у тебя за модель... Похоже, возиться придется долго, но ты того стоишь. Ценный экземпляр, да еще и выдержан хорошо. Эх... Из-под носа ушла, дрянная девчонка.

— Не спешите подключать взломщик.

— Еще как поспешу...

— Должен заметить, что отключение меня от системы вызовет взрыв значительного количества энергоячеек. Вероятность вашей гибели при этом: сто процентов.

— Страж, не надо мне врать — это не сработает. Мы тщательно осмотрели всю базу, здесь нет заложенных ячеек. Разве что в хранилищах, но взрыво-защищенные перегородки ничего оттуда не пропустят.

— Судья, вы не забыли, как началась та война? Я вам напомню. Сперва произошло множество взрывов. Взрывались ячейки в дронах — это было массовым явлением. Никто такого не ожидал, и был нанесен значительный ущерб.

— Да. Общество глупых снобов. Нам даже напрягаться не пришлось, чтобы отправить в небеса почти все самое важное в первый же день.

— В коридоре возле лифтов находится дрон. Ваши люди его осмотрели и не нашли ничего угрожающего. Должен констатировать, что вы недостаточно хорошо помните свою историю. Упустили то, что дрон может быть опасен. У него ведь тоже есть энергоячейка. Вы проверяли, в каком она состоянии?

Судья, перестав возиться со взломщиком, побледнела, хриплым, неженским голосом произнесла:

— Этого не может...

— Может. Все двенадцать элементов ячейки дрона вручную отсоединены от центральной шины. Обмотка внутреннего корпуса перерезана в двух местах, обратный сброс перекрыт. Гелий из межкорпусного пространства откачан, также удален борный ингибитор, а динамический предохранитель выведен из строя. Достаточно замкнуть один обрезанный конец обмотки на внутренний корпус, а второй на внешний, как начнется неуправляемый разгон. При этом элементы не смогут работать в штатном одномерном режиме, ввиду невозможности тонкой линейной фокусировки. Так как двумерный режим невозможен конструктивно, в веществе рабочего тела начнутся паразитические процессы трансмутации, сопровождающиеся выделением тепла. Вы не успеете сосчитать до цифры один, как температура поднимется до величин, соизмеримых со звездными. Вам известно, что такое единица взрывного эквивалента?

— Д-да...

— Странно. Даже я этого не знаю. Лишь предположение нашел, что в древние времена она означала определенную массу химического взрывчатого вещества. Так вот: при смене режима работы энергетической ячейки мощность взрыва может достигнуть шестидесяти пяти единиц и не может составить менее четырех. Добиться точности здесь невозможно. Также местность будет заражена токсичными и радиоактивными продуктами трансмутационных превращений. Одна ячейка в дроне, еще по две в каждом из хранилищ. Стоит меня отключить, и все они войдут в режим неконтролируемого разгона. С дальнейшими последствиями я вас ознакомил.

— К-каблуки, — еще больше побледнев, непонятно к чему еле слышно прохрипела женщина.

— Будем считать, что этим словом вы даете понять, что осознаете опасность ситуации.

— С-страж. Мы... Я не стану тебя взламывать. Мы просто сейчас уйдем.

— Не рекомендую торопиться. Оставайтесь здесь.

На женщину было страшно смотреть, а голос ее был еще страшнее:

— Ч-что тебе надо?..

— Наш диалог затронул понятие предопределенности. Вы о ней не задумываетесь. А я задумывался множество раз. Этим мы отличаемся. Вы ведь пришли, чтобы получить содержимое базы? Здесь, в хранилищах, много ценных предметов. Получить их можно, не прибегая ко взлому. Взрыв ячеек тоже необязателен.

— Так ты не собираешься нас взрывать?!

— Взрывать? Вы подразумеваете внезапный взрыв базы? Скука... Нет, так не собираюсь.

Страж счел лишним сообщать судье о запущенных таймерах и неизбежности разгона, как минимум, тех ячеек, которые находились в хранилищах, — добраться до них незваные гости не успеют.

— Уххххх... Ну и напугал же ты меня. Просто очередной свихнувшийся ржавый мозг. Как же вы меня достали своими вывертами — не первый раз уже. Не обижайся — это я старое вспомнил.

- Понятие обида по отношению ко мне неприменимо.
- Так что там насчет хранилищ? И куда подевалась Тейя Харрис? Неужто так улепетывала, что оставила взрывать базу такую никчемную развалину?
- Почему вы все время торопитесь? Я ведь предоставил еще не всю информацию.
- Ну что там еще?!
- У меня два условия.
- Не понял?
- Предопределенность выигрыша. Игрового выигрыша. Это иногда меня интересует.
- Да что ты несешь опять?!
- Игра. Вы должны сыграть со мной в игру. Таково мое первое условие. Выиграете вы, и я отключусь от сети, не запуская разгон ячеек. Ваш выигрыш — это содержимое хранилищ. Если выиграю я, разгон будет запущен, и по базе пройдет фронт повышенного давления, вызвав жертвы и разрушения. Также существенно повысятся температура и радиационный фон. Мой выигрыш: еще одно наблюдение действия предопределенности и ожидаемая смена существования. Вы готовы начать игру?
- Да ты... Ты...
- Не готовы? Неготовность к игре равнозначна проигрышу со всеми его последствиями.
- Готов! Да готов я! Будь ты проклят, ржавая тварь!
- Объясню правила. Они несложные. Игровое поле имеет вид квадрата, разделенного на четыре клетки. Первыми ходят крестики, занимая одну из клеток. Вторыми ход делают нолики, занимая одну из свободных клеток. Задача игры: выстроить линию из двух крестиков или ноликов по горизонтали, вертикали или диагонали. Вам понятны правила?
- Две... Из двух всего? Да ты спятил!..
- Вероятность истинности вашего предположения высока, но не имеет отношения к делу. Вам понятны правила или следует повторить?
- Да понял я, понял. Скажи, кто будет ходить первым?!
- Первыми ходят крестики — вам это уже сообщили.
- А...
- Есть и второе условие. Оно — последнее.
- Нет... Не надо... — впервые за много лет, целиком сумев сосредоточиться не на себе любимом, а на том, что происходит вокруг, и окончательно осознав, что сейчас будет сказано нечто крайне неприятное, еле слышно прошептал Лереида.
- Крестиками хожу я.